

ЗВЕЗДЫ ЗАРУБЕЖНОГО СПОРТА

Д. Кусогинский

ДОРОГА НА ОЛИМП

...UPÓR, WIARA I CHĘĆ
ZWYCIĘSTWA, TE TRZY SKŁADNIKI,
JAK PRZEKONAŁEM
SIĘ, MOGĄ CZYNIĆ NAPRAWDĘ CUDA.

...УПОРСТВО, ВЕРА В СЕБЯ,
СТРЕМЛЕНИЕ К ПОБЕДЕ...
ЭТИ ТРИ КАЧЕСТВА
МОГУТ ТВОРИТЬ ЧУДЕСА.

Януш Кусочинский. «Дорога на Олимп»

*«... Упорство, вера в себя,
стремление к победе...
... Эти три качества
могут творить чудеса».*

М: «Физкультура и спорт» 1975 272 с, серия «Звезды зарубежного спорта», сокращенный перевод с польского И. Смирнитской

Эта книга является документальной повестью и основана на дневниках чемпиона. К сожалению, Януш Кусочинский не смог сам закончить книгу: его жизнь оборвала пуля фашистского палача. Спортивный журналист Казимеж Грижевский, друг Кусочинского, дополнил книгу своими воспоминаниями и рассказал в ней о трагической судьбе большого спортсмена и человека.

Оглавление:

О Януше Кусочинском — спортсмене и патриоте	5
Предисловие к польскому изданию	6
Отчего у меня нос кривой	8
Вкус победы	15
Как я спасался бегством от... женщины	17
Приключения незрелого человека	20
Финская, или... лошадиная, тренировка	26
«Ложь» Клумберга	30
Два сюрприза	32
Первый амулет	36
Матч в Праге	39
Рекорд в Вильнюсе	44
В солдатском мундире	47
Впервые в госпитале и борьба за... волосы	51
А Петкевич все-таки сильней...	53
В Ригу с приключениями	56
В объятиях Хелиаша	59
Я объясняюсь жестами с Нурми	62
Галоп на беговой дорожке ипподрома	65
Победа и поражение	67
Как я победил время	71
Я выигрываю матч трех	73
Асы сражаются в Копенгагене	76
Кто кого подсиживает	78
Чары легенды Нурми	81
...Петкевич просит о помощи	84
В стране тысячи озер	85
Наконец-то я лучше Петкевича	88
Поражение в Венгрии, победа в Чехословакии	90
Финны разные бывают	94
Мемориал Жана Буэна	97
На предолимпийском сборе	102
С теннисистами на Ривьере	103
Лехтинен - плохой пророк	105
Я бью рекорды Нурми	108
Через океан в Лос-Анджелесе	111
Один в Олимпийской деревне	116
Я приветствую своих земляков в Америке	119

Пааво под запретом	121
В зените славы	124
Триумф Стаси	132
Лехтинен гибнет от своего же оружия	135
Шипы и розы победы	139
Новая победа над Исо-Холло	142
Начало драмы с ногой	144
Легкие победы в Милане и Праге	149
Радости и печали будней	152
Рождение соперника Юзефа Нойи	156
Закулисные махинации встречи Карнера - Байер	160
Лондон - Кельн - Стокгольм	164
Я побеждаю финнов в Хельсинки	169
Мрачная тень фашизма	173
Возвращение из Турина	177
Трагедия на беговой дорожке	181
На операционном столе	184
На Олимпиаде в Берлине в качестве зрителя	189
Нойи не послушался доброго совета	194
Возвращение на беговую дорожку	201
Сиринг побеждает Кусого	206
Победа над Нойи	209
Необыкновенный сюрприз	212
В Стокгольме, как в старые, добрые времена	214
Кусый в роли косаря	217
На защиту Варшавы	223
Последний этап жизни	228
Послесловие	231
Приложение. Рекорды Польши и мира на 5 000 и 10 000 м	233
Фотографии	236

О Януше Кусочинском – спортсмене и патриоте

Ход времени неумолим. Дни, месяцы, годы уносят события и людей. Время стирает происходящее.

Память снова и снова воссоздает события, которые должны остаться в назидание потомкам. Память не дает умереть людям, которые ушли, чтобы навсегда служить тем, кто пришел им на смену.

Я думаю об этом, листая книгу Януша Кусочинского. Я не был знаком с этим замечательным польским спортсменом и гражданином, но все-таки я много знаю о нем. Трижды принимал я участие в Мемориале Януша Кусочинского, как называли благодарные польские любители спорта традиционные соревнования, посвященные памяти своего национального героя. Всякий раз, приезжая в Варшаву, я думал о нем, невысоком, сухощавом польском бегуне, который вознес свой спортивный подвиг на вечный пьедестал подвига гражданского.

Януш Кусочинский был первым олимпийским чемпионом среди польских легкоатлетов. Свою золотую медаль он завоевал в отчаянно тяжелой борьбе под палящим солнцем далекого американского города Лос-Анджелеса. Гордые сердца поляков были переполнены радостью от сознания того, что их соотечественник не дрогнул в борьбе с лучшими стайерами мира. Не ошибусь, сказав, что не было в Польше человека, которому было бы незнакомо имя негибнущего бегуна. И тем ответственнее оказалось для Кусочинского испытание, которое выпало на долю всего польского народа в 1939 году. Кусочинский понимал, что в тяжкие для страны времена с особым вниманием все поляки следили за тем, как поведет себя он, лучший спортсмен страны, - не дрогнет ли, не обманет ли надежд народа. Нет, не дрогнул негибнущий Януш, остался бойцом на поле брани, таким же, как и на спортивной арене. И потому спортивная популярность переросла в народную любовь.

Задумываясь о судьбе Януша Кусочинского, невольно размышляешь и о другом — о моральной ответственности спортсмена перед обществом. Золотая медаль чемпиона — это не только цель, это еще и огромная ответственность. Завоевывая ее, ты становишься человеком, поступки которого превращаются в пример для подражания, в субъект воздействия на молодое поколение. Я глубоко убежден: чемпион, оставаясь в спорте или уйдя из него, обязан совершать поступки только благородные, только такие, которые пробуждают лучшие порывы.

Таким был Януш Кусочинский, такими были братья Серафим и Георгий Знаменские, таким был чехословацкий бегун Эуген Рошицкий.

Мои товарищи, я и те, кто пришел в спорт после нас, выступали на Мемориале Кусочинского, на Мемориале братьев Знаменских, на Мемориале Рошицкого...

Память человеческая не дает умереть тем, кто ушел, чтобы остаться навсегда.

***П. Болотников,
заслуженный мастер спорта,
олимпийский чемпион***

Предисловие к польскому изданию

Почти в каждой стране есть спортсмены, овеянные легендарной славой. В Советском Союзе — Куц, в Финляндии — Нурми, в Испании — Заморра, в Голландии — Бланкерс-Кун, в Швеции — Хегг... В Польше таким легендарным спортсменом был Януш Кусочинский.

...Проходят годы. Рекорды «великого молчальника» из Страны тысячи озер стали далекой историей, о вратаре Заморре няньки в Севилье рассказывают своим воспитанникам сказки... Еще недавно рекорды знаменитого стайера Хегга казались недостижимыми, сегодня же с такими результатами спортсмены с трудом попадают в десятку сильнейших, но все-таки...

Все-таки именно эти имена, имена звезд первой величины, навсегда останутся в памяти людей, и никогда их не вычеркнут из почетного списка героев-спортсменов. Потому что они стали как бы вехами в истории мирового спорта и истории спорта своих стран.

И только потом возникает легенда о «силе воли», «доброте», «чувстве локтя», «скромности» и еще многих, многих благородных качествах. Часто эти легенды всего лишь плод воображения восторженных поклонников. Когда пишут биографии любимых спортсменов, то в основном, касаясь событий на ринге, корте, на беговой дорожке, футбольном поле, стараются приукрасить героя.

Но не будем слишком суровы к нашим кумирам, волшебникам пера, сцены или стадиона. Незадолго до войны было модным «развенчивание» героев. Сам Мицкевич не избежал этой участи. Но всякая мода проходит, а Мицкевич остается. Каких бы высот ни достигал герой, он остается всего лишь человеком, со всеми его слабостями и сложностями.

Януш Кусочинский всегда был для публики в какой-то степени загадкой. Предлагаемая читателю книга, на мой взгляд весьма интересная, состоит из трех частей: изданных до войны мемуаров Януша Кусочинского, продолжения мемуаров, до сих пор никогда не печатавшегося, и описаний последних лет жизни спортсмена, принадлежащих перу Казимежа Грижевского — составителя книги. В этой книге читатель увидит не только Кусочинского-спортсмена, но и Кусочинского-человека, с его характером, привычками, почувствует, какое прекрасное сердце билось в груди этого спортсмена. Читатель проследит путь Кусочинского-спортсмена по многим беговым дорожкам стадионов мира и его последний путь, путь патриота, отдавшего все свои силы борьбе со смертельным врагом. Составителю книги благодаря прекрасному знанию спортивного мира, а также личному знакомству с Кусочинским удалось создать интересное повествование, живое и настолько правдивое, что, будучи сам участником многих описываемых событий, я не могу не восхищаться точностью передачи атмосферы, настроения тех дней, самого Януша, который всегда стремился быть первым.

Януш Кусочинский... Если бы кто-нибудь усомнился в его популярности, достаточно было бы проехать с ним в скором поезде, проходящем через Ожарув, родную деревню Януша. Машинист, который, конечно же, знал, какого он везет пассажира, резко замедлял ход поезда перед этой маленькой станцией, а если Кусый, как звали друзья Януша, сразу не выскакивал, курьерский поезд, к всеобщему удивлению пассажиров, стоял долгие минуты...

Кусый был популярен во всех слоях общества. В период расцвета своей спортивной карьеры он посещал роскошные рестораны, великолепно танцевал, играл в бридж, покер, ходил на бега. Но, несмотря на некоторый снобизм, Януш

всегда оставался хорошим товарищем. Он был верным в дружбе и постоянным в неприязни.

Одним из его лучших друзей был варшавский жокей Стефан Михальчик. Януш нередко встречался с Михальчиком в бане «Диана» на улице Хмельной. Но дружба их выходила далеко за пределы бани, стадиона и ипподрома. Михальчик боготворил Кусого. Однажды некий недоброжелатель Януша повел себя агрессивно, и Михальчик, защищая друга, применил силу. Эта история в свое время стала сенсацией Варшавы.

Меня часто спрашивают, обладал ли Януш чувством юмора. В ответ на это я вспоминаю одну забавную историю: во время зимних соревнований на звание чемпиона Польши в Пшемысле нас поместили в один номер в отеле. Вечером, уже лежа в постели, мы слушали байки Януша. Поздней ночью в нашу комнату влетел прыгун в длину Стефан Сикорский, известный своим неуравновешенным характером.

— Замолчите сейчас же! — заорал он. — Из-за вас невозможно заснуть!

Кусый спокойно ответил:

— Стефан, сначала скажи всем «здравствуйте», а потом выкладывай свои претензии.

Сикорский растерялся, промямлил «здравствуйте», вышел, но потом сразу же вернулся с новой обидой:

— Не тебе, Кусый, учить меня хорошим манерам!

Януш рассмеялся и сказал:

— Я так и знал, что ты вернешься.

— Почему? — снова попался на удочку Сикорский.

— Чтобы сказать «спокойной ночи», дурачок. Уже поздно и всем пора спать.

Существует мнение, что главным двигателем всех спортивных достижений Кусого была неприязнь к Петкевичу, который долгое время был его грозным соперником. Надо сказать, что такое мнение не лишено оснований. Постоянный антагонизм Кусого и Петкевича, их частые ссоры и сражения за пальму первенства не только в соревнованиях, но и на приемах, на балах носили затяжной характер.

Когда Януш побил все рекорды Петкевича, он узнал, что тот носится с идеей податься в профессиональные танцоры. Януш тоже стал брать уроки танца у самых известных и дорогих учителей. Петкевич мечтал стать тренером, поступил в тренерскую школу, но не окончил ее, Януш же довел начатое дело до конца и стал тренером.

Французы сравнивают Януша со своим знаменитым стайером Буэном, рекордсменом мира, погибшим в первую мировую войну. В Париже именем Буэна назван стадион, где происходят крупнейшие легкоатлетические соревнования. В Варшаве стали традиционными соревнования «Мемориал Януша Кусочинского», где ежегодно собираются сильнейшие легкоатлеты со всей Европы. Эти соревнования — достойная память великому спортсмену, человеку прекрасной и богатой души.

*Эдвард Троянский,
В 30-е годы один из сильнейших польских бегунов,
рекордсмен Польши в беге на 200 м,
ныне журналист*

От чего у меня нос кривой

Мои записки отличаются от публичной «исповеди» перед ближними. Это прежде всего история достижений человека, которому дано было стать олимпийским чемпионом. Я надеюсь, что мой рассказ поможет тем, кто делает первые шаги на спортивном поприще, преодолеть робость и еще раз проиллюстрировать пословицу «не боги горшки обжигают».

Родился я 15 января 1907 года в Варшаве. Мой отец был железнодорожником, но всегда мечтал переехать в деревню и заняться сельским хозяйством. В конце концов его мечта сбылась. Мне было всего полгода, когда мы с семьей переехали в Ожарув. Кроме меня в семье было еще два брата и три сестры. Старший брат Зигмунд преследовался царской охранкой за нелегальную деятельность, в 1905 году он эмигрировал во Францию и сражался в рядах французской армии. Во время первой мировой войны в Париже он и умер. Второй брат — Тадеуш погиб под Замостьем в 1920 году. Остались у меня только сестры.

В Ожаруве я прожил много лет со старенькими родителями, которые после ухода из дома сестер надеялись найти во мне утешение. Теперь-то я понимаю, что за утешение я был им тогда...

Вспоминаю, как я потихоньку выбегал во двор, на животе проползал в собачью будку и играл там со щенками. Позже мне мама рассказывала, что ходить я начал очень рано и довольно быстро. Мальчишкой, надо признаться, я был несносным. Справиться со мной никто не мог, даже отец только разводил руками. Меня всегда тянуло открытое пространство — я ненавидел закрытые помещения, летал по комнатам, как пойманный воробей.

Мама всегда волновалась, когда я выходил на улицу. Но никакая сила не могла удержать меня в нашем небольшом саду. Я обожал бегать наперегонки с собаками, Боксом и Орионом, очень любил лошадей. Помню, когда мне было лет восемь, я вскочил на телегу, оставленную без присмотра, и погнал лошадей.

— До чего же ты непутевый,— причитала мать,— ничего хорошего из тебя не выйдет.

Отец по-своему старался меня воспитывать, но иногда у него не хватало терпения, и от его «воспитания» у меня буквально распухали уши. Он не признавал спорта, не уважал спортсменов, выше всего ценил знания, но ему так и не удалось привить мне любовь к учебе. Легче, наверное, было бы обучить астронома прыжку с шестом, чем заставить меня корпеть над таблицей умножения.

Спортом в нашей семье увлекался только мой старший брат. Он великолепно играл в лапту, но и я тоже был неплохим игроком. Часто мы убегали с мальчишками за дом на пустырь, где развешивались жаркие схватки, перед которыми по упорству меркнут олимпиады. Десятилетние

спортсмены делились на две команды, в одной из которых я, как правило, был капитаном и пользовался большим авторитетом.

А сколько было приключений!

Однажды я вместе с родителями поехал в Хрубешов к шуруину, который служил в стрелковом полку. Я много слышал об одной полковой кобыле, которая никого к себе без хлыста не подпускала. Ну и, конечно же, первым делом помчался на конюшню. Мне необходимо было всем показать, как я умею укрощать самых непокорных лошадей. Подошел я к лошади, а та схватила меня зубами за подбородок и чуть не откусила нижнюю часть щеки. Кровь залила мою праздничную рубашку. Сдерживая слезы, я еле добрался до дому и, только когда родные, обступив меня плотным кольцом, стали охать и причитать, тут-то меня и прорвало. Я заревел на весь дом.

Шрам от «лошадиного поцелуя» остался у меня на всю жизнь. Этот случай не был из ряда вон выходящим, подобные истории повторялись со мной довольно часто. Хотя меня и щадили детские болезни, я массу времени проводил в постели, обложенный примочками и компрессами. То лошадь лягнет, то собака укусит, то черный кот, верный товарищ моих детских забав, поцарапает. Поэтому мама всегда пугалась, когда я выходил из дому, и на всякий случай готовила бинты и йод. После игры в лапту я напоминал гладиатора, прошедшего сражение с целой стаей разъяренных хищников. Снова и снова я выслушивал нотации о том, что спорт мешает учебе и что, по-видимому, из мальчиков с такими дурными наклонностями ничего путного не получается.

Разобиженный на родителей, шел на конюшню, где стояла моя любимая лошадь Баська.

— Здравствуй, Баська!—говорил я ей, и она вежливо подавала мне переднюю ногу.

Я мечтал иметь красивую, породистую лошадь, которая будет понимать меня с полуслова и брать мягкими, бархатными губами сахар из моих рук. Себе же я представлялся блестящим гусаром в парадном мундире... Мне тогда и в голову не приходило мечтать о спортивной карьере.

Играть в лапту, бегать наперегонки — все это было как бы частицей моего «я», все равно что еда, сон... Профессия, или, как это называл мой отец, «карьера», казалась мне чем-то далеким и недостижимым.

— Я буду гусаром,— заявлял я, важно прохаживаясь по саду, засунув руки в карманы.

И в ответ печальный голос мамы:

— Януш! Не растягивай, пожалуйста, карманы, а то я их зашью. Какой непослушный мальчик!

Мама сдержала свое обещание. Однажды утром я проснулся и почувствовал, что произошло что-то ужасное. В аккуратно выглаженной куртке и брюках чего-то не доставало. Внимательно приглядевшись, я понял, в чем дело: исчезли карманы. Они были тщательно зашиты, а на

ночном столике лежало содержимое моих карманов, сокровища, которые я не променял бы ни на что на свете: тупой перочинный ножик, веревочка от воздушного змея, несколько гвоздей, конверт с почтовыми марками, счастливая подкова, хлыстик, сахар для лошадей, носовой платок, которым, конечно же, вытирается не только нос, но и потная шея лошади...

Я чувствовал себя оскорбленным, но решил не показывать обиды: «Подумаешь, нет карманов! Полнейшее равнодушие — вот моя месть!»

Итак, теперь мне некуда было класть носовой платок, и я научился вытирать нос как все деревенские мальчишки: рукавом слева направо, что дало неожиданный эффект. Мама вдруг заметила, что кончик моего носа тоже сместился слева направо. Ничто не могло мне помочь — ни мамины компрессы, ни мое собственное лечение, заключавшееся в том, что я дергал нос в другую сторону — мягкий хрящик успел затвердеть.

Родители, потеряв всякое терпение и отчаявшись, отвезли меня в Варшаву к дяде. Бедному дядюшке явно не повезло, коль судьба возложила на него воспитание такого племянника. В Варшаве у меня появилась огромное поле деятельности, гораздо более обширное по сравнению с тихим Ожарувом: можно было бегать по путям и догонять трамваи, привязывать к хвосту кошки гремющую консервную банку, стучать в окна первых этажей или играть побудку на вывесках магазинчиков. Правда, дядя тоже не оставался в долгу. За все проделки он наказывал меня довольно сурово, запирая на целый день в комнате.

Но вскоре и дядиному терпению пришел конец. Меня торжественно вернули родителям. Оставалось последнее средство: школа.

Школа Навроцкого помещалась на улице Маршалковской. С заднего двора этого заведения очень удобная лазейка вела прямо в Саский Сад. Там-то мы и нашли неплохую площадку для игры в футбол. Отец надеялся, что школа все-таки заставит меня взяться за ум, привьет любовь к учебе, книгам, тихим играм. Но, увы, родителей постигло очередное разочарование: моя страсть к футболу была непобедима. В компании таких же, как я, отчаянных сорванцов целыми днями гонял я футбольный мяч, мастерски изготовленный из старых тряпок. Даже во время перемен мы ухитрялись в школьных коридорах проводить блицтурниры, вызывая переполох среди воспитателей.

Должен признаться, что учился я тогда отвратительно. Уроки готовил только в тех редких случаях, когда был абсолютно уверен, что назавтра учитель вызовет меня к доске. Я очень рассчитывал на «везение», верил, что у каждого человека есть своя звезда, которая к нему благосклонна. Правда, «везло» мне далеко не всегда. Прошло время. Старенький тряпичный мяч заменили настоящим, кожаным, мальчишки продолжали беспорядочно носиться по пустырю круглый год, невзирая на снег, град и дождь.

В этот период начались мои первые «неудачи», связанные со спортом. Я основательно подрывал семейный бюджет: при интенсивной

спортивной жизни обуви мне хватало на два-три месяца. Мама была просто уверена, что спортивные игры выдумали назло родителям.

Из школы я ежедневно возвращался в Ожарув по железной дороге и, конечно же, почти всегда опаздывал к обеду. В поезде никак не мог усидеть на одном месте, носился из вагона в вагон, выскакивал на каждой остановке, вспрыгивал на ходу, чем вызывал большое неудовольствие пассажиров и кондукторов.

Дома я тихо ел холодный суп, выслушивая длинные мамины наставления о том, какое будущее ожидает мальчиков, которые безобразничают, вечно опаздывают к обеду и заставляют волноваться своих родителей. И я, в который раз подняв на маму совершенно ангельские глаза, рассказывал историю о придире-учителе, оставившем меня после уроков...

Я не мог признаться родителям в своей пагубной любви к футболу: боялся, что они пойдут на крайние меры, заберут меня из школы, лишив тем самым общества моих друзей, «футбольной элиты».

Тогда мне и в голову не приходило, что из мальчишек, с которыми я ежедневно встречался в тени деревьев Саского Сада, вырастут звезды польского футбола: Доманьский, Сухожевкий, Задорожный, Климкевич, Люксембург, Шенайх...

Не трудно догадаться, что на экзамене в гимназию я с треском провалился, и меня отдали в общеобразовательную школу. Началась новая, суровая жизнь. В школе был очень строгий режим, и без разрешения наставника никуда невозможно было отлучиться. Футбольные матчи и игры в лапту пришлось на время прекратить. Уроки я отбывал как тяжелую повинность и только по дороге домой, когда, стоя в тамбуре вагона, вдыхал свежий деревенский воздух, снова ощущал себя счастливым.

— Раз ты так любишь деревню и «свежий воздух», отдадим тебя в школу садовников,— однажды объявил мне отец.

На языке вертелся вопрос: «А поле футбольное там есть?» Но я боялся рассердить отца. Позже я пытался изменить решение родителей, но они во что бы то ни стало хотели дать мне образование и настояли на своем. Стиснув зубы, как на каторгу, пошел я в школу садовников.

В первый же день занятий я утешился, увидев, что ученики пользуются почти неограниченной свободой. Снова можно было убежать на футбольные матчи и целыми днями пропадать в компании таких же сорванцов, как и я.

В 1922 году, когда мне исполнилось пятнадцать лет, из лучших игроков был организован спортивный клуб «Претория», который, к сожалению, просуществовал недолго, так как никто из нас не обладал организаторскими талантами. Клуб распался, но в футбол я продолжал играть с еще большим пылом. Из Саского Сада мы перебрались на одну из площадей Варшавы и организовали новый клуб - «Спарта». О беге тогда я и не мечтал: все мои силы и время поглощал футбол.

В школе у меня были сплошные неприятности. Большинство соучеников серьезно относились к будущей профессии, любили садоводство, я же поступил в эту школу лишь по настоянию родителей. Преподаватели не раз говорили мне: «Если бы ты так же учился, как играешь в футбол... Цены бы тебе не было!» Они качали головой и обменивались многозначительными взглядами. Мои же мысли в это время были далеко: «В Ожаруве организовали новый спортклуб. Непременно надо туда записаться. Выступить на поле в своих краях! Пусть все увидят, какой замечательный футболист их земляк...»

Мой спортивный дебют состоялся в шести километрах от Ожарува, на местном стадионе. Наша команда проиграла со счетом 2 : 8, но оба гола были моей работой... Через некоторое время мне предложили выступать за команду «Рух» класса «Б». Мне обещали, что я сразу буду играть за основной состав, но потом оказалось, что меня берут в дубль. Этого я перенести не мог. Да лучше выступать за основной состав класса «В», чем играть за дубль! После долгих раздумий я перешел в клуб «Сармата». Я встретил здесь многих товарищей еще из Саского Сада. О легкой атлетике тогда еще и не помышлял: все мои мысли были заняты предстоящими футбольными матчами на первенство Варшавы среди рабочих команд.

Девушки мало интересовали меня. Все свободное время посвящал спорту, к тому же был робок и застенчив. В той же степени проявлялся мой интерес и к ботанике. Заучивать длинные латинские названия растений, часами наблюдать за ними — что может быть скучнее?! То ли дело матч между «Сарматой» и «Скрой»!

Отец неоднократно пытался вернуть меня «на путь истинный», увещевал, настаивал, кричал. Но уже тогда я твердо решил, что футбол — мое призвание.

Насколько сильным было мое увлечение футболом, можно понять из следующего эпизода. В Варшаву приехала американская футбольная команда, у меня не было денег на билет, поэтому я пробрался на стадион через дыру в заборе, спрятался под скамейку и весь матч просмотрел из этого укрытия, наслаждаясь игрой. Конечно же, самой сокровенной моей мечтой было попасть в сборную футбольную команду Польши. Но увы... Этой мечте так и не суждено было сбыться.

В 1925 году я поссорился с одним из руководителей клуба «Сармата» и заявил, что выступать за футбольную команду больше не буду. Но уходить из клуба не собирался. В ту зиму, к великой радости моих родителей, я почти не занимался спортом, а целиком посвятил себя учебе.

Однажды, во время спортивного праздника, я пришел на стадион, чтобы посмотреть легкоатлетические соревнования. Я стоял в толпе зрителей, даже не предполагая, что через несколько минут мне придется принять участие в соревнованиях. Когда бегуны выстроились на старте, среди организаторов праздника произошло некоторое замешательство: один из спортсменов не явился. Кто-то узнал меня. Меня вытянули из

толпы и попросили попытаться счастья — заменить отсутствующего коллегу из нашего клуба.

— Эх, где наша не пропадала! Согласен!

И я побежал. Как ни странно, результат оказался не плохим. В беге на 800 м я опередил представителей команды «Скра».

В тот же день, окрыленный успехом, я согласился выступить в эстафете 5X 1000 м. И снова наша команда вышла на первое место.

В этом же году я принял участие в соревнованиях на первенство Союза рабочих спортивных обществ, или, как его еще называли, Рабочего союза, в Рембертове: меня в последний момент уговорили пробежать кросс на 3500 м, где мне неожиданно удалось победить известного спортсмена из клуба «Полония» Шаблинского.

Я бежал по беговой дорожке стадиона вслед за Шаблинским, стараясь не отстать, копируя его движения. Но шаг Шаблинского был длиннее, и он опередил меня метров на двадцать. Я был в отчаянии. Когда до финиша оставалось 400 м, я напрог все силы, рванул вперёд и обошел соперника. На этот раз победа досталась мне нелегко — сказалось отсутствие тренированности. Потом у меня страшно болели ноги и буквально каждый шаг причинял жестокие страдания. Две недели просто не мог подниматься по лестнице.

В 1926 году соревнования на первенство Рабочего союза проходили в Маримонте. Мы с Шаблинским не были официально заявлены, но тем не менее выступили в этих соревнованиях. А в следующем году пришла первая большая радость. Я стал обладателем почетного титула «рабочий Фрайер». Фрайер был звездой польской легкой атлетики, и его всегда ставили в пример начинающим спортсменам. Я мечтал лично познакомиться с Фрайером, но, видно, не судьба... Он погиб при трагических обстоятельствах, спасая людей в горящем доме, погиб в расцвете сил. Польская легкая атлетика потеряла великолепного спортсмена.

Начало 1927 года ознаменовало новый этап в моей спортивной жизни. Я решил серьезно заняться легкой атлетикой, перенимать опыт известных спортсменов, придерживаться их советов, ознакомился с принципами рациональной тренировки. А дома продолжались жаркие дискуссии с родителями, которые по-прежнему оставались неумолимыми врагами спорта.

— Этот проклятый спорт заберет у тебя здоровье, вымотает нервы, и в конце концов ты останешься у разбитого корыта,— постоянно твердила мне мать.

Между тем мои результаты в беге улучшались. Я мог уже конкурировать с самим Шелестовским. Я бежал с ним на 3000 м, Шелестовский шел на побитие рекорда Польши. Тогда мне не удалось его обогнать, я пришел вторым. Шелестовский показал 9.11,0, я — 9.20,0.

Я постоянно выступал на стадионе «Скры» за команду «Сармата». В одном из забегов на 800 м я отстал от основных соперников на 80 м, однако мне удалось не только сократить разрыв, но и выиграть забег с

временем 2 мин. 4 сек. В тот день впервые понял, какую огромную роль играет для спортсмена поддержка публики. Зрители на стадионе словно превращаются в огромную семью, их объединяет беззаветная любовь к спорту.

Вкус победы

В 1927 году 21-й пехотный полк организовал забег вокруг «Цитадели». Я тогда очень согрешил с точки зрения настоящих спортсменов — побежал в самых обыкновенных ботинках. Но, несмотря на это, победил Целинского из любительского спортивного клуба.

В том году я впервые в жизни выехал за границу. Мне доверили выступить на международных соревнованиях в Праге.

В беге на 800 м я занял третье место, на 1500 м был вторым. Мне не очень повезло. Может быть, потому, что поездка в вагоне третьего класса была утомительной, питание — неудовлетворительным, денег не хватало. Я был измучен дорогой и вдобавок перед самыми соревнованиями выпил пива. Меня охватила сонливость, и результаты мои оказались хуже, чем в Варшаве. С тех пор я возненавидел пиво.

На пражском стадионе впервые защищал национальные цвета Польши. Огромный стадион, разгоряченные лица болельщиков и вообще вся атмосфера соревнований произвели на меня огромное, впечатление. Как хотелось добыть победу во славу польского спорта! И тогда же я поклялся, что никогда не изменю спорту. Что может быть приятнее победы, добытой в упорной и тяжелой борьбе!

Как предсказывал один мой скептически настроенный приятель, мне необходимы были настойчивая, продуманная работа, регулярные, упорные тренировки. Условия работы в клубе с молодыми спортсменами были весьма примитивны — не было ни хорошего тренера, ни бани, ни массажиста. Правда, «Сармата» прилагала все усилия для того, чтобы найти приличного тренера и арендовать гимнастический зал. Меня определили в группу Клумберга, на тренировки ходил в гимназию имени Мицкевича. Там я познакомился с Жубером из «Варшавянки» и с несколькими спортсменами из «Полонии», которые пытались перетянуть меня в свой клуб. Но в моем лице они столкнулись с отчаянным упрямым. Я остался в «Сармате».

Клумберг мне очень понравился. Когда-то он был рекордсменом мира в десятиборье. Я поначалу не знал, как к нему подступиться, но позже убедился, что он — очень простой, лишенный спеси и зависти человек и доброжелательно относится к начинающим спортсменам. Наверное, самым забавным было то, что наш тренер, который должен был для всех нас являть собой пример аскета и трезвенника, любил посидеть за рюмочкой; особенно ему нравилась горькая настойка — самый страшный яд для спортсмена.

Мои результаты в беге на 1500 м — 4.24,0 и на 800 м — 2.06,0 заинтересовали Клумберга. Он обещал внимательно следить за моими тренировками.

Всю зиму я занимался гимнастикой. Клумберг применял финскую систему. Она включала в себя в основном занятия гимнастикой без особого утомления, причем тренировались мышцы всего тела без применения снаряда (использовались приседания, повороты и пр.).

Весной 1928 года Клумберг покинул Польшу, и я остался без тренера и даже без записей с его указаниями. Пришлось тренироваться самостоятельно, по памяти.

В 1928 году я впервые выступил на официальных соревнованиях на первенство Варшавы, выиграл бег на 5000 м с результатом 16.20,0, но, к сожалению, подвернул ногу, что вряд ли случилось бы, если бы в клубе был хороший массажист. И тогда я поссорился с руководителями клуба «Сармата». Сами посудите: во всех других клубах есть квалифицированные массажисты, а чем мы хуже их? Мало того, руководитель футбольной секции Вильчинский давно на меня зуб точил за то, что я не желал принимать участия в футбольных матчах. Он первым проголосовал против того, чтобы нанять в клуб постоянного массажиста.

Спустя некоторое время начался отбор спортсменов и подготовка к Олимпийским играм, которые должны были состояться в Амстердаме. У меня была надежда попасть на игры лишь в том случае, если я покажу время лучше 16 минут.

В июле я проиграл на отборочных соревнованиях Ковальскому и показал плохое время, так как на последнем круге у меня свело ногу. Хромая, возвращался в клуб, расстроенный и хмурый. В клубе узнал, что мой «друг» Вильчинский заявил: «Пока я в клубе, не видать ему массажиста как своих ушей». К счастью, в клубе у меня нашлись коллеги, которые поспешили мне помочь. Жубер и Бучинский вдвоем массировали мою больную ногу, чего я никогда не забуду. Много еще разных неприятностей пришлось мне пережить в этом клубе. В 1928 году я окончательно покинул «Сармату» и перешел в «Варшавянку».

Как я спасался бегством... от женщины

Переход в «Варшавянку» не обошелся без приключений. Дважды я подавал заявление об уходе из «Сарматы», но всякий раз не получал никакого ответа. Пришлось написать письмо в Варшавский окружной союз. И только благодаря вмешательству Союза и доброжелательному отношению руководителя легкоатлетической секции «Сарматы» мне удалось перейти в «Варшавянку» без скандала.

В то же самое время у меня появились новые хлопоты, весьма отдаленно связанные со спортом.

Несмотря на мой весьма незрелый возраст, я довольно скоро убедился, что женщины очень падки на популярность и славу.

Когда обо мне заговорили как о способном спортсмене, я вдруг с удивлением заметил, что пользуюсь большим вниманием у представительниц прекрасного пола. Однажды в трамвае заметил сидящую напротив меня раскрашенную как кукла полную даму. Она смотрела на меня в упор томным, страстным взглядом, потом достала из сумочки, вышитой алыми розами, фотографию и показала ее мне. Я увидел собственную физиономию в красивой кожаной рамке. Дама закатывала глаза, вздыхала, показывая всем своим видом, что не в силах бороться с чувством ко мне. Вскочив, расталкивая пассажиров, я с трудом спасся бегством от пылающей страстью дамы.

Назавтра я и думать забыл о встрече с пожилой поклонницей, но она, видимо, решила так скоро не сдаваться. Как-то вечером посыльный принес мне букет алых роз с запиской: «Пишу тебе кровью из среднего пальца левой руки. Спокойной ночи, любовь моя!» Сентиментальная дама такими же «чернилами» написала и адрес любовной записки. Воображаю, что подумал старый посыльный... Во всяком случае, смотрел он на меня с нескрываемой иронией.

С той роковой встречи меня еще две недели бомбардировали записками, букетами, конфетами, называли «дорогим маэстро», «ясным соколом». Дама расписывала мой якобы греческий профиль, сравнивала «полет моих несравненных ног с полетом своих мыслей», мучила нудной болтовней — короче, делала все, чтобы я возненавидел любовь, женщин, спорт. Почему спорт? Да потому, что только благодаря спортивным успехам пришла известность, а вместе с ней и популярность у таких вот дам.

Цветы я отсылал обратно с посыльными, которые уверяли меня, что не знают, где живет таинственная незнакомка, конфеты раздавал мальчишкам во дворе, но это несколько не смущало мою поклонницу. Как-то во время соревнований она даже пыталась вторгнуться на стадион с огромным букетом, но, к счастью, ее не пустили, а вечером я получил письмо-ультиматум, в котором говорилось, что если я в течение недели не отвечу взаимностью на ее чувство, то она застрелит и себя и меня прямо на стадионе.

От трагической смерти меня спасло счастливое стечение обстоятельств: приехал цирк, в котором выступал очень красивый акробат. Дама написала мне длинное прощальное письмо, в котором говорила, что уже совсем было хотела повеситься от отчаяния, но в ее жизнь вошло новое чувство. Она полюбила молодого акробата, и он оказался гораздо благороднее и деликатнее всех легкоатлетов, вместе взятых.

Могу себе представить, какие испытания выпали на долю бедного акробата...

Тем временем наши поехали в Амстердам. Как я им завидовал! Конечно, и Маляновский, и Форысь, и Биняковский, и Вейсс по праву должны были защищать честь польского спорта, но я тоже мечтал встретиться на беговой дорожке с лучшими стайерами мира — финнами. И должен был оставаться дома. Правда, в то время я заболел, да и с нервами было не все в порядке. Слабым утешением послужило то, что ни один из польских стайеров не прошел в Амстердаме отборочных соревнований.

Меня мучила бессонница. Я стал еще более замкнутым, робким и неприступным. Иногда даже хотелось навсегда распрощаться с беговой дорожкой.

Мне тогда казалось, что весь мир ополчился против меня. Друзья смотрели на меня как-то иначе, в каждом слове, в каждом движении я видел упрек в свой адрес, и везде мне чудилась эта проклятая, заколдованная цифра 16... 16 минут, которые я так и не сумел преодолеть. Я поделился сомнениями и горестями с родителями, но и они, как назло, не поддержали меня в трудный момент. Бедные родители все еще надеялись, что неудачи на спортивном поприще сломят меня и я наконец займусь чем-нибудь «дельным».

— Ну что, хорошего дал тебе спорт? — убеждал меня отец, — Одни неприятности. Найди себе достойное занятие. Неужели на этом твоём спорте свет клином сошелся?

Я старался объяснить родителям, что к хорошим результатам может привести только рациональная тренировка, серьезная и напряженная работа. Но мои старания были тщетны. Старики стояли на своем.

Я окончательно понял, что могу рассчитывать только на себя. Это еще больше усугубило мою неуверенность в людях и одновременно породило какую-то скрытность.

Многие упрекали меня, что я малообщительный человек. Действительно, у меня неуживчивый характер, но посудите сами, ведь с самой ранней юности никто особенно не верил в меня, хотя уже в самом начале моей спортивной карьеры я показывал неплохие результаты. Мое окружение буквально парализовало меня, убивало всякую надежду на будущее. Зная все эти обстоятельства, думаю, меня можно понять.

Я стал тренироваться самостоятельно, как мог и как умел. Все рекомендации Клумберга старался выполнять как можно точнее. Беговая дорожка на свежем воздухе или в закрытом помещении, горячая баня,

массаж и специальное питание — все это стало моими ежедневными заботами.

Однако это вовсе не значило, что я превратился в отшельника, добровольно лишившего себя всех радостей жизни.

Я выбрал золотую середину. Составил четкий распорядок дня: до обеда принадлежу спорту, вечером — себе.

Проходили дни. Я старался забыть неприятные дни отборочных соревнований, но напрасно. По-прежнему меня мучили желание помериться силами с лучшими стайерами на Олимпийских играх и, к великому стыду признаюсь, зависть.

Но события шли своим чередом, участники Олимпийских игр уехали в Амстердам, я остался тренироваться в «Варшавянке».

В клубе меня приняли очень тепло, я встретил там своих старых друзей и знакомых еще с детских лет.

Я понял, что только в атмосфере дружеского участия, взаимопонимания, настоящей спортивной дружбы можно серьезно подготовиться к большим выступлениям.

Здесь я познакомился с Олеком Шенайхом, звездой польской легкой атлетики, отличным спринтером. Мне очень помогли Жубер и Бучинский. В этом клубе были Звеж, Форысь, Доманьский, Сарнацкий — гордость нашего спорта, я с детства мечтал дружить и работать с такими спортсменами.

Короче говоря, в «Варшавянке» я себя чувствовал прекрасно. Сердечное отношение товарищей по клубу придало мне мужества, новых сил, и я стал смелее смотреть в будущее. Только теперь я начал понимать, что мои труды не пройдут даром, что я смогу добиться успеха.

Приключения незрелого человека

Без преувеличения могу сказать, что 1928 год был для меня переломным. Как я уже рассказывал, я тогда перешел в «Варшавянку», где меня сердечно приняли. В этом же году произошло еще одно важное событие в моей жизни: я закончил школу садоводов и получил диплом. Теперь у меня была специальность, и я мог без страха смотреть в будущее.

Диплом, за который я сражался целых три года, достался не легко. Учение всегда давалось мне с трудом, а в последний год пришлось собрать всю свою волю, чтобы довести начатое до конца. Отношения с преподавателями в школе у меня были сложные: они не могли забыть моих шалостей и лени. Меня считали одним из самых недисциплинированных учеников, штатным подсказчиком.

Особенно запомнился случай, который чуть было не привел меня к печальному финалу — исключению из школы.

Шел экзамен по химии. Этот предмет у нас вел учитель П., один из самых честных людей, с которыми мне доводилось встречаться. И, может быть, именно поэтому ученики всегда подшучивали над ним особенно зло.

К доске вызвали одного из моих приятелей — Квятковского. Бедняга, конечно же, совершенно не подготовился. Потихоньку я продиктовал ему химические формулы, которые попросил его написать учитель. Все бы кончилось хорошо, если бы учитель не предложил объяснить эти формулы. Квятковский пробурчал что-то себе под нос, а потом в отчаянии начал говорить все, что приходило ему в голову и что не имело никакого отношения к заданной теме.

Все это настолько возмутило учителя, что он стал осыпать моего приятеля не очень лестными эпитетами. Пользуясь временным замешательством, я начал подсказывать Квятковскому, надеясь, что учитель не заметит. Но, конечно, он заметил, и поднялся еще больший скандал. Я пулей вылетел за дверь и... нос к носу столкнулся с инспектором.

Спасли меня только честные, наполненные слезами глаза и твердое обещание, что подобное больше никогда не повторится. Из школы меня не выгнали, но химию мне пришлось отдельно сдавать учителю П., и он постарался проэкзаменовать меня как следует.

Еще одна история в школе могла привести к гораздо худшим последствиям. О ней мне по сей день напоминают шрамы.

Все выглядело на первый взгляд весьма невинно. На уроках нам часто показывали диапозитивы. В зале гасили свет, и на экране появлялись разные сорта цветов и луковичек. На этих занятиях складывалась благоприятная обстановка для послеобеденной дремы. Я думаю, не стоит говорить, что подобным случаем стремились воспользоваться очень многие.

Однако не всем это удавалось. У учителя был целый круг подозреваемых. Урока он не прерывал, его монотонный голос продолжал называть длинные латинские названия цветов и кустарников, но потом он внезапно включал свет, и, естественно, «спящие царевичи» отправлялись в угол. Я неоднократно бывал в этом печальном списке.

Но на все яды есть противоядия. Около выхода из класса был маленький коридорчик, где находилась раздевалка для учителей. В коридорчике было небольшое окно, которое выходило в ботанический сад. Все гениальное — просто. Мое изобретение заключалось в том, что, когда гасили свет, я выскальзывал из зала в коридор и там на пальто моих уважаемых наставников уютно дремал после обеда.

Это могло бы продолжаться неизвестно сколько, если бы, на мою беду, преподаватель не интересовался спортом. Надо было так случиться, что на прошлой неделе я победил в соревнованиях. А тут как раз и урок с диапозитивами.

Как обычно, после переключки я выскользнул в раздевалку, и все было бы хорошо, если бы... В конце урока преподаватель решил поздравить меня с победой. Как мне потом рассказывали, он обвел взглядом зал, потом назвал мое имя. Поднялся переполох. Ребята знали, где я скрываюсь, но ничем не могли мне помочь. Инстинктивно они повернули голову к дверям, которые вели в коридор.

Учитель все понял и быстро направился к двери. Я к тому времени проснулся и, предчувствуя недоброе, одним прыжком перемахнул через подоконник. Хотя это был первый этаж, прыжок оказался роковым. Я зацепился локтем за торчащий гвоздь, порвал костюм и поранил руку.

Лежа под окном, я в ужасе ждал разоблачения. И каково же было мое удивление, когда в окне появилось улыбающееся лицо учителя, который совсем нестрого погрозил мне пальцем.

Как я уже говорил, этот период в моей жизни был исключительно важным: наконец я получил диплом и навсегда покончил со школьными заботами.

Ну и чтобы покончить с «приключениями незрелого человека», еще несколько слов о событиях, которые ничего общего со спортом не имеют.

Многие мои друзья пользовались успехом у девушек; писали длинные любовные письма, часто просили у меня помощи, и я охотно помогал им сочинять душераздирающие послания. Я же всегда был лишь свидетелем их захватывающих романов.

Я очень завидовал приятелям и в конце концов тоже решил влюбиться. Давалось мне это трудновато, надо было научиться галантному обхождению с девушками, находить интересные темы для разговоров...

До сих пор стоят у меня перед глазами воскресные прогулки и встречи в школе садоводства, где я учился. Обычно сад школы по воскресеньям был закрыт для посетителей, но благодаря нашим стараниям руководство школы позволило нам в определенные часы

открывать его ворота, причем деньги за билеты шли на благотворительные цели. Правда, от этого страдали наши кошельки, потому что билеты нам приходилось покупать не только для себя, но и для своих очаровательных спутниц. Среди нас царил дух соперничества. Каждый старался привести самую красивую даму сердца. Можете себе представить, какие скандалы возникали на этой почве! Одно не подлежало сомнению: самые веселые минуты мы проводили на наших воскресных прогулках.

Я из кожи лез, стараясь понравиться девушкам, и через некоторое время заметил, что красавицы смотрят на меня более благосклонно. Но меня ждали новые трудности. Девушки не желали слушать мои рассуждения о спорте, тренировках, беговых дорожках. Они ждали от меня признаний в любви, но я был очень застенчив и не оправдывал их надежд. Роль донжуана давалась мне с большим трудом. Убедившись, что спорт не интересует девушек, я решил применить один верный способ, который неотразимо действовал почти на всех девушек.

Сагитировав нескольких приятелей, я записался в школу танцев. Но мне не нравились модные танцы: танго, блюзы, фокстроты. Самым любимым моим танцем стала мазурка. И снова я оказался в стороне. Я начал заглядывать в рюмку. Алкоголь вроде бы помогал избавиться от робости, и однажды я отважился на сольный танец.

Никогда не забуду этой первой мазурки, которую я танцевал при большом скоплении публики. Надо сказать, что этим танцем владел я отменно, из-под каблуков буквально сыпались искры, когда я пустился в пляс. По рассказам приятелей, зал просто замер, все смотрели на меня, не веря своим глазам.

— Неужели это тот Януш, который вечно по углам жметя? Где он научился так танцевать?

— Вот уж истинно, в тихом омуте черти водятся, — шептали мамы.

В тот вечер я действительно превзошел самого себя. Никогда и в голову не приходило, что смогу когда-нибудь так хорошо танцевать! Оркестранты взмокли от усердия, под партнершами подгибались ноги, а я чувствовал себя как никогда свежим.

Всем казалось, что вот-вот я упаду, не выдержав часовой мазурки в бешеном темпе, но я продержался, еще полчаса, побив еще один рекорд в своей жизни. Я танцевал полтора часа без перерыва.

Это было мое первое публичное танцевальное выступление и первый настоящий успех в обществе. Через несколько минут я уже пожинал плоды этого успеха. Мною заинтересовались маменьки, которые сидели на стульях вдоль всего танцевального зала. Они вступали со мной в разговор, щедро пересыпая речь комплиментами. Вслед за ними приблизительно так же поступили и их дочери.

Правда, не могу сказать, что меня радовал такой шумный успех. Я надеялся встретить взаимопонимание, дружбу, а внешний блеск славы не привлекал меня никогда. Хотелось найти милую, добрую девушку со

светлыми волосами, голубыми глазами — короче говоря, мой идеал...

Искал я свой идеал повсюду: на вечерах, на скамейках парка, на улицах. Но что поделаешь? Видимо, мой идеал сидел на других скамейках, ходил по другим улицам...

По воскресеньям и в праздники мы с друзьями ходили на танцевальные вечера, устраиваемые в одной из школ танца на улице Хмельной. И вот на одном из таких вечеров я познакомился с девушкой, которая внешне не походила на идеал, созданный моим воображением, но, несмотря на это, с первой минуты завладела моим сердцем.

По правилам я бы должен был развлекать девушку, но обычно она сама находила общую тему для разговора и старалась втянуть меня в интересную беседу. До сих пор удивляюсь, как она могла вызвать меня на разговоры о поэзии, искусстве, и я нисколько не смущался, а иногда даже осмеливался спорить.

Встретившись несколько раз на танцах, я настолько осмелел, что договорился о свидании.

Те встречи оставили у меня самые светлые воспоминания. Я забывал обо всем: о школе, о доме, о друзьях и даже о спорте. Мы гуляли по улицам, ходили в кино, театры. Но, как говорят, счастье не бывает безоблачным. Так было и со мной. Неприятности посыпались на мою голову одна за другой. Первая сложность: где брать деньги на неизбежные расходы, связанные с уходом? Тогда я ведь только учился! Родители, правда, выделяли мне небольшую сумму на карманные расходы, но этих денег, естественно, не хватало. В то время хотелось преподнести к ногам моей избранницы весь мир, дарить ей дорогие подарки и вообще быть в ее глазах человеком взрослым и независимым. В хорошую погоду еще куда ни шло... Я распространялся о пользе прогулок на свежем воздухе, о том, как вредно сидеть в душном кафе и как приятно любоваться красивым закатом.

Было гораздо хуже, если погода портилась. О прогулках под дождем по парку не могло быть и речи, несмотря на мои страстные апелляции к романтике. Девушка не желала мокнуть под дождем во имя высоких чувств.

Надо было подумать о заработке. Приближалась весна, и можно было найти занятие для молодого садовника. Сложнее было с временем: на рассвете я был уже на ногах и помогал родителям по хозяйству. В 8 часов отправлялся в Варшаву в школу, которая, как назло, отнимала у меня больше всего времени. Оставался только вечер, но к тому времени я так уставал, что ни о какой работе не могло быть и речи. Кроме того, вечером я встречался с дамой моего сердца.

Единственным выходом из плачевного финансового положения могли быть прогулы, не слишком частые, а, положим, два раза в неделю. Никто этого не заметит, я много не потеряю в учебе, но зато буду иметь два свободных дня. Сначала я отмахивался от этой мысли, как от назойливой мухи, но потом пришел к выводу, что другого выхода нет. Рано утром я помогал родителям, и это было моей священной

обязанностью. Просить у них увеличить мои карманные расходы не поворачивался язык: у стариков и так из-за меня было достаточно неприятностей и огорчений.

Итак, я принял решение. Осталось только найти работу. Но оказалось, что это далеко не так просто, как я себе представлял. Нигде не требовался начинающий садовник, который вдобавок мог работать только урывками. Часами я бродил по садам, везде предлагая свои услуги.

Набродившись таким образом, усталый и разочарованный, я бежал на свидание, забывая обо всех неприятностях. Были моменты, когда мне хотелось бросить школу, отказаться от помощи родителей и даже от спорта. Я был тогда молод, неопытен, и небольшие затруднения казались мне непреодолимыми препятствиями. Я и не подозревал, что спустя некоторое время подобные препятствия покажутся мне детскими забавами.

На помощь пришел случай. Мой школьный товарищ рассказал, что он знает одного хозяина, который ищет садовника. Надо сделать прививки деревьям, но хозяин, большой любитель природы, очень придирчив и капризен. Надо было произвести на него возможно лучшее впечатление.

Я бросился приятелю на шею и изо всех сил побежал к незнакомцу. Старик принял меня довольно холодно, но я так горячо просил его взять меня, намекая на свое трудное финансовое положение, что он, поколебавшись, согласился дать мне работу.

В восторге от одержанной победы, я с жаром принялся за работу. Вскоре появились первые заработанные мною деньги!

Даже поведение мое во многом изменилось. Родители были приятно удивлены моим довольным видом, одноклассники тоже заметили изменение.

— Ого, — шептались они между собой.— То ли Януш выиграл по лотерее, то ли получил наследство...

И действительно, никогда я не был таким веселым и общительным, как тогда.

С работой я справился хорошо. Мой работодатель был доволен, но... у директора школы было меньше всего оснований для энтузиазма: частые прогулы не могли не бросаться в глаза учителям. Не знаю, что бы я делал, если бы не мама. Она всегда была на моей стороне и свято хранила тайны сына от строгого папы. Она выручила меня и на сей раз: написала записку в школу, в которой оправдывала частые пропуски уроков, и я избежал опасных последствий.

Второй профессией, которая приносила небольшой доход, было... переплетное дело. Я постоянно спешил, учебники содержались в беспорядке и представляли собой плачевное зрелище. Родители выделяли некоторую сумму на то, чтобы привести книжки в порядок, но деньги эти уходили на более благородные цели, например на билеты в кино или театр. Но ведь отец при очередной проверке учебников должен видеть, что книги содержатся в порядке. И пришлось самому заняться переплетным делом. Вначале не хватало ни терпения, ни сноровки. Книги

после моей «реставрации» становились еще хуже, чем прежде. Но постепенно я приобретал опыт и вскоре достиг таких успехов, что книги как будто бы выходили из-под рук настоящего переплетчика.

Итак, я начал конкурировать с переплетчиками. По ночам и в свободное от учебы время я переплетал книги своим товарищам. Платили они мне совсем немного, но тогда и это для меня было весьма большим подспорьем.

Приближалась пора получения диплома, а вместе с ней и пора карнавалов. Я принадлежал к небольшой группе лучших танцоров в классе, часто посещал балы, и тут тоже процветала конкуренция. Каждый из нас хотел посетить по меньшей мере шесть балов.

К сожалению, мне не удалось занять первого места в конкурсе танцев — помешали застенчивость и недостаточная подготовка. Больше всего запомнились мне два бала. Особенно бал в огромном зале на Кредитовой улице в Варшаве. Мы здорово тогда повеселились! Последний поезд уже давно ушел, но мне и в голову не приходило уйти с бала.

Помню, какая страшная пурга разыгралась в тот день. Я сильно испугался, когда, придя на вокзал, узнал, что первый поезд в Ожарув из-за заносов пойдет со значительным опозданием.

О том, чтобы не приехать домой или опоздать, не могло быть и речи, потому что я твердо обещал родителям, как всегда, утром заняться хозяйством. Только при этом условии я получил от отца разрешение отправиться на бал. Не вернуться вовремя означало скандал, тем более что и так над домашним горизонтом сгущались тучи.

Что же, другого выхода не было. Несмотря на усталость, я решил совершить кросс по маршруту Варшава — Ожарув.

Снег плыл перед лицом сплошной завесой. Завывал ветер. Конечно, это была неподходящая погода для прогулки. Я проклинал все на свете. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее я побежал в сторону Ожарува. Колючие снежинки больно били по лицу. Пальто и шляпа мешали движению, но боязнь оказаться лицом к лицу с разгневанным отцом придавала мне силы. Временами казалось, что я не добегу, упаду. Тем более что на скользкой дороге я несколько раз споткнулся и разбил колено.

Но я победил. В Ожаруве я был до прихода поезда и домой пришел вовремя. Тренировки помогли и на сей раз. Победа эта принесла мне больше радости, чем первое место на беговой дорожке.

Отец был очень доволен, он даже похвалил меня и позволил не выходить утром на работу, а мама заботливо уложила сына в постель.

Финская, или... лошадиная, тренировка

Последние каникулы после окончания школы я провел, как обычно, в родительском доме. Погода была прекрасная. Окрестности заполнились приехавшими из Варшавы дачниками. Много молодежи, много красивых девушек. Каникулы прошли очень весело: прогулки, туристские походы, а вечером — танцы у соседа, который привез прекрасный граммофон из Варшавы.

Казалось, развлечения должны были бы отвлечь меня от спорта и от тренировок, но не тут-то было. Как я уже говорил, Клумберг выработал для меня тренировочные упражнения и велел придерживаться его советов и предписаний до тех пор, пока он не вернется с нашей олимпийской командой из Амстердама.

Тренировки были очень напряженными и требовали значительных усилий. Прощаясь, Клумберг вручил мне тетрадку с описанием упражнений и сказал на ломаном польском языке: «Пан Янушек, это финская система. Если хочешь кем-то стать в будущем, ты должен выполнить все, что здесь записано».

Я поблагодарил Клумберга за заботу, за то, что он со мной так много работал, пожелал ему успехов и сразу поехал домой, чтобы как можно скорее прочитать, что же надо сделать, чтобы стать «кем-то» в будущем.

Уже первые строки записок Клумберга довели меня чуть ли не до обморока. Заголовок звучал: «Финская тренировка» (почему финская — не знаю, правильнее было бы назвать эту тренировку «лошадиной»). Чтобы выполнить все, что мне предписал Клумберг, надо было быть машиной, да и то неизвестно, выдержала ли бы машина такую работу без ремонта.

Я сказал себе: «Буду стараться делать все, что здесь написано, а если надоест или не смогу выполнить все советы Клумберга, то выброшу все эти записки в корзину и начну тренироваться самостоятельно». Собственно, и сам Клумберг не верил, что я выдержу такую нагрузку. После приезда наших спортсменов с Олимпиады Жубер доверительно пересказал мне разговор с Клумбергом, который они вели о моей тренировке. «После такой тренировки,— сказал тогда Клумберг,— Кусочинский либо станет великим спортсменом, либо сорвется и будет нулем».

Если бы я посвятил себя только тренировке, то, может быть, добился бы успеха, но я был молод и стоял на пороге жизни и выбрал компромиссный вариант, то есть, чтобы, как говорится, и богу свечку и черту кочергу. По крайней мере, первые дни тренировался очень усиленно, старательнее, чем даже хотел сам Клумберг.

Вот моя тренировка: утром, по меньшей мере час, я занимался гимнастикой, которая предназначалась для укрепления мышц живота и ног. Гимнастические движения были в основном элементами шведской

гимнастики. Чтобы улучшить работу мышц ног, я поставил в комнате одолженный у приятеля велосипед, укрепил его так, чтобы заднее колесо было в воздухе, садился на него и «ездил» так по полчаса без перерыва.

Должен честно признаться, что гимнастику не люблю. Не люблю, может быть, из чувства противоречия: гимнастикой меня заставляли заниматься с раннего детства, когда вовсе не было к этому желания, и из двух зол я выбирал меньшее, то есть езду на велосипеде.

Во время жатвы вместо гимнастики я на рассвете выезжал вместе с другими работниками в поле, брал в руки косу и косил. Я предполагал — и, как позже оказалось, совершенно правильно,— что работа косаря прекрасно развивает мышцы живота и ног.

Через некоторое время я приобрел такой навык, что значительно опережал профессиональных косарей. Это у них не вызывало бурной радости, потому что приходилось работать интенсивнее, чем хотелось, и, кроме того, косари злились, что не поспевали за двадцатилетним парнишкой. Усталость меня не брала. Было жарко, пот ручьями струился со лба, но тогда мне было все нипочем!

Почти каждый день после обеда, в четыре часа, я ездил в Варшаву на стадион. На каждой такой тренировке надо было пробежать 1500 м, два раза по 400 и 1000 м или два раза по 1000 м, два раза по 400 и 800 м. Я мог выбирать себе любые дистанции, но в границах трех с половиной километров.

Тренировки проходили в Агриколе (стадион при «Сельскохозяйственной школе»), где тогда тренировались спортсмены «Варшавянки». Первые метры я пробегал относительно медленно, чтобы разогреть мышцы, которые из-за нерегулярного массажа работали ненормально.

Никогда не забуду первых тренировок у Клумберга. Кроме гимнастики, массажа и трех с половиной километров я должен был обращать внимание во время бега на свой шаг, движения рук, положение тела и на целый ряд других мелочей, которыми донимал меня Клумберг. Сначала я тренировался с товарищами по клубу. Однако это продолжалось недолго: мои коллеги не могли выдержать такой интенсивной работы и отпадали один за другим. Через неделю я уже тренировался в одиночестве. Честно говоря, я был даже доволен таким оборотом, потому что тренировку считал подготовкой к соревнованиям. Тренировка не может базироваться на принципах конкуренции; когда на беговой дорожке оказывались несколько человек, поневоле начиналось соперничество, хотелось увеличить темп, а из-за этого тренировка становилась нерациональной.

Я заметил это уже в первые дни, но, естественно, не мог высказать свои соображения коллегам. Когда однажды «последний из могикан», который еще тренировался со мной, заявил, что он очень сожалеет, но такой тренировки выдержать не может, я с облегчением вздохнул, хотя вежливо выразил сожаление по поводу того, что мы должны прекратить совместные тренировки.

Теперь я почувствовал себя хозяином беговой дорожки. Никто не мешал, никуда не надо было спешить. Тренировка начиналась с медленного пробега нескольких сотен метров, чтобы разогреть мышцы, затем наступала очередь спринта или бега на средние дистанции, работа ни на минуту не прекращалась. После каждой дистанции я прохаживался для отдыха и снова начинал бег. Ничего удивительного, что после нескольких дней таких интенсивных тренировок ноги отказывали в послушании. Не помогали ни массажи, ни гимнастика. Мышцы, не привыкшие к такой нагрузке, не хотели работать, чем приводили в полное отчаяние.

Сразу же после тренировки я шел на массаж в Агриколу к Бучинскому. Массажу нужны были для того, чтобы расслабить мышцы, которые от тренировки перенапрягались и причиняли сильную боль. Кроме того, массажи способствовали выработке эластичности мышц, что, в свою очередь, позволяло давать им еще большую нагрузку.

Массажи в Агриколе продолжались от 10 до 20 минут. С сочувствием смотрел я на беднягу Бучинского, у которого в последние минуты массажа с лица обильно стекал пот. Только увидев, как он работает, я перестал легкомысленно относиться к работе массажиста. Никогда не думал, что это такая тяжелая и ответственная работа!

После нескольких дней такой тренировки я пришел к выводу, что она еще слишком легкая. Казалось, что работаю слишком мало и что пока не видно никаких результатов. Ноги постоянно болели, я чувствовал себя ослабленным и, честно говоря, разочарованным.

Не без гордости должен признаться, что в тот момент я проявил железную силу воли, хотелось всему миру доказать, что настойчивость и труд могут привести к самым высоким результатам. Проиграв первенство Варшавы, я сказал себе: «Или добуду первенство Польши, или я бездарь и навсегда порываю с беговой дорожкой». И вот вместо того чтобы дать себе отдых, разрядку, я увеличил нагрузку и стал тренироваться два раза в день.

Утром в деревне я бегал кроссы 4—10 километров, а после обеда, как обычно, приезжал в Агриколу и уже тренировался на скорость. Ноги болели ужасно, но я твердо стоял на своем. Знакомые и родные говорили, что я упрямец, и, наверное, они не ошибались. Мы потели вместе с Бучинским, я на беговой дорожке, а он — в раздевалке.

Постепенно появлялись результаты. Сначала стали меньше болеть ноги, я перестал сильно уставать и, что самое важное, стал меньше потеть. Вес оставался стабильным, в специальном питании не было необходимости — одним словом, стал, как говорится, входить в форму.

Изо всех сил я готовился к первенству Польши, но по-прежнему приходилось сносить упреки родителей, которые все еще не могли примириться с моей спортивной карьерой. Однако должен признаться, что отец кое в чем был прав. Ему приходилось каждый день ездить на работу, поэтому почти не оставалось времени на хозяйство. Мамино же время

целиком было занято домом. С утра до вечера возилась она на кухне, я же, вместо того чтобы помогать по хозяйству, уезжал в Агриколу. Ничего удивительного, что работа в поле шла вкривь и вкось, что вызывало естественное раздражение отца.

Я стиснул зубы и продолжал тренировки. Избегал отца, потому что всегда его немного боялся, но протест родителей уже ничего не мог изменить. Я решил посвятить себя легкой атлетике и добиться поставленной цели во что бы то ни стало. А тренировка приносила все лучшие и лучшие результаты. Тот, кто никогда не испытал рациональной тренировки, не почувствовал, что это такое, не сможет меня понять.

Я не верю ни в какие таланты и чудеса, но определенно могу сказать, что каждый молодой человек может достигнуть успеха в любом виде спорта, если будет рационально тренироваться и если у него есть хоть небольшие физические задатки.

Важным, может быть даже решающим, стимулом в моей работе была Амстердамская олимпиада. Ежедневно я покупал газеты, журналы, глотая статьи об Олимпийских играх. Было ясно, что наш молодой спорт не может рассчитывать на серьезные успехи в Амстердаме, и все же как было горестно, когда я читал о победах финнов, американцев, немцев, а о наших не было написано ни слова! А когда однажды увидел сообщение о сенсационной победе Конопацкой, получившей золотую олимпийскую медаль в метании диска, я поклялся себе, что буду подражать ей. Тут еще сыграла определенную роль и моя мужская амбиция. Как же это так, думал я девушки завоевывают славу польскому спорту, а мы, мужчины, остаемся в стороне! Я должен доказать что и мужчины могут постоять за честь польского спорта.

Это был еще один важный стимул в моей тяжелой работе. Через некоторое время сама тренировка, которая многим могла показаться скучной и неприятной стала для меня удовольствием. Тренировку я предпочитал танцам и развлечениям. Мысль о победе не давала покоя и, как мне казалось, помогала преодолеть усталость и боль.

«Ложь» Клумберга

С нетерпением ждал я возвращения команды из Амстердама, и особенно Клумберга: «Скорее бы наступили минуты, когда знаменитый тренер увидит результаты моей тренировки и выскажет свое мнение!» Наконец приехала команда, и я сразу же появился у Клумберга. Никогда не забуду этой встречи. Когда я пришел к нему, он был удивлен или, может быть, сделал вид, что удивлен:

— Странно! Ты что, свободно можешь ходить? Или, может быть, ты не все выполнил, что я тебе посоветовал?

Я уверял Клумберга, что не только выполнил все его указания, но и тренировался еще дополнительно. Но он не поверил.

— Это невозможно,— резко сказал Клумберг, подозревая, что его разыгрывают.— Ну ничего, увидим, чего ты достиг. Завтра обязательно встретимся на беговой дорожке в Агриколе.

Счастливый, я выбежал на улицу, через мгновение уже был на стадионе. Хотелось перед завтрашним испытанием проверить себя и подготовиться к бегу.

Всю ночь я не спал. В полудреме казалось, что Клумберг ругался, говорил, что я не знаю элементарных законов бега,— одним словом, в голове вертелись ужасные мысли.

Когда утром я появился на стадионе, в раздевалке уже сидели Клумберг и товарищи по клубу. Я был так взволнован, что несколько раз надевал майку наизнанку и не мог зашнуровать туфли. Ни перед одним соревнованием у меня не было такого состояния. Все заметили мое волнение, посыпались шуточные замечания.

Не помню, как я оказался на беговой дорожке. Рядом стоял Клумберг с секундомером в руках. Этот магический предмет должен был вынести приговор: суждено ли мне участвовать в первенстве Польши?

И вот старт. Эмоции и страх переполняли меня. С отчаянием искал взглядом товарищей и Клумберга. Они улыбались, а Клумберг помахал рукой.

Надо было бежать 5000 м и проверить свое время. Это была как-никак генеральная репетиция перед первенством Польши. Потому что именно эту дистанцию надо было бежать в соревнованиях.

В руке я зажал маленький секундомер, чтобы следить за временем на кругах и правильно распределить силы. Но Клумберг отобрал секундомер, сказав, что только он один должен знать мое время. Потом он подал знак, и я рванулся вперед.

Желая показать как можно лучший результат, я с места развил сумасшедший темп, не ориентируясь во времени. Кажется, в тот момент забыл обо всем. Передо мной была одна цель: побить собственный рекорд, который был ниже результатов Саварина и Сарнацкого — королей беговой дорожки того времени. Как известно, у обоих было время

около 16 минут на дистанции 5000 м. Я такого времени, несмотря на нечеловеческие усилия, показать не мог.

Мы договорились с Клумбергом, что словами «плюс» или «минус» он будет регулировать темп. Первые круги я пробежал очень хорошо, каждый меньше чем за минуту. Клумберг качал головой и кричал: «Снижай темп, снижай темп!»

На следующих кругах я понял, что он прав. Быстрый темп отразился на моих мышцах, и было ясно, что выбрана неудачная тактика, может не хватить сил на последний круг. А он в беге на длинные дистанции самый главный. Я замедлил шаги и на каждый следующий круг затратил более 70 секунд.

Так проходил километр за километром. Последний круг, несмотря на страшную боль в ногах и усталость, я пробежал за 60 секунд.

Закончив бег, я повернулся к Клумбергу, ожидая приговора. Он что-то считал, писал на листке бумаги и в конце сообщил, что я пробежал дистанцию за 16 мин. 20 сек. Это означало, что я отстал всего на полминуты от Саварина, не говоря уже о рекорде Фрайера.

На следующий день один из моих друзей под большим секретом сообщил, что я показал гораздо лучшее время, меньше 16 минут, и что Клумберг с восторгом рассказывал всем о поразительных успехах, которых я добился всего за несколько последних недель, но из педагогических соображений не стал хвалить меня в глаза, потому что считал, что успех может вскружить голову и я не буду так упорно тренироваться.

Ура! Победа! Значит, не зря я так трудился.

Теперь можно спокойно ждать первенства Польши. Спокойно, потому что Клумберг запретил мне тренироваться, считая, что гимнастики и массажа вполне достаточно.

Два сюрприза

Вторым сюрпризом, не считая первенства Польши, был предусмотренный Польским легкоатлетическим союзом проезд в Варшаву Петкевича, известного литовского бегуна на длинные дистанции, который на Амстердамской олимпиаде в беге на 5000 м занял седьмое место. Он навсегда переезжал в Польшу и, как говорили мои товарищи по клубу, хотел выступать за «Варшавянку».

Ну что ж! Меня радовала возможность потягаться силами с таким известным спортсменом. Благодаря этой встрече я надеялся приобрести еще лучшую форму и многому поучиться у знаменитого бегуна.

И вот наконец наступил день 8 сентября, когда начались соревнования на первенство Польши в беге на 5000 м. Впервые я выступал на таких представительных соревнованиях. Предстояло помериться силами с лучшими польскими спортсменами. Сбывалась моя заветная мечта.

Соревнования проходили в Агриколе в течение трех дней. В первый день должен был состояться забег на 5000 м. Как обычно, перед стартом предсказывали возможных победителей. Общими фаворитами были Сарнацкий и Шелестовский. Меня принимали во внимание очень немногие. Но, к счастью, Клумберг верил в мою победу и открыто заявлял, что Кусый выиграет забег с рекордным временем — в границах 15 мин. 50 сек. Многие восприняли такое заявление с недоверием, но я верил ему безгранично.

Вот мы на старте. Взволнованный и не очень уверенный в себе, я все время ищу взглядом Клумберга, наконец увидел его и стал показывать знаками, чтобы он не забыл нашего уговора. Перед забегом он дал мне график пробегания кругов на результат 15 мин. 45 сек., что было почти на 10 секунд лучше времени, которое показал Фрайер.

Время перед выстрелом стартового пистолета казалось вечностью. Как назло, в голове вертелись самые мрачные мысли. Не знаю почему, но до сих пор перед каждым своим забегом я переживаю такое же чувство. Я думаю, что спортсмен никогда не должен быть слишком спокойным, слишком уверенным в победе, относиться легкомысленно к своему противнику. Такое спокойствие может плохо повлиять на результаты бега.

Я твердо решил придерживаться графика Клумберга, который посоветовал также наблюдать за его указаниями в ходе состязания.

Трибуны, до отказа заполненные публикой, ожидали высоких результатов. Шли упорные слухи, что всепольский рекорд Фрайера 15.54,0 будет побит. Кто это сделает, пока было загадкой.

Так как Саварин на старт не явился, стало ясно, что основная борьба разгорится между Сарнацким, Шелестовским и мной.

Наконец прозвучал долгожданный выстрел. Девять человек рванулись с белой линии старта. Сразу же забыв о графике, я вырвался вперед и понесся что было духу.

Сделав первый круг, я вдруг увидел Клумберга. Он отчаянно жестикулировал, что-то кричал, но я ничего не понял, скорее догадался, что он просил меня немного сбавить темп, видимо испугавшись, что, взяв такую скорость, я могу не выдержать и либо вообще сойду с дистанции, либо приду последним. Однако я верил в свои силы, в свой запал и желание победить. «Ты должен выиграть,— стучало у меня в голове,— должен, должен, должен...»

Второй круг я пробежал в том же темпе, что и первый. Я слышал дыхание бегущих сзади. Это придавало сил и увеличивало шансы победить, потому что чувствовал я себя прекрасно, дыхание было нормальным, а ноги как будто бы и не касались земли. Пробегая мимо трибун, снова увидел Клумберга, но он уже ничего не кричал. Я увидел его нахмуренное лицо, взгляд исподлобья, а когда пробежал мимо, он только пожал плечами.

...Рассудок мой начал брать верх над эмоциями. Я вспомнил слова, которые столько раз повторял Клумберг: «Каждый уважающий себя бегун должен прежде всего выбрать хорошую тактику, не пренебрегать даже самым слабым противником и помнить, что бег выигрывают не на первых трех кругах, а на последних двухстах метрах перед финишем».

Я немного замедлил темп, но все равно он был намного выше, чем на тренировках. Соперники мои постепенно отставали. Я обогнал сначала одного, потом второго, потом уже четырех бегунов метров на двести. Моего темпа придерживались лишь Сарнацкий и Шелестовский, которые после четвертого круга начали наступать мне на пятки.

Я снова увеличил темп, сказав себе, что этот бег обязательно выиграю, должен выиграть, оставаясь лидером со старта и до финиша. Никому не дам себя опередить.

Когда я пробежал пятый круг, то увидел, как на трибуне на скамейку вскочил Саварин и закричал, размахивая секундомером: «Сумасшедший! Настоящий сумасшедший! Если он будет и дальше так бежать, то до финиша не дотянет!» Я видел, как он грозил кулаком и что-то еще кричал в мой адрес, но я ничего уже не слышал.

После семи кругов мы остались втроем на беговой дорожке. Некоторые вообще прекратили бег, других мы опередили на целый круг. Теперь начиналась настоящая борьба. Все были в форме, и каждый хотел победить. Было уже известно, что победит тот, у кого хватит сил на финишный рывок.

На десятом круге, продолжая оставаться лидером, я был уже уверен в победе, потому что хоть и не видел своих соперников, инстинктивно чувствовал, что те слабеют. Я же почти не ощущал усталости. Была уверенность, что запас энергии, который должен иметь каждый бегун на длинные дистанции, у меня есть и я смогу выложиться на финише и не дать себя победить.

Последние круги промелькнули как во сне. Я никого не слышал и не видел. Позже мне рассказывали, что трибуны бесновались. Многие болельщики вскочили с мест, скандируя мое имя.

На последних двухстах метрах я начал финишный рывок. Оглянувшись, увидел, что Сарнацкий отстал на несколько десятков метров, сразу же за ним бежал Шелестовский. Каким счастливым я себя чувствовал, когда разорвал серебристую ленточку финиша! Это была первая большая победа. Впервые я стал чемпионом Польши. Мои соперники финишировали в том же порядке, в каком бежали. Сарнацкий занял второе место, а Шелестовский — третье.

Трибуны восторженно приняли мою победу, устроили овацию. Но самыми приятными поздравлениями были слова признания Клумберга. Он по-медвежьи тискал меня и вначале от волнения не мог вымолвить ни слова. Потом на ломаном польском языке бормотал, что очень рад... очень горд... По всему было видно, что он не привык хвалить своих питомцев. В его польском были явные пробелы. Если бы ему так же иногда не доставало бранных слов!.. Но ничего кроме благодарности я не испытывал к своему тренеру. Его строгость не позволяла расслабляться, и даже сейчас, вспоминая его замечания, понимаю, что во многом он был прав.

С нетерпением я ждал официального объявления результатов. Правда, коллеги приблизительно называли время, за которое я пробежал дистанцию, но я им не верил и даже в самых смелых своих предположениях не мог надеяться, что все-таки побью рекорд Фрайера. Долгое время никому из польских стайеров не удавалось показать лучшее время.

Вдруг трибуны умолкли, и я услышал слова, которые показались мне прекраснее самой лучшей мелодии: «Бег на 5000 метров на первенство Польши выиграл Януш Кусочинский, показав время 15 минут 41 секунда. Это новый рекорд Польши. Кусочинскому удалось показать время на 13 секунд лучше Фрайера». На стадионе поднялась буря. Снова овации, аплодисменты. Я чувствовал себя на седьмом небе.

— Не ожидал я такого,— говорил; мне потом Клумберг,— думал, что в лучшем случае ты покажешь 15.50,0. Меня поразил твой результат. Это был экзамен, который ты блестяще сдал. Теперь ты стал бегуном европейского класса, но это совсем не означает, что можно почитать на лаврах. Теперь ты должен работать еще больше, чем раньше. Прежде всего надо обратить внимание на стиль и шаг. Ты неправильно работаешь руками, что выглядит неэстетично и забирает дополнительную энергию. Кроме того, надо удлинить шаг. Он должен быть приблизительно два метра, а не метр восемьдесят, как у тебя.

По окончании соревнований состоялось вручение наград. Впервые я держал в руках кубок победителя (тогда каждый спортсмен получал кубок, если он показывал результат лучше установленного минимума. Для меня минимум тогда был 16 минут).

Уже на следующий день вся пресса подхватила мое имя, все столичные журналы и газеты расписывали мою победу, предсказывали мне большое будущее и благословляли на дальнейшие успехи. В один

день я превратился из мало кому известного спортсмена в надежду Польши и мог конкурировать с мировыми звездами.

Должен признаться, что все статьи о моих успехах я прочитывал до последней строчки. Без сомнения, это приносило удовлетворение. Еще так недавно я завидовал популярности моих товарищей и вдруг сам оказался на гребне!

Но родители, к большому сожалению, продолжали скептически относиться к моим спортивным достижениям. Когда я приехал после соревнований домой, меня приняли очень радушно: испекли в мою честь пирог, но отец сразу же начал читать мораль:

— Ты выиграл в этом соревновании, стал чемпионом Польши. Нам очень приятно, что исполнились твои мечты, но я надеюсь, что теперь пришла очередь заняться настоящим делом. Кроме того,— добавил не без иронии отец,— чемпиону Польши не пристало бить баклуши. Ты уже в таком возрасте, когда надо подумать о себе, о своем будущем. Ты должен найти работу и трудиться на благо общества, ради нас и ради себя.

Я внимательно слушал отца, но уже не было такой силы в мире, которая вынудила бы меня покинуть беговую дорожку и отказаться от спорта.

Да что тут говорить! Тогда я прислушивался к Клумбергу и только к Клумбергу. А он составлял мне самые радужные гороскопы на будущее. И покажите хоть одного парня в моем возрасте, у которого были бы все данные, чтобы победить лучшего бегуна того времени Пааво Нурми, и который согласился бы отказаться от спортивной карьеры и от борьбы!

Я познал вкус победы. И сейчас говорю не только о спорте, а о том, что каждый с детства мечтает в какой-то области достичь вершин. Быть первым. Меня судьба бросила в объятия спорта. Должен ли я ей противиться? Нет и еще раз нет! Поэтому впервые я решительно сказал отцу, что не сойду с избранного пути, и попросил его не возобновлять больше разговора об уходе из спорта.

Да и время подгоняло. Я не имел права терять ни минуты. Передо мной открывались неограниченные возможности, что прекрасно понимали мой спортивный клуб и Польский легкоатлетический союз. Через несколько дней должны были состояться международные соревнования Польша — Чехословакия в Праге, где я должен был дебютировать. И вот снова я принялся за работу.

Первый амулет

В то время меня занимали две проблемы: предстоящие соревнования и приезд Петкевича. Но, побив национальный рекорд Фрайера в беге на 5000 м на 13 секунд, я уже думал о приезде Петкевича без особого страха. Ведь рядом с сильным спортсменом я мог многому научиться!

А через несколько дней после первенства Польши меня ждал подарок. Известно, что спортсмены в большей или меньшей степени суеверны. У многих есть свой амулет или фетиш. Поэтому вы не удивитесь, если узнаете, что и у меня были такого рода странности и, конечно же, свой амулет. Это была шапочка, сделанная из шелкового чулочка, с которой я никогда не расставался на беговой дорожке. Ребята из клуба поначалу подсмеивались надо мной, когда я с серьезным лицом доказывал, что именно шапочка-то и приносит победу. Но вскоре к моему чудачеству привыкли.

И вот теперь я получил подарок от моего товарища по клубу Ирки Шабинской. То была хорошенькая шапочка цветов нашего клуба, которую она сама связала и вышила. Коллеги прошептали магические слова, торжественно водрузили шапочку на мою голову, и она стала моим новым амулетом. Прежний амулет был отправлен на чердак с другими старыми вещами, а новый стал мне верно служить.

Тем временем приближался международный матч между Чехословакией и Польшей. Я не делал ни одного дня перерыва в тренировках. Наоборот, они стали еще интенсивнее, и, вопреки указаниям Клумберга, я начал тренироваться дважды в день.

Клумберг по-прежнему посвящал мне много времени, исправляя мой стиль и работу рук. Вместе с ним мы готовили план работы на зиму, чтобы не выйти из формы по окончании сезона.

Лишь теперь я по-настоящему понял значение для спортсмена бани. Раньше я не увлекался баней и не знал ее роли в сохранении спортивной формы. Только сочетание рациональной тренировки с массажем и баней дает хорошие результаты в работе легкоатлета. Баня облегчает работу почек. Кроме того, организм привыкает к повышенной температуре, в результате чего во время бега спортсмен не потеет и не ощущает жары.

Итак, я стал ходить в баню. Сначала раз в неделю, потом два раза.

Сейчас я легко выдерживаю температуру 40—50 градусов. Наряду с тем что баня прекрасно «освежает» мышцы и очищает весь организм, она помогает выработать правильное дыхание.

Многие предостерегают, говоря, что высокая температура в бане ослабляет организм и что часто туда ходить вредно. После нескольких посещений бани я понял, что это неправильное мнение. Наоборот, после бани я чувствовал себя всегда бодрым.

Перед международными соревнованиями я особенно интенсивно тренировался и почти забыл о Петкевиче, поэтому его приезд прошел для меня почти незаметно. Он был очень способным спортсменом, много работал, принимал участие в олимпийских играх. Мне давно хотелось встретиться с ним на беговой дорожке. Было очень приятно, что такой славный парень будет моим коллегой по клубу, что мы будем вместе тренироваться. Кроме того, Петкевич приехал в Польшу один, здесь у него не было родных, дома, и поэтому все мы в клубе старались сделать пребывание Петкевича в Варшаве как можно приятнее, не дать ему ни на секунду почувствовать одиночество.

Казалось, все должно быть хорошо, но уже через несколько дней пришло разочарование. Однако не будем опережать события.

На второй день после приезда Петкевича в Агриколе должны были состояться легкоатлетические соревнования, на которых он намеревался выступить. Сейчас не помню почему, но клуб не выставил меня на эти соревнования.

Я приехал в Варшаву в качестве зрителя. Но перед началом соревнований мне неожиданно заявили, что я должен бежать. Это не вызвало большого энтузиазма, потому что я чувствовал себя не очень хорошо, да и утром дома произошла неприятность. В конюшне вместе с ветеринаром мы осматривали коня, который долгое время болел. Я стоял слишком близко, и конь наступил мне на правую ногу, сильно придавив палец. Из-за этого не то что бежать — ходить было больно.

Кроме того, я хотел посмотреть на Петкевича, определить его стиль и сравнить со своим. Однако делать было нечего. Руководство клуба так уговаривало меня, что пришлось согласиться выйти на старт, предупредив организаторов соревнований о больной ноге и о том, что я буду бежать вне конкурса. Судейская коллегия во главе с Форысом обещала, что даже если я буду вторым и побью рекорд Польши, он будет признан. Петкевич еще не принял польского гражданства, и поэтому не я, а он должен был участвовать в соревнованиях вне конкурса.

Бежать надо было на 3000 м. Признаюсь, что, когда я стоял на старте, самочувствие оставляло желать лучшего. Петкевич не давал мне покоя. Правда, в предчувствии борьбы я на некоторое время забыл о боли в ноге, но нервы были напряжены до предела. Я рассчитывал на то, чтобы все время держаться за Петкевичем, а на последних двухстах метрах перед финишем поднажать и выиграть бег. Но это было почти невыполнимо. Рассудок говорил, что я не выиграю, ибо показываю худшее время. Печальные размышления прервал выстрел стартового пистолета. Мы двинулись. Вся тактика вылетела у меня из головы. Вместо того чтобы держаться за Петкевичем, я возглавил бег и, забыв о боли в ноге, летел вперед как стрела.

Уже после первого круга я почувствовал, что мне совсем не надо напрягаться, чтобы выдержать темп Петкевича. Скорее ему приходилось прилагать значительные усилия, чтобы поспевать за мной. Таким образом мы сделали несколько кругов. Вдруг я услышал возбужденные голоса и,

когда обернулся, увидел, что Петкевич сходит с беговой дорожки. Меня это удивило и одновременно разозлило. Хотелось даже прервать бег, чтобы узнать, что склонило моего соперника покинуть дорожку, но колебался я только секунду. В следующее мгновение я развил еще большую скорость и закончил бег с прекрасным временем, установив новый рекорд Польши — 8.54,2.

Надо сказать, что первые мгновения после финиша не были для меня особенно приятными. Встретив недоброжелательный взгляд Петкевича, понял, что дружбы с ним не получится. В его глазах я прочитал зависть и злобу. В первый момент я даже пытался не поддаваться первому впечатлению, но, к сожалению, впоследствии подтвердились самые худшие предположения.

Почему же Петкевич не закончил бег? Он объяснял это утомлением после долгого путешествия. Думаю, он просто берег силы. Потом он доверительно признался, что не ожидал увидеть в Кусочинском такого сильного соперника.

День этот, вместо того чтобы нас сблизить, оказался роковым. Между нами легла пропасть. Я уже на следующий день забыл о неприятном происшествии и старался быть Петкевичу хорошим товарищем и гостеприимным хозяином, пытался найти подход к нему, но все мои старания разбивались о его холодность и отчужденность. Через несколько дней один из моих товарищей пересказал свой разговор с Петкевичем. Тот был недоволен, что встретил в Польше бегуна, который на первых же соревнованиях легко победил его.

— Я никогда не думал,— говорил ему Петкевич,— что Кусочинский так хорошо бежит. В Польше я надеялся быть первым без борьбы, а теперь вижу, что должен заработать первенство тяжким трудом.

Не знаю, был ли такой разговор, но наблюдения утвердили меня во мнении, что я был для Петкевича, по крайней мере, неудобен. Вначале Петкевич не показывал явной антипатии ко мне. Внешне был вежлив и внимателен, но на самом деле глубоко затаил свою неприязнь. Признаюсь, тогда меня не очень волновали все эти неприятности. Все мысли занимало предстоящее выступление в матче с чехословацкими спортсменами. Петкевич не мог войти в состав команды: его польское гражданство все еще было под вопросом. Кроме меня в команду вошли Саварин, Маляновский, Костшевский, Шенайх, Биняковский и Вейсс.

Матч в Праге

Время перед отъездом тянулось невыносимо медленно. За несколько дней до соревнований я уже не мог ни тренироваться, ни заниматься гимнастикой, ни даже ходить в баню, к которой так привык.

По ночам мучился, не мог заснуть, а если и засыпал, то часто просыпался, метался во сне. Преследовали сомнения, смогу ли я победить грозных чешских соперников. Я принимал участие в двух видах программы — в первый день в беге на 5000 м и во второй — на 1500 м.

По расчетам Клумберга и моим, у меня не было никакой надежды победить на дистанции 1500 м. Единственным желанием было не оскандалиться и не прийти последним.

Что для этого нужно? Я перебирал разные тактические решения, которые в первый момент казались мне лучшими. И так плохо, и так не хорошо. Клумберг, который знал, как бегают Кошчак и Таубел, считал, что я должен в основном опасаться первого и следить только за ним. Но во время соревнований меня могли ожидать самые невероятные сюрпризы. Я хотел посоветоваться с Саварином и тогда что-то придумать.

За четыре дня до отъезда я начал паковать вещи. Надо сказать, что как я ни старался аккуратно и экономно сложить вещи и чемоданы, мне это так и не удавалось. Дома надо мной смеялись, потому что каждую минуту находились мелочи, которые будут совершенно необходимы в Праге. В конце концов набралось четыре огромных чемодана, а я испугался, что стану посмешищем в глазах товарищей, и пришлось сократить до минимума. Но и минимум этот занял два внушительных чемодана. А тут еще, заботясь о здоровье «ребенка», мама вручила мне «небольшую» корзиночку с десятью килограммами яблок и несчетным количеством бутербродов.

Когда обвешанный свертками, авоськами, чемоданами я появился на вокзале, весь перрон расхохотался. Особенно же потешались мои товарищи:

— Януш, побойся бога, куда ты направляешься? На этот раз мы решили не заезжать в Америку.

Опустив голову, я проскользнул в вагон, положил чемоданы, рассовал по углам свертки с продуктами и не показывался больше на перроне.

В поезде начались длинные дискуссии о соревнованиях Чехословакия — Польша. Сразу же спорящие разделялись на две группы. Одна, во главе с Вейссом, придерживалась мнения, что соревнования мы, конечно, проиграем, что не надо тешить себя напрасными надеждами. Вторая группа придерживалась прямо противоположного мнения. В нее входил и я. Мы считали, что соревнования должны выиграть, что по крайней мере в легкой атлетике мы не уступаем спортсменам Чехословакии.

Вместе с нами в купе второго класса ехала на соревнования Халина Конопацка со своим женихом — министром Матушевским. Я познакомился с ней раньше, но только теперь увидел, как она обаятельно и просто держится в обществе. После того как Конопацка завоевала золотую медаль на Олимпиаде» я думал, она загордится, будет смотреть на нас свысока, но этого не произошло, что приятно удивило моих товарищей и меня.

Семнадцать часов путешествия пролетели как один миг.

Спортсмены Чехословакии, помня о прошлогоднем приеме в Польше, встретили нас очень радушно. Громкими криками они выражали свою симпатию польской команде. Объятиям, речам, фотографированию не было конца. Прием был таким сердечным и активным, что от него мы устали больше, чем от долгого путешествия, и только в отеле смогли вздохнуть с облегчением. Мне досталась отдельная комната. Я был довольно застенчивым человеком, и перед соревнованиями всегда хотелось покоя и одиночества. На следующий день я проснулся в семь часов утра и начал заниматься гимнастикой. Не все просыпались так рано и я мог помешать товарищам нормально выспаться. В этом было еще одно достоинство отдельной комнаты. К сожалению, окна выходили на улицу, и шум большого города не давал уснуть до поздней ночи. Но не только шум был причиной бессонницы — я очень волновался перед стартом.

Немного отдохнув, мы пошли побродить по городу. Потом поехали на стадион, где на следующий день должна была состояться борьба между чехословацкими и польскими легкоатлетами. Стадион нам понравился, но у беговой дорожки был один недостаток: слишком крутые виражи. Они-то потом и стали причиной многих наших неприятностей.

Наконец пришел день соревнований. Мы вышли на поле, прозвучали национальные гимны, и начался парад сорока спортсменов: по двадцать с каждой стороны.

Вначале объявили забег на короткие и средние дистанции, и сразу же нас начали преследовать неудачи. Спринтеры, не привыкшие к крутым виражам, проиграли, несмотря на то, что борьба была очень острой. Даже четырехсотметровка, на которой мы рассчитывали быть первыми, принесла нам поражение; если так и дальше пойдет, соревнования проиграны. В наших рядах началось смятение, но мы не теряли надежды. После забегов на короткие и средние дистанции подошла и моя очередь: на старт. Вызвали участников бега на 5000 м. Размявшись и слегка помассировав мышцы, я выбежал вместе с Саварином на дорожку.

В соревнованиях выступили четыре спортсмена: нас двое, известный чешский бегун Кошчак и Таубел.

Перед стартом у меня была довольно острая стычка с руководителем делегации Шляхчаком. Причиной послужил мой амулет — шапочка. Как обычно, я хотел бежать в шапке. Но Шляхчак категорически приказал снять шапочку и не делать из себя посмешища на международном матче. Я же, как всегда упрямый и настойчивый, сказал,

что лучше вообще откажусь выходить на дорожку, чем расстанусь со своим амулетом. Не знаю, до чего бы дошла ссора, если бы не вмешался Шенайх. Меня оставили в покое. Это была моя первая победа, что казалось добрым предзнаменованием,

Я не надеялся победить и был бы счастлив занять второе место. Кошчак пробежал эту дистанцию за 15.24,0, я же — за 15.41,0. Кроме того, на незнакомой беговой дорожке я не рассчитывал пробежать лучше.

Перед бегом мы договорились с Саварином, что я буду следить за Кошчаком, а Саварин — за Таубелом. Для меня было бы большим достижением выдержать темп моего противника и прийти следом за ним. А победу все открыто предсказывали Кошчаку.

Первые же минуты показали, насколько опрометчивы бывают всякие пророчества. После выстрела стартера с бьющимся от переполнявших меня эмоций сердцем я сразу же возглавил бег, развив предельную скорость. В последний момент мелькнула мысль: измотать Кошчака, и тогда если не я, то хотя бы Саварин выиграет бег. Не знаю почему, но мы совсем забыли о Таубеле, который оказался прекрасным бегуном, ничуть не слабее Кошчака.

Итак, я возглавил бег и рвался вперед что было сил. Я был уверен, что Кошчак выдохнется, еще и потому, что перед самым забегом он жаловался на плохое самочувствие и на то, что сегодня не в форме. На первом же круге я понял, что выбрал правильную тактику. Правда, бежать было очень трудно из-за крутых поворотов, публика болела за своих, но я не снизил темпа, а на третьем круге позволил себе даже небольшое ускорение.

Соперники были вынуждены принять такой же темп, и первые три круга бежали вплотную за мной. Саварин и Таубел меня не интересовали, я был занят только Кошчаком, который уже на третьем круге прерывисто дышал и, как мне казалось, начал слабеть. «Ура! — подумал я.— А может быть, сумею и выиграть?..»

Но нет. Продолжая бег в бешеном темпе, я вообще мог сойти с дорожки, и тогда оружие, которым надеялся победить противников, обратится против меня же самого. Тогда не только второе место, а даже третье будет под большим вопросом. Но я призвал на помощь упорство, веру в себя и стремление к победе. Эти три качества, как я потом убедился, могут творить чудеса.

После трех кругов Кошчак бежал за мной в семи метрах, и было ясно, что такого темпа ему до конца не выдержать. Когда, обернувшись, я заметил это, то единственным желанием стало как можно дальше оторваться от бегунов, и прежде всего от Кошчака, которого я по-прежнему опасался больше других.

Надо признаться, что чешская публика в первые минуты бега относилась ко мне довольно равнодушно, даже враждебно, подбадривая Кошчака. Видя, что я бегу впереди их фаворита, мне стали аплодировать. За три круга до финиша я снова обернулся. На мгновение я был ошеломлен: вторым за мной бежал Таубел, который всеми силами

старался догнать меня и опередить на финише. А дальше шла борьба между Кошчаком и Саварином за третье место. Уверенность в победе вдохнула в меня силы, и я стал думать о том, чтобы не только победить, но и побить свой рекорд.

В трехстах метрах от финиша я начал последний рывок, отдаваясь все дальше и дальше от Таубела. Наконец моя грудь коснулась финишной ленточки. Раздались аплодисменты. Отстав на сто метров, второе место занял Таубел, затем Кошчак, и последним пришел Саварин, который, видимо, применил неправильную тактику в борьбе с опытным Кошчаком.

Надо ли говорить о моем состоянии в тот момент! От волнения я почти не слышал поздравлений и добрых слов, не видел энтузиазма зрителей, а ждал, когда объявят результат.

Наконец объявили время: 15.34,0. Новый рекорд Польши! Это была победа. Не прошло и двух недель, как во второй раз мною побит рекорд Польши.

Но борьба на дорожке пражского стадиона продолжалась. В конце первого дня состоялась эстафета 4 по 100 м, и снова наши надежды не оправдались. Чехи, привыкшие к крутым поворотам, выиграли. Теперь уже вероятность поражения нависла как дамоклов меч над польской командой.

Сразу же после соревнований мы вернулись в отель. Начались бесконечные дебаты о том, что и как сделать завтра, чтобы не проиграть. К счастью, во второй день соревнований должны были состояться забеги, где мы имели неплохие шансы на победу. Тщательно изучив все «за» и «против», мы пришли к единому выводу: эстафета 4 по 400 м будет решающей.

Второй день соревнований начался нашей победой. В беге на 400 м с барьерами побеждает гордость нашей легкой атлетики Стефан Костшевский. Мы расцеловали Стефана. Его победа явилась для нас хорошим стимулом. Все мы очень любили Стефана. Он был не только великолепным спортсменом, но и прекрасным товарищем.

Но недолго пришлось радоваться. Уже в следующем соревновании мы потерпели фиаско. Проклятые крутые повороты не дали выиграть дистанцию, на которую мы так рассчитывали. Биняковский проигрывает Бартлу. Наконец снова приходит моя очередь. Стартуют всеобщий фаворит чешский бегун Кител, Кошчак, Маляновский и я. Сразу же со старта Кошчак вырывается вперед. Я и Маляновский прочно держим Китела. Пробежав круг, замечаю, что Кошчак увеличивает темп. Кител, видя, что мы его окружили, слегка замедляет бег. «Ага, мой миленький,— думаю я,— ты решил дать выиграть своему товарищу. Ничего у тебя не выйдет». Я помчался вперед и уже через 300 м был первым, но так как все внушали перед забегом, что будет хорошо, если я приду третьим, то слегка дезориентировался. Надо было измотать Кошчака и пропустить Маляновского. В шестидесяти метрах от финиша я несколько снизил темп, чем позволил обойти себя Кителу и Маляновскому.

У меня были все шансы победить, и до сих пор не могу понять, почему я отдал победу без борьбы. Первое место занял Кител с результатом 4 мин. 14 сек. Кошчак остался далеко сзади.

Когда я бежал на 1500 м, на стадионе проходили еще и соревнования по толканию ядра. Наша Конопацка была вне конкуренции и, конечно, победила.

Наконец наступил решающий момент встречи: эстафета 4 по 400 м. При предварительном подсчете очков оказалось, что у чехословацкой команды на одно очко больше, чем у нас. Если мы выиграем эстафету, то выиграем и всю встречу. Иначе — поражение.

И вот судьи пригласили на старт участников эстафеты. Молча мы смотрели на нашу четверку. От нее зависел исход встречи. А ситуация для нас была почти безнадежной.

Наконец в гробовой тишине спортсмены появились на старте. Первая пара: Вейсс и Вольф. Представляю себе, что переживал тогда бедный Зигмунд, если даже нас, не участвующих в забеге, трясло как в лихорадке. Если Вейсс победит Вольфа, эстафета выиграна. Но сможет ли? Ведь как раз этому Вольфу вчера он проиграл на стометровке! В позе и выражении лица Вейсса чувствовалось страшное напряжение, вера в победу, что нас немного успокоило... Выстрел стартового пистолета. Вейсс отлично берет старт и, словно стрела, несется вперед. Вольф, уверенный в своей победе, не предполагал, что поляк сумеет так выложиться в первые же секунды. Он напрягает все силы, чтобы догнать Вейсса, но у того словно выросли крылья. Он рвется вперед, прекрасно проходит крутые повороты и, к великой нашей радости! опередив на несколько метров Вольфа, передает эстафетную палочку Биняковскому.

— Bravo, Вейсс! — И хотя это был не конец эстафеты, прекрасная победа Вейсса вдохновила остальных участников. Биняковский тоже великолепно справляется со своим этапом, опережает Бартля и выигрывает еще несколько метров.

Мы кричали и прыгали как сумасшедшие, подбадривая наших спортсменов. Биняковский, Маляновский, затем Костшевский выигрывают последние метры и добывают победу. Но главный виновник торжества все-таки Вейсс. Он, несомненно, был главным победителем эстафеты и всей встречи.

Рекорд в Вильнюсе

Приехав домой, я узнаю, что общество «Евгеники» организовало соревнования в Варшаве. Мне предстояло бежать на 1500 м. Признаюсь, что эта дистанция не представляла для меня особого интереса. Обычно так складывалось, что в беге на 1500 м у меня не было грозных соперников, и поэтому мое время оказывалось невысоким. Я стал и на этот раз победителем, закончив бег за 4.10,8, Петкевич показал 4.11,0, Маляновский — 4.12,0.

В этот период не только я, но и друзья заметили перемену в отношении Петкевича ко мне. Раньше никому не бросалась в глаза его антипатия, хотя я всегда интуитивно ощущал ее. Теперь Петкевич даже внешне перестал сдерживаться и не стеснялся показывать свое отношение ко мне в обществе.

Это даже не было завистью, скорее где-то подсознательная неприязнь. Многократно он заявлял, что не ожидал встретить в Польше таких сильных соперников. Я оказался в сложной ситуации и не знал, как мне себя вести. С одной стороны, мне было жаль парня, который, конечно, чувствовал себя здесь одиноко и тосковал о родительском доме. С другой стороны, меня злила его несправедливость и невыдержанность.

Я не выносил неискренности и двуличия. Когда Петкевич со мной разговаривал, он улыбался; казался добродушным, и несколько раз я напрямик его спрашивал: «Какая черная кошка пробежала между нами?» Но Петкевич отвечал на это удивленным взглядом. Я никогда, не мог понять, почему за моей спиной у него находилось столько аргументов против меня, а в наших разговорах он никогда не был искренним.

Через неделю после соревнований Варшавский окружной союз легкоатлетов устроил встречу спортсменов двух городов: Вильнюса и Варшавы. Правда, уже заранее было известно, что мы победим, но перед нами стояли другие задачи: нам хотелось приобщить жителей Вильнюса к спорту, заинтересовать их легкой атлетикой. С радостью ожидал я путешествия в Вильнюс. Мне очень нравился этот город, его памятные места.

Вопреки нашим ожиданиям, прелюдия к соревнованиям в Вильнюсе была весьма грустной. Я поехал отдельно, не с командой, к самому началу соревнований. В Варшаве меня задержала срочная работа. Это вызвало нападки на меня вильнюсских журналистов. Меня называли молокососом, зазнайкой, упрекали в том, что я приехал отдельно и вдобавок ко всему в спальном вагоне. У меня сложилось впечатление, что причиной нападков были мои громкие победы. Журналисты, видимо, боялись, что я вовсе не приеду в Вильнюс и лишь, таким образом, публику интересного зрелища.

Наша команда поехала без официального руководителя из Союза, его замещал многократный чемпион Польши Стефан Костшевский, который справился со своей задачей просто великолепно.

Я готовился к бегу на 1500 м без особого волнения. Чувствовал я себя тогда отлично, тем более что сам Костшевский массировал меня перед забегом. Сильных соперников на этой дистанции не было, и поэтому я решил установить рекорд Польши. Прежний рекорд принадлежал Форысу — 4.05,0. Правда, коллеги пытались охладить мой пыл, ссылаясь на плохую погоду и намокшую беговую дорожку. Но я стоял на своем. Ведь всем известно, что от упрямства нет лекарства.

Сразу же со старта беру очень высокий темп, не обращая внимания на дождь и сырость. Перед забегом договорился с Костшевским, что он будет говорить мне время на кругах (тогда я еще бегал без секундомера). Итак, первый круг — 1.02,0, противники не выдерживают моего темпа и отпадают уже на этом круге, оставаясь далеко позади. Второй круг дается мне с трудом и пройден только за 1.05,0. Костшевский, подбегая ко мне, кричит: «Быстрее, быстрее! Прибавь темп и рекорд твой!» Однако проще выигрывать теоретически, чем практически. Несмотря на громадные усилия, третий круг я пробегаю за 1.07,0, 1200 м — за 3.14,0. Остается 300 м, которые надо пробежать за 50 секунд. Собрав последние силы, начинаю финишный рывок, но это ни к чему не приводит. Отсутствие сильных соперников, плохая погода, размякшая беговая дорожка сыграли свою роль. Пробегаю 300 м за 52 секунды, но это на две секунды хуже, чем надо. Время мое — 4.06,0. Это на секунду хуже рекорда Форыса.

Потом я понял свою ошибку: неправильно распределил силы, слишком выложился на первом круге, и поэтому не хватило сил на последние круги. Но все же я установил личный рекорд.

На следующий день, как назло, продолжал накрапывать противный мелкий дождь. Народу на стадионе было немного. Пришли только самые горячие болельщики. Я стартовал в беге на 5000 м. Тогда я испытал странное чувство. Я был почти уверен в победе, но какой-то непонятный страх преследовал меня не только на старте, но и во время бега.

Наряду с тактикой, которую рекомендовал Клумберг, у меня был свой маленький секрет. Во время бега я внушал себе: «Чем быстрее пробежишь, тем скорее придет желанный отдых». Однако тогда минуты мне казались часами и как бы чего-то недоставало.

Из-за пронзительно холодной погоды и дождя я побежал в свитере. Но через несколько кругов разогрелся и сбросил свитер. И тут заметил, что вместе с ним, выбросил и платок, который был в кармане. Я давно привык к тому, чтобы что-то держать в руке во время бега. Я уже говорил, что в начале спортивной карьеры мне не разрешали держать секундомер, чтобы я не регулировал темп, но какой-то предмет у меня всегда был в руке. Когда я выбросил вместе со свитером платок, мне как раз и стало недоставать этого «чего-то». Поэтому, поравнявшись с Костшевским, я крикнул, чтобы мне дали платок. Спортсменам запрещено общаться друг с другом во время соревнований, но судья не заметил моего маневра, и на следующем круге Костшевский сунул мне в руку платок.

С самого начала бега я лидировал. За мной бежали Сарнацкий, Сидорович и другие. Через несколько кругов все остаются далеко позади. Сарнацкий не хочет со мною бороться, его задача — взять второе место. Мелкий дождь сечет лицо, и я тороплюсь вперед, чтобы, наконец, закончить бег и уйти из-под этого отвратительного душа. Яне обращаю внимания даже на Костшевского, который называет мне время и жестикулирует, что-то показывая.

После девятого круга меня охватили апатия и усталость. Я даже замедляю темп, с трудом подавляя желание прекратить бег, и только боязнь стать предметом насмешек товарищей толкает меня вперед.

Наконец пошел последний круг. Я услышал крики Стефана и коллег, которые бежали по полю, размахивали руками и торопили меня.

— Ты идешь на рекорд! — кричали они.— Рекордное время!

Изо всех сил работая руками, делаю рывок и заканчиваю бег с временем 15.17,6, что стало новым рекордом Польши. На 16,2 секунды выше прежнего. Такого результата я не ожидал. Когда сказали об этом,— не поверил. А некоторые даже утверждали, что я пробежал на один круг меньше. Но все сомнения разрешил капитан Кавалец, который был во главе судейской коллегии и официально объявил время.

Собравшиеся на стадионе зрители, обычно довольно сдержанные, наградили меня горячими аплодисментами. Я же так промок и устал, что потихоньку пробрался в раздевалку, переоделся и удрал в отель.

В солдатском мундире

Не успел я приехать в Варшаву, как получил повестку о призыве в армию. Друзья постарались повлиять на военные власти, и меня оставили в Варшаве. Моим начальником стал капитан Польшняшек, восторженный поклонник спорта.

Первые несколько дней в казарме прошли довольно грустно. Я чувствовал себя одиноким без знакомых и товарищей по спорту, не мог найти себе места. Но что делать, надо было выполнять свой гражданский долг, по возможности сочетая его со спортом. Через несколько дней я уже кое-как привык к новому окружению, а когда появились в казарме знакомые ребята Мартин, Ланке, Винерович, Марачковский, я совсем утешился.

Прошло немного времени, и у нас образовалась компания, которую невозможно было разлить водой. Вне службы мы не расставались ни на минуту. Нас называли любимчиками командира.

Через две недели моей армейской жизни на стадионе «Орел» состоялись соревнования. Там я должен был стартовать вместе с Петкевичем на 3000 м. Еще за три недели до соревнований мы договорились, что к финишу придем вместе: шла уже вторая половина октября, и ни один из нас не хотел выкладываться на время. Когда я приехал на стадион и спросил Петкевича, остается ли в силе договоренность, тот мне ответил:

— Ничего не знаю, бегу на время, и нет мне ни до чего дела.

Признаюсь, я был удивлен таким заявлением. «Ну что же,— подумал я,— Петкевич знает, что уже две недели я не тренируюсь, а ежедневно посещаю специальные армейские учения. Он, видимо, решил использовать мое состояние и взять реванш за прежние поражения».

— Делай как знаешь,— ответил я с нескрываемым возмущением, решив бороться до конца и показать Петкевичу, что даже в таких условиях остаюсь для него опасным соперником.

Никогда не забуду этого бега. Борьба шла не на жизнь, а на смерть! Семь кругов мы отчаянно боролись за лидерство, потому что я хотел навязать Петкевичу умеренный темп и сохранить силы для финиша. Но он понял мою тактику и не давал снизить темп. На последних двухстах метрах Пёткевич обходит меня, делает финишный рывок и заканчивает бег первым с результатом 8.54,2. Я не принял его вызова и, конечно, проиграл.

Тот бег был для меня серьезным предостережением и показал, что случается со спортсменом, который регулярно не тренируется и не занимается гимнастикой. Это во-первых. Во-вторых, я понял, как легко можно потерять форму, если лишаешься атмосферы покоя и привычного окружения.

Без сомнения, 25 процентов формы каждого спортсмена — это здоровая нервная система и уверенность в себе. Вторые 25 процентов —

это подготовка, т. е. тренировка, гимнастика и массаж. Остальное — талант.

Через неделю во Львове проходил матч Варшава — Львов, было представлено много видов программы. Часть из них состоялась в первой половине дня, другая — во второй. Я был заявлен на 1500 и на 5000 м. Петкевич — только на 5000 м.

1500 м я довольно легко выиграл у Саварина, показав не очень хорошее время — 4.15,0. Но я и не стремился к большему, так как берег силы для поединка с Петкевичем. Уже ни я, ни он не скрывали взаимной антипатии.

Спортивные круги знали о нашей ссоре и с нетерпением ожидали этого бега, так как мы оба одинаково стремились к победе. Я надеялся, что мы покажем около 15.30,0.

Прямо со старта я развил бешеный темп и возглавил бег. Я уже знал, что на финише трудно опередить Петкевича. Последний рывок ему удастся гораздо лучше. Значит, надо его вымотать, выиграть у него за счет выносливости.

Выдержит ли он? Этот вопрос не переставал меня мучить.

Петкевич разгадал мою тактику и на втором круге вышел вперед, желая возглавить бег, но ему это не удалось. Через десять метров я отнял у соперника инициативу и все остальные круги бежал впереди.

Никогда не думал, что можно так равномерно бежать. Все круги мы проходили за 1.16,0. Это была, конечно, случайность: тогда еще у меня не было навыка и я не мог так точно регулировать свой темп. И до сегодняшнего дня я не овладел искусством такой точности.

Последний круг... Мне то холодно, то жарко. Казалось, все бы я отдал за победу, но Петкевич, который все время держался за мной, вдруг оторвался, сделал рывок и пришел первым. Его время — 15.30,6. Я, совершенно раздавленный и физически и морально, отстал метров на десять.

После финиша я испытывал физическую боль и был на грани нервного припадка. Самое обидное, что Петкевич победил меня на последних метрах. Несколько дней я не мог прийти в себя. Но, может быть, даже и хорошо, что я проиграл: теперь я возьмусь за работу и покажу всем, на что способен. Поражение есть поражение. Петкевич доказал, что бегаёт лучше меня. Я должен особое внимание уделить рывку на финише.

Однако пока я даже мечтать не мог ни о рациональной тренировке, ни о гимнастике и массаже. И хотя мой командир был доброжелателен ко мне, он не мог освободить меня от военных учений и от моих обязанностей. К концу дня у меня уже не оставалось сил ни на тренировки, ни на гимнастику.

Через несколько дней мы едем с Сарнацким на первенство Польши по кроссу. Дистанция около 10000 м. Всеобщим фаворитом был Сарнацкий. Меня не считали серьезным соперником. Ведь я был не в форме! Но я преподнес сюрприз всем и даже себе. Я выиграл бег. Не

могу сказать, что это целиком было моей заслугой. Я стал чемпионом Польши только из-за плохой тактики Сарнацкого, который не предполагал, что я могу с ним конкурировать, и позволил мне возглавить бег. Если бы Сарнацкий взял на себя инициативу, то наверняка я бы не выдержал.

Впервые в спортивной карьере со мной произошел неприятный случай. Плохо подогнанная обувь и чрезвычайно твердые тропинки стали причиной того, что я натер ногу. Раньше я бы очень огорчился, но сейчас даже был доволен. «По крайней мере,— думал я,— меня освободят на несколько дней от военных занятий». И действительно, побывав у врача, я получил четырехдневное освобождение, к великой зависти моих товарищей.

После львовских соревнований я почувствовал переутомление. Захотелось отдохнуть от бега. Но это не получилось. В один прекрасный день в казарму влетел руководитель легкоатлетической секции «Варшавянки» поручик Сухожеевский и стал умолять меня выступить в организуемом ежегодно пробеге Вилянув — Варшава. Сначала я отказался, но Сухожеевский сказал, что речь идет о командном первенстве Варшавы и для клуба очень важно победить. Я согласился.

Вся элита бегунов оказалась на старте. Тут были и Петкевич, и Сарнацкий, и многие другие. Мы встали на старт и по сигналу двинулись вперед. На этот раз Сарнацкий изменил свою тактику. Он сразу же возглавил бег и навязал нам свой темп, помня о неудаче, постигшей его на первенстве Польши.

По твердым тропинкам все бежали довольно легко, но потом предстояло преодолеть полтора километра по мягкому полю. Ни Петкевич, ни я не могли выдержать темпа, предложенного Сарнацким. Мы остались далеко сзади. Здесь нужна была не только скорость, но и сила и техника, которыми Сарнацкий владел, как никто другой.

«Варшавянка» победила, но многочисленные любители спорта, которые собрались на стадионе, были удивлены результатами соревнований. Они ждали победы Петкевича, который в последнее время был в прекрасной форме, и вдруг первым пришел Сарнацкий. Они не знали одной особенности кросса: он не является в полной мере показателем сил данного спортсмена. Тот, кто может выиграть кросс с большим преимуществом, на беговой дорожке может проиграть самым слабым противникам.

Сразу после финиша я почувствовал, что с ногой что-то неладно. Невыносимо болело колено, и мне не то что бы бегать — ходить было больно. Пришлось пойти к военному врачу, который категорически запретил мне какие-либо соревнования и даже тренировки. Левый коленный сустав нуждался в лечении. Врач меня утешал, говорил, что нет ничего опасного, надо только не давать нагрузки на левую ногу, и травма колена пройдет бесследно.

Все данные доктору обещания были забыты, когда я узнал, что через две недели состоится трехкилометровый кросс на первенство Польши. Я слишком полюбил борьбу на беговой дорожке, чтобы не

воспользоваться каждой возможностью принять в ней участие, и, кроме того, надо было реабилитировать себя за прежние поражения.

Для очистки совести я забинтовал левое колено и включился в соревнования. Но я совершил серьезную ошибку, забинтовав ногу не резиновым, а обычным бинтом. Вместо того чтобы уменьшить нагрузку на колено, я, наоборот, еще больше переутомил мышцы. Как говорится, пришла беда — отворяй ворота. Я оступился, и все худшие предсказания доктора сбылись. Я повредил связки и не мог даже ступить на больную ногу.

Впервые в госпитале и борьба за... волосы

Чуть не плача, возвращался я в казарму. Нога причиняла нестерпимую боль. Я с ужасом думал, как буду снимать ботинки, но к счастью, товарищи помогли.

Трудно описать мои страдания. Нога одеревенела и распухла. Время от времени меня пронизывала страшная боль. На следующий день я не мог подняться с постели, с помощью товарищей едва добрался до доктора, который отругал меня, определил острое воспаление сухожилия и отправил в лазарет. Через два дня меня перевели в госпиталь.

В приемном покое произошел неприятный инцидент с дежурным врачом. Я уже месяц был в армии, и у меня немного отросли волосы. Я старательно за ними ухаживал, втирал специальную жидкость, якобы ускоряющую рост волос. Но дежурный врач приказал меня остричь. Я защищался из последних сил и не знаю, к чему бы привело мое упрямство, если бы не вмешался один милый доктор. Он спас меня от экзекуции и отправил в палату.

Пребывание в госпитале было тоскливым. С утра до вечера я глотал книжки, что очень не нравилось санитарке, делавшей мне постоянные замечания. Потом она стала жаловаться докторам. Все это привело к тому, что я попросил разрешения выписаться из госпиталя снова в часть и оттуда ездил на процедуры. В госпитале пролежал девять дней.

Через некоторое время я мог уже ступать на больную ногу и даже ходить на небольшие расстояния с тростью. Лечащий врач выхлопотал мне отпуск. Я надеялся хоть немного развлечься, но это, к сожалению, не удалось: пришлось ежедневно ездить на лечение.

За два дня до окончания отпуска в части состоялось торжественное принятие присяги новобранцами. Я также приехал в Варшаву, чтобы принять участие в торжестве. Долго буду помнить эти минуты. Был довольно сильный мороз (декабрь все-таки!). Нас выстроили на плацу. Полковник от нашего имени произносил присягу. Стоя по команде «Смирно!», с обнаженными головами, повторяли мы слова присяги. Затем состоялся парад перед знаменем полка и командирами, после чего мы все отправились в казармы.

После принятия присяги нашу роту поделили на группы. Капитан Польняшек был назначен командиром первого батальона.

Мой новый командир, поручик Москалевич, не любил спортсменов.

— Ну что ж, бегун, не выйдет из тебя хорошего солдата — заметил он мне однажды в шутку.— Хорошо бегать не значит знать службу.

Подшли рождественские праздники. Некоторым повезло: уехали в отпуск домой. Мы же сидели в казармах, вдали от семьи и знакомых. Поздним вечером я не выдержал и удрал на несколько часов домой.

После долгих уговоров капитан Польняшек сжалился надо мной и взял к себе в батальон. На Новый год я уже легально поехал домой. Но здесь меня ждал тяжелый удар. Заболела моя сестра Халина и через неделю умерла. Отчаяние наше было безграничным. Это была первая смерть близкого человека, и я долго не мог прийти в себя.

Тем временем начались занятия в унтер-офицерской школе. Я старательно посещал лекции и практические занятия, стараясь занять себя и хоть немного забыть о несчастье. Кроме того, я начал серьезно думать о зимней спортивной подготовке. К сожалению, в Варшаве не было Клумберга, и я мог воспользоваться лишь его письменными советами.

У меня не было возможности полностью выполнить план, составленный Клумбергом. Слишком много времени занимала военная подготовка. Однако каждое утро я занимался гимнастикой, а два-три раза в неделю не меньше получаса бегал.

Как ни старался, я долго ничего не мог поделаться с состоянием депрессии: чувствовал себя переутомленным, надломленным. Я не смог справиться с первым серьезным испытанием в жизни и стал выпивать. Лишь спустя несколько месяцев мне удалось взять себя в руки, бросить пить и начать снова всерьез заниматься спортом.

Я был счастлив, что удалось победить порок, что сила воли все-таки сумела преодолеть искушение утопить в вине горе. И еще я понял одну вещь: нельзя сочетать выпивку и спорт. Прекратить пить постепенно невозможно. Приняв однажды решение, надо сразу бросать эту пагубную привычку.

Наконец подошло время сдачи экзаменов и окончания школы. Я получил отличные отметки и одновременно хотел с помощью клуба перейти в штаб, где работа не отнимала бы слишком много времени и где можно было бы продолжить тренировки. Но благим замыслом не суждено было исполниться. Через некоторое время меня назначили ротным инструктором. Теперь нельзя было и думать о гимнастике и тренировках. Дни проходили в тяжелом труде, обучении новобранцев, лишь иногда удавалось вечером выехать в город к знакомым.

Меня не покидала мысль о переводе в другое подразделение. И вот однажды, проходя по улице, я встретил капитана Гросса, известного спортсмена, коменданта Центра физического воспитания в Варшаве. Я рассказал Гроссу о моих бедах, и он обещал помочь.

И действительно, вскоре пришел приказ о моем переводе. Капитан Польняшек ужасно разозлился. Я же сделал вид, что не понимаю причины его гнева, и всю вину свалил на клуб.

А Петкевич все-таки сильней...

С первого дня работы в Центре я полностью отдаюсь спорту. Капитан Гросс и вахмистр Шелестовский, мои непосредственные начальники, стараются пойти навстречу, опекают меня и по возможности освобождают от военных занятий.

Я получаю возможность посещать курсы футбольных тренеров и постепенно вхожу в спортивную форму. Тренировки становятся интенсивней, иногда даже несмотря на переутомление. К сожалению, результаты появляются не сразу. Конечно, дали себя знать семейные невзгоды, тяжелая служба в армии и отсутствие настоящей зимней тренировки.

В начале апреля я выехал вместе с Петкевичем в Лодзь, чтобы принять участие в кроссе. Наши отношения оставались прежними. Петкевич был холоден и настроен выжидательно. Со стороны же мы выглядели хорошими коллегами и были взаимно вежливы. В поезде вместе обсуждали тактику, которую каждый из нас должен был применить в беге.

— Знаешь что,— неожиданно сказал Петкевич,— давай будем держаться всю дистанцию вместе, а в десяти метрах от финиша я обойду тебя. Других мы можем в расчет не принимать. Согласен?

Некоторое время от изумления я не мог вымолвить ни слова. Петкевич принял молчание за согласие, пожал мне руку и добавил?

— Когда-нибудь я тебя отблагодарю за это.

В 10 часов утра мы прибыли в Лодзь. Бег начинался в одиннадцать. Мы должны были поторопиться, потому что хотели успеть на поезд в Варшаву, отбывающий в 13 часов.

Стартовали мы в очень возбужденном состоянии. Я ни на кого, кроме Петкевича, не обращал внимания, да и он никого не замечает, кроме меня. Я возглавил бег, но тяжелая трасса, недостаточная тренировка не позволили взять хороший темп. В голове держалась мысль, что надо провести весь бег в довольно медленном темпе, чтобы не надорваться в самом начале сезона. Такого же мнения придерживался и Петкевич. Но тут нас ожидал неприятный сюрприз. Спортсмен из Лодзинского легкоатлетического клуба Староста вдруг вышел вперед, и предложил сумасшедший темп, вынуждая нас принять вызов.

На половине дистанции я почувствовал, что не выдержу. Начал отставать. Появилось странное ощущение: вроде бы еще не устал, есть запас сил, но... ноги отказывают мне в послушании, борьба продолжалась лишь между Старостой и Петкевичем. Только на последних метрах перед финишем Петкевичу, напрягая все силы, удается победить. Я закончил бег третьим.

Печальные мысли обуревали меня. Я прекрасно понимал, что проиграл не потому, что был хуже своих соперников, а потому, что не имел хорошей подготовки. Я поклялся себе взяться за работу и как можно

скорее достигнуть былой спортивной формы. И сделал еще один важный вывод: надо всерьез относиться ко всем противникам.

На следующей неделе в Варшаве состоялся общегородской кросс, и снова я прохожу к финишу третьим, вслед за Петкевичем и Сарнацким. Ноги по-прежнему не хотят слушаться.

Я не позволял себе даже минутного отдыха и искал любую возможность выступить в соревнованиях. Вскоре моя любимая газета «Вечур варшавски» организовала кросс. Победитель получал в награду прекрасный переходящий кубок. Благодаря великолепным организаторским способностям Зигмунда Вейсса, который по поручению Польского союза легкоатлетов провел подготовительную работу к соревнованиям, это мероприятие прекрасно удалось. На старте в Грохове выстроились свыше 100 спортсменов. Правда, немного подвела погода. День был прохладным, прошел дождь, и трасса бега намочла. «Варшавянка», как всегда, оказалась на высоте. Представители клуба заняли три первых места. На первом был Петкевич, на втором — Сарнацкий, на третьем — я.

Сразу же после этого проходил четвертый национальный кросс на дистанции около 8000 м. Соревнования эти с каждым годом становились все более популярными. О желании участвовать в них заявило более 400 спортсменов.

Этот бег был своеобразной генеральной репетицией перед летним легкоатлетическим сезоном. На старте, на Мокотовском аэродроме, собралась элита польских бегунов на длинные дистанции: Петкевич, Саварин, Сарнацкий, Мотыка, Жак, Староста и многие другие. Трасса была хорошо подготовлена.

Конечно, фаворитами были мы трое из «Варшавянки», и борьба за первое место должна была разыграться между нами. Так и произошло. Петкевич с Сарнацким по очереди лидировали в беге и навязали всем довольно быстрый темп. Только я смог удержаться около них и снова к финишу пришел третьим.

Я чувствовал себя уже намного лучше, чем в прошедших соревнованиях, и постепенно входил в прежнюю форму.

Через несколько дней мы с Петкевичем выехали в Познань на соревнования на кубок газеты «Познаньски Курьер». Как всегда перед соревнованиями, нас осматривал врач. После того как он признал меня совершенно здоровым, настала очередь Петкевича. Врач выстукивал его, выслушивал и, наконец сказал, что видит явные признаки желтухи и не может допустить его к соревнованиям.

— Но, доктор,— возразил Петкевич,— я совершенно здоров. На этой неделе я уже дважды участвовал в соревнованиях и прекрасно себя чувствую.

— Ничего не значит,— ответил доктор.— Вы больны.

— Хорошо,— вмешался я.— Но ведь вы же не можете дисквалифицировать победителя. Тогда уж всех не допускайте к соревнованиям. Вы же знаете, что он — бесспорный фаворит.

Долго еще пришлось уговаривать доктора, пока он наконец не дал разрешения Петкевичу выйти на старт.

Как я и предсказывал доктору, Петкевич блестяще выиграл бег. Я был вторым, отстав метров на восемьдесят.

В Ригу с приключениями

Тем временем приближались крупные международные соревнования в Риге с участием Эстонии, Латвии и Польши. Все мы старательно готовились к соревнованиям. Сейчас даже страшно подумать, какие нагрузки я себе давал. Времени на подготовку почти не оставалось. Да и у Легкоатлетического союза не было возможности устроить отборочные соревнования. Спортсменов отбирали по прошлогодним результатам.

Каждый из нас, вошедших в сборную команду страны, стремился улучшить свои результаты и оправдать доверие Польского союза легкоатлетов. С утра до вечера я был на беговой дорожке. У меня оставалось время только на то, чтобы исправить основные технические недостатки. Помня указания Клумберга, я кое-что дорабатывал и переделывал в соответствии со своим сегодняшним состоянием. Очень мне помог массажист Дубняк, который каждый день присутствовал на тренировках.

Наконец наступил день отъезда. Мои старые друзья — Баран, Костшевский, Шенайх, Сикорский, Адамчик, Трояновский, Цейзик, Добровольский и Сарнацкий — составили костяк нашей делегации. Были и молодые спортсмены: Хелиаш, Менжицкий и другие. Нашими руководителями были Шляхчак и Лебковский. Петкевич, конечно, тоже поехал бы с нами, если бы не было договоренности между Польским и Латвийским союзами легкоатлетов, согласно которой наш Союз обещал никогда не выставлять Петкевича против Латвии.

В Вильнюсе, где к команде присоединился Клумберг, произошла неприятность: когда я вместе с командой возвращался с завтрака, то уже на перроне увидел... уходящий поезд, который увозил руководителей делегации.

В первый момент мы растерялись и не знали, что делать. Одни предлагали нанять автобус, другие — дрезину. Но благодаря инициативе Барана за 750 злотых в специальном вагоне с паровозом мы очень быстро доехали до пограничной станции Земгале. И снова печальная новость: пять минут назад наш поезд ушел. Пришлось несколько часов ждать в Земгале. Только поздно вечером в пятницу мы приехали в Ригу.

На следующий день с утра зарядил мелкий дождь. Правда, мы были готовы ко всякого рода неожиданностям. В полдень мы пришли на стадион и убедились, что беговая дорожка, вообще невысокого качества, была окончательно испорчена дождем.

Мне предстояло участвовать в трех видах программы: в беге на 1500, 5000 и 10 000 м. В первый день я должен был бежать на 5000 м. Сразу же нас постигла неудача. После нескольких видов мы оказались на последнем месте, уступив Латвии и Эстонии много очков. Наконец подошло время нашего старта. Мы бежим вшестером. Сарнацкий и я представляем Польшу, Бельдсинский и Ласе — Эстонию, Букас и Пуке —

Латвию. Мое самочувствие оставляет желать лучшего: еще в Варшаве я слегка потянул левую ногу, и сейчас она противно ноет. Но я решил победить во что бы то ни стало.

Как в добрые старые времена, когда я еще находился в прекрасной форме, сразу же после старта вырываюсь вперед и веду за собою остальных, развивая довольно быстрый темп. Через два километра мы с Бельдсинским значительно отрываемся, от остальных спортсменов. Почти до конца бега ситуация не меняется, но беговая дорожка, окончательно размокшая к концу бега, измучила меня настолько, что я не смог сделать решающего рывка на финише. Я проиграл эстонцу, показав плохое время. Время Бельдсинского 16.06,0, мое — 16.15,6. Сарнацкому досталось всего лишь пятое место.

Усталые и злые возвращались мы вечером первого дня в отель. Было отвратительное настроение, и на этот раз мы не вели жарких дискуссий о следующем дне соревнований. На следующий день в том же настроении мы пришли на стадион. Но пока ведь еще не все потеряно! Может быть, нам удастся занять хотя бы второе место!

Я выступаю на двух дистанциях: на 1500 и 10 000 м. На первой дистанции, как и раньше, я бегу впереди, и на протяжении 500 м вся наша шестерка как бы мерится силами. Мы все бежим приблизительно на одном уровне. Вдруг Менжицкий делает резкий рывок и обгоняет нас метров на пятьдесят. Меня затрясло от волнения.

— Черт побери, неужели снова проигрываю?

Отчаяние длилось лишь секунду. Я взял себя в руки, нагнал Менжицкого, обошел его и спокойно выиграл бег. Время — 4.15,0. Третье место занял Рудис (Латвия).

Ситуация на стадионе начала изменяться. Постепенно мы догоняли латышей и эстонцев, но до победы было еще далеко: слишком неудачным для нас оказался первый день. Во всяком случае, при окончательном подсчете нам не хватило всего двух очков, а если бы наша эстафета победила эстонцев, то мы бы оказались впереди.

Все мои мысли были заняты следующим забегом. Нога немного болела, но я решил не обращать на нее внимания. Две дистанции были позади, осталась только одна, и надо было взять себя в руки. Мы выстроились на старте. Моим грозным соперником был снова Бельдсинский. Слабого Пуке заменили Монтмиллером. Первые 5000 м мы бежим вместе. Как обычно, я впереди. Затем Бельдсинский вырывается вперед, изо всех сил стараясь сохранить свое преимущество. Остальные остались сзади, я же ускоряю темп и отрываюсь вместе с Бельдсинским.

Одновременно с ускорением я почувствовал резкую боль в ноге, которая с каждым шагом все усиливалась и усиливалась. Я стал хромать. Никто не знал, какие страшные муки выпали на мою долю. По правилам надо было сразу же сойти с дорожки, потому что не только бежать — идти я не мот. Но финиш был так близко!.. Кроме того, моя победа принесла бы необходимые очки команде.

Пришлось стиснуть зубы, чтобы не упасть и не сдаться на последних метрах. Если бы Бельдсинский зная, что со мной происходит, он бы еще прибавил, и я бы не выдержал.

Так мы пробежали еще два километра. Ситуация не изменилась, но боль стала невыносимой, и на трибунах заметили, как я хромаю. Наши ребята поняли, как мне тяжело, и подбадривали меня:

— Кусый, осталось совсем немного!

— Дотяни до финиша! Иначе мы проиграем!

Я напряг все силы и лишь на последнем кругу дал опередить себя Бельдсинскому. Другие остались далеко позади. Я мог уже только идти. Все равно второе место было за мной. Третьим пришел Монтмиллер.

Несмотря на проигрыш, в награду за мужество и трибуны и товарищи устроили мне овацию. Я и сам был горд тем, что удалось преодолеть себя и не сойти с дорожки. На финише я буквально упал не руки товарищам. Они и отнесли меня в раздевалку.

С помощью друзей переделся, но идти не мог. Врач поверхностно обследовал ногу и сказал, что у меня сильное воспаление мышц из-за слишком форсированной тренировки, простуды и очень плохой беговой дорожки. Он меня утешал, говорил, что серьезных последствий не будет, но при условии: два месяца лечения и никаких нагрузок.

Я чуть не расплакался. Все мои планы полетели к черту. Пропал летний сезон. Еще неизвестно, смогу ли участвовать в соревнованиях после выздоровления. Я был в отчаянии, а на стадионе в это время заканчивались соревнования. Победу решала эстафета. К сожалению, мы заняли второе место. Проиграли пять очков Латвии и в командном первенстве также заняли второе место. На третьем месте осталась Эстония.

Товарищи отнесли меня на руках в машину, а потом и в комнату. После встречи вся команда была приглашена на чаепитие в Союз легкоатлетов. Я остался один в отеле с больной ногой и в ужасном настроении.

На второй день польский консул в Риге пригласил нашу команду на обед. Я решил тоже поехать: оставаться в одиночестве в отеле не хотелось. Позже я пожалел об этом. Во время обеда произошла еще одна неприятность: кресло, на которое я хотел сесть, отодвинулось, я упал и еще больше повредил ногу.

В объятиях Хелиаша

В тот же день мы уехали в Варшаву и в среду уже были дома. На вокзале все быстро расхватали чемоданы и разъехались по домам. Меня оставили одного. Я сидел в вагоне и не знал, что мне делать. Я уже хотел было позвать носильщика, чтобы он вынес меня к дрожкам, как вдруг в купе появился Хелиаш, мой добрый, милый товарищ. Никогда не забуду его заботы и нежности. Он поднял меня на руки, как ребенка, послал носильщика за моими чемоданами и отвез меня в часть.

В батальоне санитар дал мне костыли, на которых я и предстал перед капитаном Польняшеком. Покончив с формальностями, я поехал в госпиталь на Нововойскую улицу. Там меня встретили как старого знакомого. Доктор, внимательно осмотрев ногу, тут же уложил меня в постель. Он запретил мне не только ходить, но даже двигаться в постели. Нога страшно опухла, и невозможно было применить никакого лечения. Мне делали только компрессы. Боль немного утихла, но лежать без движения было трудно. И снова одиночество. Вокруг ходили больные, но мне вовсе не хотелось заводить новые знакомства.

Я надеялся, что ко мне придет кто-то из клуба, но прошло воскресенье, и никто не пришел. Только в четверг приехали мама и несколько знакомых, но... из Ожарува. Никто из Союза легкой атлетики меня не навестил. Я давал себе слово бросить спорт. Стоило ли столько трудиться, так выкладываться и в ответ встречать только черную неблагодарность!

Итак, почти неподвижно я пролежал три недели. Санитарка, которая помнила меня еще по прошлому пребыванию в больнице и относилась ко мне не слишком доброжелательно, узнав, что я спортсмен, совершенно изменилась и даже добилась для меня офицерского пайка. Через три недели я попытался ходить, но нога никак еще не сгибалась в суставах, и каждое движение причиняло боль. Кроме того, дни, проведенные в постели, ослабили мой организм.

После многих усилий я научился передвигаться с палочкой.

В это же время по поручению госпитального начальства я выполнял функции коменданта палаты. В мои обязанности входило поддерживать порядок и помогать медсестре по хозяйству. А через пять недель я получил увольнительную в город. Чувствовал себя хорошо, нога почти не болела. Взяв тросточку под мышку — больше из щегольства, чем по необходимости, — я отправился в Центр физического воспитания. Так как массажи, которые мне делали в больнице, были для меня слишком слабыми, я стал каждый день приезжать в Центр, где меня массировал мой постоянный массажист Дубняк. С каждым днем нога становилась лучше, и через две недели я совершенно отказался от трости, правда, о тренировках еще было рано и мечтать. Наконец, несмотря на протесты врача, я выписался из госпиталя.

В один прекрасный день произошло событие, которое заставило меня совершенно отказаться от мысли бросить спорт. Дело было так. Выписавшись из госпиталя, я приехал после обеда в канцелярию Центра физического воспитания. Вдруг вижу: открывается дверь и входит Петкевич. Он сделал вид, что меня не заметил, и, не сняв даже шляпы, прошел в кабинет массажистов.

Меня затрясло от обиды и возмущения. «Ничего себе, меня даже не замечают,— подумал я.— В том, что обо мне забыли, я мог убедиться в госпитале, но тут еще, видно, считают, что я кончился как бегун. Не дождутся. Я всем докажу, что еще могу снова показать себя, что могу победить Петкевича, и не один раз».

И я понял, что это и станет моей главной целью и главным стимулом, а когда во мне такой запал, я добьюсь своего. Только бы болезнь меня отпустила.

В это время легкоатлеты готовились к первенству Польши, которое должно было состояться вскоре в Познани. Выступить там я, конечно, еще и не мечтал, но ничто не могло мне помешать быть зрителем и взглянуть, какие результаты показывают лучшие бегуны страны.

Военное начальство было великодушным. Мне дали — правда, по ходатайству врачей — шестинедельный отпуск и бесплатный билет в Познань и обратно. На первенстве Польши не было неожиданностей. Я сидел на трибунах как зритель и смотрел на беговую дорожку, что причиняло почти физическую боль. Понять меня может лишь тот, кто жил активной спортивной жизнью и на время из-за трудных обстоятельств был исключен из нее. Тем более было обидно, что спортсмены выглядели на беговой дорожке весьма бледно и показывали не лучшие результаты.

Вернувшись из Познани, несмотря на предостережения врачей, я начал понемножку тренироваться. Сначала очень осторожно, чтобы не переутомить ногу, потом все интенсивнее: через месяц должны состояться соревнования на первенство армии, на которые я был заявлен. Но я не рассчитал силы, и нога снова начала побаливать. Опасаясь рецидива, я ослабил напряженность тренировки, о совершенном же прекращении работы не могло быть и речи.

За несколько недель до первенства командование организовало подготовительные курсы для спортсменов, а техническое руководство возглавил Клумберг. Я также попал на эти курсы. Через несколько дней острая боль вынудила меня прервать тренировки, и врач, обследовав мою ногу, запретил участвовать в соревнованиях и прописал мне курс лечения на курорте. Узнав об этом, руководство все-таки, уговорило меня поехать на соревнования и обещало потом послать на лечение. Я согласился.

Первенство армии состоялось в Познани 12—15 августа. Я стартовал в кроссе на 3000 м и беге на 5000 м. Недостаточная тренировка, боль в ноге, страх перед поражением, конечно, дали себя знать. В беге на

3000 м, почти не имея соперников, с трудом пришел к финишу третьим, а в беге на 5000 м через несколько кругов вообще сошел с дорожки.

Мне было неприятно, что я подвел товарищей, и единственное утешение заключалось в том, что наша команда все-таки победила.

Из Познани вместо курорта поехал в Варшаву, чтобы начать лечение сначала. Нога снова опухла. Я не мог позволить себе не только тренировки, но даже массаж. Снова последовали компрессы и прогревания.

Я объясняюсь жестами с Нурми

В это время не только любители легкой атлетики, но и вся Варшава была наэлектризована известием о приезде в столицу Пааво Нурми, лучшего бегуна всех времен. Нурми должен бежать вместе с Петкевичем на 3000 м и на 4 мили. Забыв о ноге, о массажах и даже о сожалении, что не смогу встретиться с Нурми на беговой дорожке, я помчался первым делом в гостиницу, где остановился великий бегуну, чтобы засвидетельствовать ему свое уважение. Я увидел его тогда впервые в жизни. И совсем не таким, каким представлял себе по фотографиям и статьям в журналах.

В комнате застал его одного. К сожалению, переводчика не было, и нам пришлось объясняться жестами. Было необыкновенно приятно, что Нурми, увидев мою визитную карточку, улыбнулся, дружески кивнул головой и дал понять, что знает меня. Пробыв пятнадцать минут с Нурми, я вышел из гостиницы переполненный счастьем. В этот же день после обеда Нурми участвовал в забеге. Я, конечно, в числе первых болельщиков пришел на стадион. Трудно описать мои переживания. Я не видел толпы, не слышал урагана приветствий, перед моими глазами был только Нурми. Он один заполнил для меня весь стадион. Казалось, что не Петкевич, а я бегу с Нурми. Я нервничал, уставал, потел и чувствовал себя так, словно пробежал по крайней мере десять километров. Совершенно неожиданно бег выиграл Петкевич с временем 8.54,0. Как же я жалел, что не смог выступить в том забеге!

На другой день состоялись состязания на 4 мили. Но сил пойти на стадион у меня уже не было. Все было отдано драматическим событиям первого дня. Во всяком случае, я убедился, что надо как можно скорее начинать тренироваться, чтобы когда-нибудь встретиться с Нурми на беговой дорожке и не осрамиться.

Прошло еще две недели. Мое самочувствие настолько улучшилось, что даже врач позволил возобновить тренировки. Я горячо взялся за работу и стал готовиться к кроссу на первенство Польши, которое намечалось на октябрь в Крулевской Гуте.

За неделю до первенства Польши Петкевич выехал в Париж по приглашению Французского союза легкой атлетики. Там он выиграл бег на 5000 м, затем прибыл в Прагу, где бег на 3000 м проиграл Кошчаку. Может показаться странным, но Кошчак никогда не мог выиграть у меня, а Петкевича как будто преследовал рок. Встречаясь с Кошчаком, он неизменно терпел поражение.

Пришел день отъезда в Крулевскую Гуту. Петкевич, Сарнацкий, Мильч, Пухальский, Кава, Орловский и я прибыли туда за день до соревнований. Когда утром следующего дня я на машине проехал по маршруту бега, решил во что бы то ни стало победить.

На старт кросса вышли 400 спортсменов. Чувствовал я себя прекрасно, надеялся сразу развить высокий темп и возглавить бег.

Пробежав круг, мы втроем отрываемся от всех остальных, а через некоторое время отстает и Сарнацкий. Петкевич буквально наступает мне на пятки. Несколько кругов ситуация не меняется, но мы с Петкевичем все дальше и дальше отрываемся от остальных. Я стараюсь не пропустить Петкевича вперед и даже вырываюсь на десять метров. Все идет к тому, что бег я должен выиграть. Довольно мягкая дорожка забирает меньше энергии, чем я предполагал. Почти не устав, я вбегаю на стадион, а сразу же за мной появляется и Петкевич. Осталось 700 м до финиша. Оказавшись на твердом грунте, я делаю отчаянный рывок и метров на двадцать впереди Петкевича выхожу на прямую.

Я уже совершенно уверен, что победа за мной, но эта-то уверенность меня и погубила. Я слегка сбавил темп, и Петкевич, прекрасный тактик, очевидно почувствовав, что я немного сдал, сделал внезапный рывок, обошел меня и помчался дальше. Ошеломленный всем этим — а это длилось лишь несколько секунд,— я замешкался и не принял вызова. Пришлось капитулировать.

Несмотря на поражение, я не чувствовал себя побежденным. Всему виной была плохая тактика на самых последних метрах. Но я нашел наконец и слабую струнку Петкевича. Оружием против него был изнуряющий темп во время бега. Позже я убедился в своей правоте, потому что был выносливее Петкевича и предложенный мною темп давался ему с трудом.

Вернувшись из Крулевской Гуты, я решил провести весь зимний сезон в Центре физвоспитания, так как предыдущий сезон у меня практически пропал из-за болезни. Хорошая зимняя подготовка, как известно, является гарантией успехов в летнем легкоатлетическом сезоне. Местом тренировок я выбрал варшавский парк Лазенки. Одетый в теплый свитер, я тренировался сначала дважды в неделю, потом чаще, и наконец, не проходило и дня без тренировки на свежем воздухе.

Когда Клумберг приехал в Варшаву, он стал руководить моими занятиями. Правда, он не рекомендовал вести напряженные тренировки в столь позднюю пору, но, несмотря на его предостережения, и в дождь и снег я пробегал свою норму.

Товарищи по клубу, видя мои упорные тренировки, попросили меня разрешить им присоединиться ко мне. Я поначалу не согласился. Я уже говорил, почему лучше тренироваться одному, но мои коллеги, вооружившись поддержкой Клумберга, настаивали, и им удалось убедить меня проводить совместные тренировки, в которых легче будет увидеть достигнутые результаты. Вместе с Клумбергом и несколькими бегунами мы отправились на тренировку, и что же получилось? По дороге я всех потерял и долгое время никого не мог найти. Но это даже было мне на руку. С того момента никто уже не настаивал на совместных тренировках. В то же время Жубер, мой товарищ по клубу, выхлопотал право тренироваться на ипподроме, куда я и перешел, как только сошел снег. В Лазенках весной нечего было делать.

Так прошли декабрь и январь. Я все время ждал, когда же наконец расступятся тучи, выглянет солнце и беговая дорожка окончательно подсохнет. Клумберг несколько раз проверял меня на тренировке и был мною доволен. У меня были тоже самые радужные надежды на будущее.

Галоп на беговой дорожке ипподрома

Кажется, впервые за долгие годы монотонная зима в Польше была прервана легкоатлетическими соревнованиями на высоком уровне в крытом зале в Пшемысле.

Они проводились по инициативе моего бывшего командира, капитана Гросса, который несколько недель назад стал комендантом Центра физического воспитания в Пшемысле.

Я выступил в Пшемысле на двух дистанциях и обе выиграл. В беге на 1500 м я показал 4.24,0, а на 3000 м — 9.33,0. По этим результатам можно было понять, что до моей прежней боевой формы уже недалеко.

Соревнования зимой очень полезны, потому что в легкой атлетике недостаточно одних только тренировок. Спортсмен, который тренируется несколько месяцев и не имеет возможности ни разу воочию убедиться в достигнутом, легко может проиграть более слабым соперникам, но тем, которые лучше владеют собой. Тренировка дает выносливость и физическую подготовку, а частые старты закаляют нервную систему.

Весна 1930 года застает меня в полной форме. Чувствую себя прекрасно и стараюсь повысить свои результаты, бегая кроссы. Как только я узнаю о каких-нибудь предстоящих соревнованиях, всегда стремлюсь в них участвовать.

Когда Варшавский окружной союз легкоатлетов организовал кросс, я записался одним из первых и выиграл у Пухальского и Новацкого. Затем поехал в Катовицы, где тоже принял участие в кроссе на 5000 м.

Я пришел тогда к финишу первым, опередив 400 спортсменов, к тому же довольно свежим. Даже самого удивило такое везение.

Вернувшись из Катовиц, продолжаю усиленно тренироваться. На ипподроме бегаю кроссы, бег на ровной местности провожу в Агриколе. Мне кажется, каждый стайер должен бегать кроссы круглый год, причем зимой на неровной местности, с пригорками, что вырабатывает выносливость, а летом по возможности на ровной поверхности. И тогда, если одновременно развивается быстрота на беговой дорожке, каждый может держаться в форме. Летней порой тренировка на пересеченной местности, по моему мнению, недопустима, так как из-за повышенной температуры быстро приходит усталость, мышцы выходят из строя и слабеют.

Обычно я тренировался на ипподроме дважды в неделю. На беговой дорожке в Агриколе ежедневно, а когда подошла пора больших соревнований — два раза в день. Мои частые посещения ипподрома стали притчей во языцех. Надо мной посмеивались и часто спрашивали:

— Ну что, пан Януш, можно на вас сегодня поставить?

Я же, во всяком случае, был благодарен конноспортивному обществу за то, что мне предоставили возможность тренироваться на территории ипподрома.

Тренировки на беговой дорожке позволили улучшить мою форму и стиль. Жубер присутствовал на всех моих тренировках, наблюдал за мной и указывал на ошибки. Ведь сам спортсмен не может увидеть в действии свой стиль!

В основном я работал над удлинением шага и скоростью. И никогда не забывал, что Петкевич пока быстрее меня и что кроме выносливости мне необходима скорость. Окрыленный первыми победами в кроссах, я без усталости работал, довольно часто встречал Петкевича, но ни он, ни я не помышляли о совместной тренировке. Я по-прежнему тренировался в одиночку. Петкевич же считал, что нужно тренироваться в коллективе. Тихая борьба, которая велась между нами, превратилась в открытую войну.

Победа и поражение

Я готовился, к первому большому наступлению в предстоящем легкоатлетическом сезоне — национальному кроссу. Мы должны были встретиться с Петкевичем, а заветной моей мечтой было показать ему свое превосходство над ним в спорте. С каждым годом интерес к этим соревнованиям возрастал, и уже в 1929 году они стали самыми популярными в Польше.

Мне рассказали, что болельщики разделились, на два лагеря. Одни считали, что победит Петкевич, другие выбрали меня. Насколько я знаю, заключались даже высокие денежные пари.

Наконец пришел давно ожидаемым всеми день старта пятого национального кросса. С утра меня преследовали мелкие неудачи. Когда в 11 часов я пришел на станцию в Ожаруве, чтобы поехать в Варшаву, сообщили, что товарный поезд сошел с рельсов и на несколько часов связь с Варшавой прервана. В первый момент я даже растерялся, потому что рассчитывал заехать в Центр физического воспитания и забрать необходимые вещи.

Что делать? В растерянности стоял я на перроне. Рассчитывать на то, что до 2 часов ликвидируют последствия аварии, не приходилось. А поблизости не было видно ни одной машины. Расстроенный и злой, я возвращался домой, решив, что мне не суждено принять участие в забеге, но по дороге на шоссе встретил машину, направляющуюся в Варшаву.

Радости моей не было границ. Выйдя на середину шоссе, стал голосовать и остановил машину, но она была занята. Сидевшие в машине не скрывали недовольства задержкой в пути, но я объяснил ситуацию и уговорил их войти в мое положение. Через несколько секунд я уже втискивался на заднее сиденье.

Спустя полчаса мы приехали в город. Я поблагодарил моих спасителей, пересел в такси и отправился в Центр. Вскоре приехал на аэродром, где должны были состояться соревнования. И снова неприятность: вещи, которые я не хотел брать в Ожаруве, должен был принести Жубер, а тут, смотрю, ни его, ни вещей нет. Председатель клуба отругал меня за опоздание. Нервы были накалены до предела.

Несмотря на все старания, найти Жубера было невозможно. Ни дома, ни в клубе его не оказалось. Снова надо мной нависла тень поражения. Наконец, в самый последний момент, Жубер появился. Ну и попало же ему от меня! Что есть духу бегу в раздевалку, переодеваюсь и в последний момент становлюсь на старт. А здесь уже собралась солидная компания бегунов, свыше 200 человек, с лучшими стайерами во главе.

Надо признаться, что о тактике бега я тогда вовсе не думал. Решил развить предельную скорость и таким образом победить Петкевича. Рисковать на последних метрах было страшновато. Я верил, что если побегу в очень быстром темпе, то выиграю. У меня было много

шансов победить, потому что маршрут кросса был много раз мною опробован.

После выстрела стартера все сорвались с места, и я сразу же вырвался вперед, развивая невероятный темп (мои коллеги заметили по секундомеру, как я первый километр по траве и неровной местности пробежал меньше чем за 3 минуты). Я был готов ко всему и решил лучше загнать себя до смерти, чем позволить выиграть Петкевичу.

Через несколько сотен метров все остались позади. Петкевич же, как всегда, бежал вплотную за мной, почти наступая на пятки. Так я пробежал три километра, все время слыша за собой учащенное дыхание соперника. Наступил решающий момент. Я начинаю главную атаку, еще больше форсирую темп, который и так уже достаточно высок. Я выиграл еще несколько десятков метров и, оглянувшись, увидел, что Петкевич споткнулся, перескакивая через ров. Понял, это признак того, что он выдыхая и я — хозяин положения.

Помня о своем последнем поражении из-за легкомысленного отношения к противнику, я ни на минуту не замедляю бега. После 6000 м Петкевич заметно отстал. Последний километр я пробегаю медленнее, чем предыдущие, но и Петкевич вынужден слегка снизить темп. В результате я прихожу первым к финишной ленточке. Мое время — 24.24,0, и почти 100 м выиграно у Петкевича, 500 м — у Саварина и Новацкого.

Этот бег убедил меня, что в спорте, как и вообще в жизни, все преходяще. Когда в прошлом году в таком же забеге я занял третье место, а Петкевич победил, никто на меня не обращал внимания. Все превозносили Петкевича. Сегодня мы поменялись ролями. Петкевич был забыт, а я стал героем дня. Конечно, с одной стороны, признание радует, быть в центре внимания приятно, но вот такие «забытые» спортсмены нередко утрачивают желание работать и рано уходят из спорта.

Та победа была действительно очень важна для меня. Постоянно участвуя в этих кроссах, я с девятого места переместился на первое. А легкоатлетический сезон был в полном разгаре. Кроссы заменили состязания на беговой дорожке. «Варшавянка» в мае устроила два серьезных легкоатлетических мероприятия. Сначала мы поехали с «Вартой» в Познань, а потом состоялись соревнования в Варшаве с участием Кошчака. Приехав в Познань, я узнал, что должен участвовать в забеге на 1500 и 5000 м со спортсменами «Варты». Петкевич вне конкурса побежит с Кошчаком на три километра. Это была возможность для него взять реванш за поражение в Праге.

Бег, как мы и ожидали, выиграл Петкевич. У него было колоссальное преимущество над Кошчаком, но Петкевич даже не воспользовался им. Думаю, он боялся разыграть бег на время и лишь на последнем кругу показал свой знаменитый финиш. Его время — 9.00,6. Я же, не имея сильных соперников, выиграл обе дистанции.

Стоит вспомнить об одном эпизоде после соревнований в Познани. Перед отъездом всей компанией мы зашли в небольшое кафе, чтобы выпить по рюмке вина и таким образом скоротать время до отхода поезда.

Товарищи стали уговаривать меня и Петкевича помириться (мы даже не разговаривали и не здоровались). Мы подали друг другу руки, но я заранее знал, что это рукопожатие не может изменить уже сложившихся неприязненных отношений.

В этот же вечер мы с Жубером уехали на соревнования в Крулевскую Гуту. Кошчак должен был туда поехать на следующий день рано утром.

В день соревнований мы встретились с Кошчаком в гостинице. Он чувствовал себя неловко. Правда, о соревнованиях мы не говорили, но по нашим взглядам можно было понять, что никто из нас не желает проигрывать. Признаюсь, прочитав интервью Кошчака с нашими журналистами, я разозлился на него за недобрые высказывания обо мне и Петкевиче и за то, что он был убежден в нашем поражении во всех трех забегах. Мне кажется, нельзя быть таким нескромным. Кроме Кошчака и меня на старт вышли Хартлик и несколько способных спортсменов из Шлёнска. В отличие от Петкевича, я решил главную ставку сделать на темп. Сразу же с места развиваю большую скорость, лидирую, и первые 800 м мы пробежали за 2.19,0. Уже после пятого круга Кошчак постепенно начинает отставать. Предложенный мною темп оказался для него непосильным. С каждым кругом расстояние между нами увеличивается, и я, почти не делая финишного рывка, заканчиваю бег за 15.30,9, на 200 м впереди Кошчака.

О том, что Кошчак не в лучшей форме, мы ничего не знали. Петкевич побаивался его и не использовал своего преимущества. Я же был посмелее, и поэтому у нас оказался такой большой разрыв.

Из Крулевской Гуты мы возвратились в Варшаву, где нас уже ждали соревнования «Варшавянки». Петкевич приехал на несколько дней раньше. Мы стартуем вместе с Земло, но ни Кошчак, ни Земло не принимались в расчет. Все внимание было сосредоточено на нас двоих; потому что это была вторая наша встреча в году. В кроссе, как вы помните, я одержал победу, и теперь на беговой дорожке вновь надо было показать, кто из нас сильнее. За несколько минут до соревнований организаторы по желанию Петкевича заменили дистанцию 5000 м на 3000 м. Это меня совсем не обрадовало, потому что Петкевич на более коротких дистанциях лучше меня, так как обладает большей скоростью. Я был расстроен, но что делать! Разогревшись, мы направились в гардероб, где массажисты занялись нашими мышцами.

У меня сложилось впечатление, что бег этот был неинтересен для многих участников, потому что настоящая борьба развернулась между мной и Петкевичем. Кошчаку было далеко до нас, и он показал себя даже слабее, чем я предполагал. Петкевич же на этот раз отличился и восхитил всех финишем, на последних трехстах метрах развив сумасшедший темп.

Я уже и раньше знал, что у Петкевича можно выиграть только соревнуясь на время. На этот раз я применил такую тактику, однако просчитался, не принял во внимание, что на трех километрах Петкевича невозможно вымотать и ослабить его финиш. На последних трехстах

метрах Петкевич обошел меня и выиграл бег за 8.35,0. Я проиграл ему пять секунд.

Что ж, это было полезным испытанием, которое могло научить, как выигрывать у хороших спортсменов. Надо стараться до последнего момента сохранять резерв сил, чтобы на финише сделать сильный рывок.

Как говорил Жубер, бег этот для меня сложился неблагоприятно. Не нужно было с самого начала предлагать высокий темп, тем более что рекорд страны на этой дистанции принадлежал мне. Надо было сберечь силы для последних метров. Однако я не терял уверенности, что мое время придет и при помощи своей тактики смогу победить Петкевича. Я продолжал усиленно работать, особенно много внимания уделял финишу. Это было нелегким делом, тем более что результатов своего труда сразу не увидишь. У Петкевича были и другие преимущества: он был почти на целую голову выше меня и, что там говорить, шаг у него тоже был гораздо длиннее моего.

Как я победил время

В июне состоялись соревнования на первенство Варшавы, где мы встретились с Петкевичем в третий раз.

Моя тренировка выглядела так. Утром после завтрака полчаса гимнастики, затем я ехал в Варшаву и в Агриколе пробежал два раза по 400 м, два — по 800 м. Сразу же после обеда шел в баню, оттуда снова в Агриколу, где пробежал в общей сложности два километра спринтом, затем двадцать минут отводилось интенсивному массажу. Как видите, тренировка была не из легких, и, как утверждал Клумберг, не всякий мог такую выдержать.

С нетерпением ждал я варшавских соревнований. Во-первых, потому, что появлялась возможность взять реванш у Петкевича за последнее поражение и найти наконец дистанцию, на которой я мог бы доказать свое превосходство над ним. Во-вторых, то первенство одновременно являлось отборочными соревнованиями к встрече Балтийских стран и к первенству Польши. Я выбрал для себя 1500 м, хотя все утверждали, что это самая для меня невыгодная дистанция.

Однако меня ожидал неприятный сюрприз: Петкевич отказался участвовать в забеге. И я в плохом настроении вышел на старт. Несмотря на то что не было достойного соперника, я решил попытаться побить рекорд Польши (4.02,0) который принадлежал Петкевичу. Сразу после выстрела стартера я возглавил бег и после двух кругов по секундомеру увидел, что могу прийти к финишу быстрее чем за 4 минуты. На дорожке борьбы, по существу, не было, все бегуны далеко отстали, и поэтому ничто меня не стимулировало. Я показал 3.59,0, почти не делая финишного рывка. Рекорд был побит, я оказался первым поляком, который пробежал 1500 м быстрее чем за 4 минуты, борясь не с соперником, что намного легче, а с временем.

Через неделю после первенства Варшавы состоялись большие легкоатлетические соревнования в честь десятилетия Польского союза легкой атлетики с участием финнов Ёкивирты и Киви. Я должен был бежать 1500 и 5000 м с Петкевичем и Ёкивиртой.

В первый день состоялся забег на 1500 м. Я беру на себя лидерство, но через 200 м вперед выходит Ёкивирта. Петкевич бежит третьим. Так мы миновали три круга. Вдруг, в трехстах метрах от финиша, Петкевич красивым рывком обходит меня и Ёкивирту и выигрывает несколько метров. Я не сдаюсь, вырываюсь тоже вперед, но Ёкивирта выставляет локоть и задерживает меня. Я вынужден был замедлить бег. Лишь на втором вираже мне удается опередить финна, но, к сожалению, время потеряно, и я не могу бороться с Петкевичем. К финишу я пришел вторым, с результатом 3.58,4, вслед за Петкевичем, который установил новый рекорд Польши, пробежав дистанцию за 3.57,6. Установленный мною неделю назад рекорд был улучшен на 1,4 секунды.

Екивирта не был дисквалифицирован судьейской коллегией: во-первых, был гостем, а во-вторых, и так пришел последним. Единственным утешением была победа на следующий день в беге на 5000 м.

На старт мы вышли втроем: Екивирта, Кошчак и я. Первые два километра впереди шел Екивирта. Кошчак не выдержал темпа и остался далеко позади. Все мои попытки возглавить бег оканчивались ничем. Екивирта меня не выпускал. Таким образом мы пробежали десять кругов. Видя, что темп, который предложил финн, для него слишком высок и он начинает слабеть, я резким рывком вырываюсь вперед и за 600 м до финиша провожу генеральную атаку. Бег я закончил за рекордное время — 14.59,4, опередив финна почти на 60 м. Это был мой двойной успех.

Так же как недавно на дистанции 1500 м я был первым поляком, который пробежал ее менее чем за 4 минуты, теперь я первый, кому удалось 5000 м пробежать меньше чем за 15 минут. Время 14.59,4 становится новым рекордом Польши.

Я был горд еще и потому, что мне первому удалось победить финнов на их самой любимой дистанции (до сих пор здесь доминировали финны, и никто в мире не мог с ними равняться).

Довольный своими успехами, я на время прекращаю тренировки, тем более что мне необходим отдых перед встречей трех Балтийских стран. Появилось свободное время, я стал подумывать, чем себя занять. Демобилизовавшись, я стал жить у родителей, и хотя старики трогательно обо мне заботились, я уже был в том возрасте, когда человек должен сам себя обеспечивать. Однако моим благим намерениям не суждено было сбыться. Всеобщий кризис охватил страну, и найти работу было нелегко.

Я выигрываю матч трех

Через несколько дней после этих соревнований скомплектовали команду, которая должна была отправиться на матч трех Балтийских стран. Мы выехали в Таллин. Сначала я был заявлен на 5000 и 10 000 м, но в последний момент, уже на месте, так сложилось, что мне пришлось стартовать в четырех номерах программы — еще на 1500 и 800 м.

Признаюсь, из Варшавы мы выезжали в не очень хорошем настроении. В нашей команде не было таких асов, как Костшевский, Новак, Баран, Жубер, поехало всего 15 человек, а нам нужно было противостоять 19 латышам и 20 эстонцам.

Путешествие продолжалось 36 часов. Счастье, что мы ехали в спальных вагонах и хоть немного отдохнули в поезде.

Соревнований начались торжеством в честь десятилетия образования Эстонского союза легкоатлетов. Уровень соревнований был гораздо выше, чем обычно.

В первый день я стартовал на 800 и 5000 м. Оба забега выиграл. Первый за 1.57,1 у Тисфельда (Эстония), во втором взял реванш у Бельдсинского (Эстония), обойдя его почти на 70 м. Мое время — 15.28,2.

После первого дня соревнований вела Эстония, на втором месте оказалась Польша.

На следующий день руководители нашей команды обратились ко мне с просьбой участвовать в беге на 1500 м, так как от этого зависел общий результат встречи. Я согласился и выиграл забег, показав хорошее время — 4.02,7 и обойдя латыша Койду. На первых кругах все шло к тому, что побью рекорд, но было опасно перенапрягаться, потому что мне еще предстоял бег на 10 000 м. Поэтому, когда уже не оставалось сомнений в победе, я слегка замедлил темп, но все равно пришел первым.

Менее чем через час начались самые трудные соревнования: забег на 10 000 м. И хотя я чувствовал усталость, все же постарался не допустить отрыва Бельдсинского и Пуке. После пяти километров мне удалось возглавить бег, а на седьмом километре Бельдсинский предпринял попытку обойти меня. Желание выиграть побеждает усталые мышцы. Я не позволяю обойти себя, еще больше удаляюсь от него, и непонятно, откуда взялись силы, но прихожу к финишу первым за 32.58,0. Своими результатами на этот раз я был доволен, как никогда, хотя общая ситуация выглядела отнюдь не утешительно. У нас было равное количество очков с эстонцами, и в последнем виде программы — прыжках с шестом — должен был решиться исход встречи. Но неудачи преследовали нас и здесь: Майтковский и Адамчик отпали после первых попыток. Остался прыжок Таммана. Взволнованные, смотрели мы вместе с восемью тысячами эстонских зрителей на эстонца. Наконец Тамман совершил вроде бы неплохой прыжок, но в самый последний момент слегка коснулся планки, и она упала.

Ура! Мы победили! При окончательном подсчете у нас одинаковое с эстонцами количество очков, но по количеству занятых первых мест мы вышли вперед.

Через несколько дней после возвращения в Варшаву мне попал в руки журнал «Стадион», который в отчете об этом матче писал так: «Наши спортсмены показали себя очень хорошо. Никто не подвел команду. Лучше всех проявил себя неутомимый Кусочинский, получивший титул, лучшего спортсмена матча. В течение двух дней завоевано 24 очка. Такой рекорд мог поставить только Нурми. У Бельдсинского был взят реванш. Можно смело сказать, что матч выиграл Кусочинский».

Мои успехи на родине и за границей настолько заинтересовали спортивные союзы в Европе, что в течение одной недели мы с Петкевичем получили приглашения из Брюсселя, Стокгольма, Брно, Амстердама и Лондона. К сожалению, Польский союз легкой атлетики вынужден был отказаться от этих приглашений из-за отсутствия времени, выбрав только Лондон. Мы уже давно договорились с англичанами об участии наших спортсменов в соревнованиях на открытом первенстве Англии. Сразу же после командного первенства Варшавы мы выезжаем в Лондон.

Это было мое первое путешествие на корабле. Меня ждала туманная Англия, родина любительского спорта. Однако уже первые минуты на английской земле разочаровали. Никто не пришел нас встретить, знакомых в Лондоне не было, поэтому пришлось затратить много времени и усилий, чтобы найти польского консула и с его помощью разыскать Английский союз легкоатлетов, где мы сообщили о своем приезде.

В первый день в предварительных соревнованиях мы стартуем на 1 милю. Участников было много, и нас разбили на три группы. Петкевич приходит третьим, я выигрываю забег у англичанина Томаса с 4.20,8. На следующий день я совершаю две ошибки. Из-за старта на 4 мили я отказался от финального розыгрыша в беге на 1 милю. Кроме того, впервые выступая на стадионе, где собралось десятки тысяч зрителей, я совершенно потерял голову.

На старте выстроились девять спортсменов с Виртаненом во главе. Еще ничего не зная о соперниках, я решил применить свою обычную тактику: постараться предложить высокий темп, возглавить бег и добиться таким образом победы. Однако из-за нервного напряжения я неправильно рассчитал силы, и мое же оружие обратилось против меня.

Тринадцать кругов я боролся с Виртаненом за лидерство. Уже после третьего круга заметил, что Виртанен применяет мою же тактику. Как я ни пытался вырваться вперед на прямой, ничего не получалось. На вираже Виртанен выходил вперед. Я потерял уверенность в своих силах. Представьте себе спортсмена, настроенного во что бы то ни стало победить, но совершающего одну ошибку за другой. Он чувствует, что ничего не может сделать, теряется и, естественно, терпит поражение. Если бы не боязнь опозориться перед публикой, я бы сошел с дорожки!

Все это продолжалось несколько секунд, но и их было достаточно, чтобы потерять всякую надежду на первое место. Все-таки я взял себя в руки и не сошел с дистанции. Я постарался повысить темп, но тут снова неудача! На последнем кругу англичане догоняют меня, и я почти без борьбы отдаю им второе и третье места.

Так неудачно закончились наши выступления в Англии.

Не могу забыть и о неприятностях, которые нас ждали после соревнований. В первый день, когда я выиграл забег на 1 милю, ко мне отнеслись очень тепло, можно сказать, старались предупредить каждое мое желание. Но на следующий день, когда мы с Петкевичем потерпели поражение, гостеприимство сменилось равнодушием. Никто не проводил нас на вокзал, пришлось, не зная города и английского языка, самим позаботиться о билетах в Варшаву.

Поражение в Лондоне вместо того, чтобы сблизить (я имею в виду Петкевича) нас, еще больше отдалило друг от друга. Почти не общаясь, доехали мы до Варшавы и на вокзале без прощания разошлись.

Асы сражаются в Копенгагене

Через неделю после приезда домой состоялись соревнования на первенство Польши. Я выступил в беге на 800, 1500 и 5000 м. Перед первенством я почти не тренировался, решив отдохнуть. Собственно, я и не должен был участвовать в первенстве Польши, но хотелось лишний раз помериться силами с другими спортсменами. Ведь каждый старт заставлял подтянуться и работать над улучшением своей формы!

В первый день состоялся забег на 1500 м. Петкевич, который также заявил о своем участии, вовсе не явился. Мы бежали с Менджецким, Пружковским, Сидоровичем и Стшалковским. От старта до финиша вел я за собой остальных бегунов, показав время 4.03,8.

Во второй день предстояла встреча с Петкевичем на восьмьсотметровке. Не успел я вырваться из толкучки, которая началась после выстрела стартера, как получил несколько чувствительных ударов от своих коллег и... потерял несколько метров. Этого было достаточно, чтобы выключиться из борьбы за первое место. Я пришел третьим, вторым был Машевский. Петкевич победил с временем 1.57,6.

Через полчаса состоялся бег на 5000 м. Петкевич вовсе не вышел на старт. Измученный, я, конечно, не мог разыграть бег на время, но, несмотря на это, только Кабут удержался около меня первые три километра, другие отпали. На восьмом кругу и Кабут отстал. Время мы показали не особенно хорошее: мое — 15.59,8, Мяукса — 16.20,0, Кабута — 16.43,1.

Надо было видеть тогда Клумберга. Взволнованный и злой, он подлетел ко мне и запретил две недели что-либо делать.

— Не смей и мечтать о тренировке и гимнастике. Ты совсем сошел с ума. Нормальный человек не может загонять себя до такой степени. Если хочешь, чтобы это был твой последний сезон, продолжай выступать.

Я послушался совета Клумберга, тем более что в глубине души понимал, что он прав. Две недели я отдыхал, ничего не делая.

В это время меня и Петкевича пригласили принять участие в больших международных соревнованиях в Копенгагене. Польский союз легкой атлетики согласился на наш выезд.

Я впервые видел, как вагон, в котором мы ехали, вместе с пассажирами погрузили на корабль, и так, без пересадки, мы совершили путешествие Варшава — Копенгаген.

Датский союз легкоатлетов принял нас очень гостеприимно. Нас поместили в первоклассном отеле, где предупреждалось каждое наше желание, как говорится, не было только птичьего молока.

Я должен был бежать 5000 м, а Петкевич — 2000 м. Самыми грозными моими противниками были Петерссон и Магнуссон. Как обычно, я хотел разыграть бег на темп, не зная тактики своих противников, но наш руководитель из Польского союза легкой атлетики категорически запретил

мне использовать такую тактику, а посоветовал, разыграть забег на самом финише.

Я послушался его и вышел в лидеры лишь через 3500 м, конечно ускорив темп, казавшийся мне слишком медленным. Хорошо, что я поступил так, а не иначе, потому что этим ускорением, утомил Петерссона и Магнуссона, что облегчило: борьбу на последнем круге.

Бег я закончил за 15.13,8. Если принять во внимание холодную погоду и не очень хорошую дорожку, то мой результат был вовсе неплох. Петкевич показал себя еще лучше и пробежал два километра за 5.33,8, установив, таким образом, новый рекорд Польши на этой дистанции.

После соревнований каждый из нас получил в награду за победу по кубку.

Кто кого подсиживает...

Перерыв в тренировках, который я сделал по настоянию Клумберга и врача, оказался весьма полезным. Я хорошо отдохнул, хотелось работать, тем более что приближалось важное событие: трудный матч с командой Чехословакии в Брно. Петкевич в это время уехал в Финляндию. Наши легкоатлетки во главе с Валасевич и Конопацкой отправились на соревнования в Прагу. Честно говоря, я слегка завидовал Петкевичу: ведь он поехал на родину Нурми! Моей давней мечтой было поехать в Хельсинки и помериться силами с финнами, спортсменами мирового класса.

Но и в Варшаве было много забот: варшавская «Полония» по случаю открытия своего стадиона организовала соревнования, на которые пригласила путешествующих тогда по Европе японских легкоатлетов.

На этих соревнованиях я был заявлен на 10 000 м, где должна, была произойти первая встреча с японцами. Не сумев выиграть у Петкевича, я хотел попытаться побить несколько рекордов. Я чувствовал (да и не только я), что на длинных дистанциях сильнее и выносливее его.

Начать я хотел с побития рекорда Польши на 10 000 м, установленного Петкевичем. Время Петкевича было 32.09,0. Многие меня отговаривали, потому что дорожка была отвратительной, погода — холодной и у меня было мало шансов побить рекорд. Однако я верил в свои силы, тем более что Клумберг был в то время в Варшаве и обещал мне свою помощь.

Сразу же по приезде на стадион я удивился, увидев японцев. Они оказались совсем не такими, как я их себе представлял. Думал, увижу маленьких людей, с раскосыми глазами, с желтой, как лимон, кожей, с длинными косами. Я же увидел высоких, сильных атлетов.

Погода испортилась окончательно. Было ветрено, холодно. Можно ли рассчитывать при таких условиях на высокие результаты? Перед стартом я наблюдал, как меряют беговую дорожку, и вовремя заметил, что организаторы ошиблись, считая круги. У меня уже был горький опыт в спортивной практике, когда из-за такой же небрежности не был засчитан мой рекорд.

Японцы отказываются от участия в забеге, и я стартую с Мильчем, Твадо, Адамчиком.

Клумберг стоял на старте и называл мне время кругов. Первые пять километров я пробежал прекрасно, меньше чем за 16 минут; если не снижу темпа, пробегу дистанцию за 31.30,0, и рекорд будет побит. После семи километров пришлось снизить темп: усталость и напряжение взяли свое. Уже некого было обгонять, всех спортсменов я опередил на круг и более, для меня же началась самая тяжелая борьба на последних кругах. И тут Клумбергу пришла в голову великолепная идея, за которую я ему и по сей день благодарен. Он стал называть время намного хуже, чем оно

было в действительности. Я не мог понять, что происходит, напрягал все силы и закончил бег за рекордное время — 31.39,8. Это был четвертый результат в мире.

Вот она моя коронная дистанция, а не пять километров, как до этого все утверждали! Довольный результатом, я расцеловал Клумберга, прекрасно понимая, что львиная доля успеха принадлежит ему.

Соревнования, о которых я говорю, являлись одновременно и отборочными к встрече с Чехословакией в Брно, которая состоялась в первой половине сентября. Наша команда, выехавшая в Брно, была ослаблена отсутствием Костшевского, Трояновского и Барана. По предварительным подсчетам было ясно, что на этот раз чехи завоюют почетный кубок, тем более что против нас Чехословацкий союз легкой атлетики выставил лучшую двадцатку легкоатлетов во главе с Энгелем, Княиницким, Дудой и Хмеликом.

Я приехал в Брно вместе с Петкевичем на день позже всей нашей команды, прямо к открытию соревнований. Ехали мы с комфортом и поэтому совершенно не устали.

Я участвовал в двух видах: в беге на 1500 и 5000 м, Петкевич после долгих уговоров согласился выступить в трех видах программы: на 800, 1500 и 5000 м.

Первый день соревнований прошел для нас неудачно. У бегунов Чехословакии было огромное преимущество. Одним из последних видов программы первого дня был бег на 1500 м, в котором выступили мы с Петкевичем. Сразу же со старта я стал лидировать. Петкевич бежит третьим. После первого круга Петкевич меня догоняет, и мы вдвоем отрываемся от соперников. За 250 м до финиша Петкевич вырывается вперед, обходит меня и первым рвет финишную ленту, показав 3.58,0. Мое время — 3.59,2, чехословацкие бегуны остались метрах в семидесяти позади.

После первого дня соревнований никто из нас, казалось бы, не надеялся выиграть встречу. Мы мечтали хотя бы проиграть с минимальным разрывом. А счет был 45 : 33 в пользу Чехословакии!

Во второй день Петкевич совершил, по моему мнению, принципиальную ошибку, которая потом отразилась на всей его спортивной карьере. Он должен был стартовать на 800 и 5000 м. До сих пор не могу понять, зачем ему захотелось идти на побитие рекорда Польши в беге на 800 м! Петкевич не побил рекорда, устал, а впереди — трудный забег на 5000 м. Он пытался отказаться от этой дистанции, говоря, что срочно должен вернуться в Варшаву, но потом по просьбе Знайдовского, нашего руководителя, все же согласился выйти на старт. Я тоже спешил в Варшаву, но нам пообещали после соревнований машину, чтобы успеть на поезд, который приблизительно через полчаса после бега на 5000 м уходил в Варшаву.

Мне хотелось взять реванш у Петкевича за вчерашнее поражение. Как я и задумал, сразу же вырываюсь вперед и предлагаю высокий темп. Петкевич бежит сначала третьим, через два круга становится четвертым и

вместе с Кошчаком и Слезачком остается сзади. Заметив, что Петкевич и чехи отстали, я еще больше ускоряю бег и вдруг через три круга с удивлением замечаю, что Петкевич сошел с дорожки. А Кошчак и Слезачек для меня совершенно неопасны.

Шенайх, который сообщал мне время, первым заметил, что Петкевич сошел с дистанции. Потом я видел, как они пошли на стадион, быстро сели в автомобиль и уехали. Гнев переполнял меня: ведь у нас же была договоренность поехать на вокзал вместе! Но ничего не поделаешь. Почти семь кругов я бегу вслепую, никто не называет мне время. Чехи по-прежнему остаются далеко позади, и только за два круга до конца бега один из чехословацких спортсменов взял секундомер и стал называть мне время, но, к сожалению, было уже поздно. Если бы они спохватились раньше, я бы пробежал дистанцию меньше чем за 15 минут. А так мое время — 15.04,8, то есть на две секунды хуже рекорда Польши, принадлежавшего Петкевичу. Вторым к финишу приходит Кошчак с временем 15.51,4.

Дома разразился скандал. Наши руководители осудили Петкевича за его поведение в Брно. Невольно я стал виновником скандала, потому что все же успел на поезд, в котором ехали Шенайх и Петкевич. Петкевича дисквалифицировали на шесть месяцев. Он пытался оправдаться, объясняя, что плохо себя чувствовал, очень спешил, но это не было принято во внимание,— правда, позже срок его дисквалификации сократили до 15 февраля 1931 года.

Чары легенды Нурми

Я решил закончить легкоатлетический сезон чуть раньше, не участвовать в соревнованиях, несколько недель отдохнуть и подготовиться к зимней тренировке, чтобы затем в полной форме встретить следующий сезон. Но отдыхать было не суждено. Через несколько дней варшавская «Легия» устраивает большие международные соревнования, в которых заявлены король беговой дорожки Пааво Нурми, а также шведские бегуны Петерссон и Крафт, чехи Энгель и Доуда. Какой же тут отдых! Наконец исполнялась мечта потягаться силами с самим Нурми! Конечно, о победе я тогда еще и не мечтал.

В первый день состоялся бег на 5000 м, в котором участвовали Нурми, Петкевич и я. Меня интересовал только Петкевич. О том, чтобы обойти Нурми, не было и речи. На старт я вышел относительно спокойно, относительно потому, что сердце мое билось от радости. Ведь я бегу с Нурми! Публика, заполнившая стадион до отказа, приветствовала нас бурными аплодисментами. Сразу же со старта я бросаюсь вперед, чтобы после 600 м уступить лидерство Нурми. Петкевич оказывается на втором месте. Так мы пробегаем пять кругов.

Внезапно Нурми атакует Петкевича и сразу же опережает его метров на десять. Петкевич выдохся и не может принять вызов, я же обхожу его и принимаю предложенный Нурми темп. Три круга я пытаюсь нагнать эти «несчастные» десять метров, на десятом круге выхожу вперед, но не для того, чтобы атаковать Нурми, а чтобы как можно дальше оставить позади Петкевича, ускорить темп и улучшить рекорд Польши. Нурми легко выдерживает мою атаку, Петкевич уже не играет никакой роли в беге. В пятистах метрах от финишной ленточки я начинаю рывок. Остается двести метров. Я все еще впереди. Нурми легко обходит меня и заканчивает бег за 14.54,0. Мое время 14.55,6. Петкевич пришел на 25 секунд позже.

Позднее, анализируя этот бег, я понял, что проиграл на последних двухстах метрах. Великий финн как будто меня загнипотизировал, его имя и легенда, связанная с ним, так повлияли на меня, что вместо того, чтобы бороться до конца, я капитулировал.

Но было очень радостно, что одержана внушительная победа над давним соперником Петкевичем, и не на последних метрах, а в открытой борьбе, почти в самом начале бега. Удовлетворение принесло и то, что улучшен рекорд Польши, больше того, были моменты, когда у меня теплилась, хоть и слабая, надежда победить Нурми. Через переводчика он поздравил меня со вторым местом и предсказал большое будущее.

На следующий день состоялся забег на 1500 м, в котором Петкевич победил шведа Крафта. В третий день соревнований снова в беге на 5000 м кроме Саварина, Пухальского и меня участвовал швед Петерссон. Он специально приехал в Варшаву, чтобы взять реванш за поражение, понесенное им в беге со мной в Копенгагене.

Как всегда, я вырвался со старта вперед, Петерссон, однако, выдержал мой маневр и бежал почти наступая мне на пятки. Саварин и Пухальский остались сзади, и после седьмого круга мы обошли их на целый круг. Видя, что швед выдерживает мой темп, я начинаю уже на последнем круге финишное ускорение, желая оторваться от него. Однако Петерссон не отстает, тоже делает рывок, и только у самой финишной ленточки я обхожу его. Мое время 15.03,4, время Петерссона — 15.06,6.

После короткого отдыха я начал зимнюю подготовку, чтобы в будущем сезоне, который обещал быть очень интересным, показать еще лучшие результаты. Уже с декабря начинаю по своей старой схеме совершать кроссы в парке Лазенки. Клумберг советовал не бегать, а проделывать длинные переходы, но я не согласился, считая, что не приспособлен к ходьбе из-за невысокого роста.

Сначала я тренируюсь три раза в неделю, от 20 до 30 минут, постепенно тренировки становятся все интенсивнее, и уже в январе перехожу на ежедневные пробежки, в основном на скорость.

Январь был самым напряженным месяцем зимней подготовки. Ни дождь, ни снег, ни ветер не могли меня остановить. Одетый в несколько свитеров, я бежал в Лазенках или на Вилянковском шоссе. Встречая меня на дорожках парка, прохожие посмеивались, а иногда даже кричали: «Сумасшедший!» Сейчас все изменилось. Когда меня видят бегущим, я слышу почтительный шепот: «Смотри, смотри! Кусый тренируется».

Несмотря на напряженную тренировку, я не забывал и о развлечениях, много танцевал, утешаясь, что танцы тоже своего рода тренировка.

Приблизительно в это же время началась кампания по рекламированию сахара. «Сахар укрепляет здоровье!» — это стало лозунгом дня, такую надпись можно было встретить почти везде. Я не имел ничего против, потому что люблю сладкое, но господа, которые занимались рекламой, использовали мое имя. Как-то по просьбе одного господина — не помню сейчас его имени — я написал: «Сахар и массаж — секрет моих спортивных достижений». Я тогда еще не знал, что эти несколько слов используют в рекламных целях, станут повторять на страницах журналов и газет. Появилось много фотографий, а из журналов я с удивлением узнал, что только потому обретаю хорошую спортивную форму, что употребляю в пищу много сахара. Конечно, это совершенно не соответствовало действительности. Я считаю, что неумеренное употребление сладкого вызывает жажду, поднимает температуру, а это очень вредно для бегунов.

Мало того, через несколько дней в продаже появились открытки с моей физиономией и факсимиле, пропагандирующие сахар. У публики могло возникнуть подозрение, что я получаю какие-то материальные блага от рекламной кампании, и все могло кончиться скандалом и дисквалификацией. Мое вмешательство ни к чему не привело, и лишь энергичные меры, предпринятые Союзом, помогли привести в чувство зарвавшихся бизнесменов.

Как я уже говорил, зимнюю подготовку хотелось провести как можно интенсивнее и использовать каждую минуту, чтобы не потерять форму. В январе стало известно, что 2 февраля в Пшемысле состоятся неофициальные зимние соревнования по легкой атлетике, на которые пригласили меня и Петкевича.

Соревнования эти, как и прошлогодние, должны были определить степень готовности польских спортсменов к предстоящему летнему сезону. Я бегу на 1500 м и показываю довольно хорошее время (4.19,7), если принять во внимание слишком маленькие круги и плохую дорожку.

Самой интересной тогда была эстафета 3 по 1000 м. Так как Петкевич не участвовал в этих состязаниях, я попросил Немца из «Краковии» помочь нам и бежать вместо него.

Основная борьба проходила между АЗС (*АЗС — Студенческий спортивный союз Польши.— Прим. ред.*) и нами. Не знаю почему, но всеобщим фаворитом была команда АЗС, а я решил ни за что не сдаваться. Первыми пошли Немец и Миллер из АЗС. На первых метрах Миллер вырывается вперед и обходит Немца почти на 80 м. Плохо наше дело. Жубер, который бежит вторым от нашей команды, делает все возможное, чтобы пройти не хуже Хольфайера. Ему это удается, и он даже отыгрывает около десяти метров. Однако этого мало для победы. Остались только Прушковский из АЗС и я. Все уже были убеждены в победе АЗС. Прушковский, стоя около меня в ожидании эстафетной палочки, доказывал, что мы явно проиграем эстафету, и даже предложил мне пари. Я только пожал плечами.

И вот палочка у Прушковского. Когда он пробежал 70 м, Жубер подлетел ко мне и передал палочку. Прушковский развивает невероятный темп, который я спокойно выдерживаю. Но между нами оставалось все еще около 70 м. И все-таки через круг я не только догоняю Прушковского, но и перегоняю. Публика не скрывает своей радости. Не хочу хвалиться, но зрелище действительно было эффектным.

В гардеробе ко мне подошел Трояновский и умолял не издеваться над Прушковским, который, оказывается, перед бегом заявил, что если он не выиграет, то пустит себе пулю в лоб.

Приехав в Варшаву, я узнал, что с Петкевича окончательно сняли дисквалификацию и что «Варшавянка» вела переговоры с Французским союзом легкой атлетики относительно моей поездки в Париж.

...Петкевич просит о помощи

Весну 1931 года я встретил в великолепной форме. В апреле работал так напряженно, что иногда тренировался по 12 раз в неделю, оставляя для отдыха только воскресенье. Утром бегал длинные дистанции, после обеда — короткие и только на скорость. Клумберг, узнав о моем режиме, с сомнением покачал головой, считая его слишком напряженным.

Вскоре состоялся кросс, где впервые в этом году появилась возможность помериться силами с Петкевичем, что было для меня очень важно. Уже за несколько дней до соревнований спортивная Варшава горячо обсуждала будущие результаты. Даже в клубе пытались примирить меня с Петкевичем, потому что «Варшавянке» хотелось получить переходящий кубок для лучшей команды. Я же решил не идти ни на какие компромиссы.

На старте, как всегда, выстроились сотни спортсменов с асами легкой атлетики во главе. После выстрела стартера я начинаю пробиваться вперед, стараясь оторваться от Петкевича. Трасса довольно тяжелая. Пробегая около стадиона «Варшавянки», впервые замечая, что Петкевич не в состоянии выдержать предложенный мною темп и может «слопаться». Я-то понимал, что это значит...

Я не поверил своим ушам, когда услышал голос Петкевича, просившего снизить темп и бежать рядом. В первый момент это ошеломило, я не знал, сердиться или пойти на уступки, вспомнил, как однажды сам обратился к Петкевичу с подобной просьбой, но вместо того, чтобы пойти мне навстречу, он еще больше ускорил темп. Что делать? Поколебавшись, я все-таки замедлил темп. Три километра мы бежали плечом к плечу. Пухальский, воспользовавшись заминкой, стал догонять нас, и бег пришлось ускорить. Четыре километра я бегу один, выигрываю, оставив своих противников далеко позади. Петкевич пришел вторым, отстав на 300 м.

Думаю, что если бы тогда я не помог Петкевичу, он сошел бы с дорожки. Петкевич, к моему удивлению, был в плохой форме.

В стране тысячи озер

Время от времени посещая мои тренировки, Клумберг уже не скрывает, что доволен моими успехами. Когда один из моих коллег спросил его мнение обо мне, Клумберг ответил:

— За него я спокоен, считаю даже, что во многом он перерос меня. Что же касается моих замечаний, то они в основном касаются технических ошибок, которые у него пока, к сожалению, встречаются.

Я по-прежнему живу у родителей, которым стараюсь по мере сил помогать по хозяйству. Но должен признаться, что помощь эта была небольшой, так как приходилось целыми днями торчать в Варшаве.

На футбольных полях начались игры. «Варшавянка» во время одного из таких матчей на первенство Лиги решила устроить в перерыве на беговой дорожке поединок между мною и Петкевичем на дистанции 3000 м.

За три дня до этого бега, который должен был состояться 2 июня, в Варшаву пришло приглашение Финского спортивного союза поехать на соревнования в Хельсинки и в Або. Впервые в жизни мне предоставлялась возможность поехать на родину великого Нурми и скрестить шпаги с его коллегами.

До последнего момента я не был: уверен, смогу ли поехать. Надо было сразу же после встречи с Петкевичем сесть в поезд, чтобы успеть на соревнования в Хельсинки. Польский союз легкой атлетики опасался, что я устану и потерплю поражение в Финляндии. Но мне все же удалось переубедить наших руководителей, и 2 июня, веселый и улыбающийся, я пришел на стадион «Полонию» уже готовый к отъезду.

В перерыве футбольного матча мы с Петкевичем вышли на беговую дорожку. До сих пор не могу забыть, какая жара стояла в тот день. Сразу же я рванулся вперед и возглавлял бег до последних трехсот метров. Но здесь произошла неприятность. Так как мягкая беговая дорожка «Полонии» не позволяла бежать у бровки, я шел примерно в семидесяти сантиметрах от нее. Уже на финишной прямой болельщики стали выкрикивать имя Петкевича, особенно старался его приятель Казимирский, который орал во всю глотку: «Сделай его! Не теряй времени!»

Петкевич ускоряет бег, обходит меня, но нес с правой стороны, а, нарушая правила, слева, при этом сильно толкнув меня. Я сбился с темпа. Неизвестно, чем кончился бы поединок, но я решил не прощать такого явного нарушения правил. Борьба должна быть честной. Я сошел с дорожки и заявил протест судейской коллегии.

Судьи, даже без предварительного совещания, единодушно дисквалифицировали Петкевича. У судейского стола я встретил Петкевича, который возвращался с финиша. Обиду мою трудно описать, и когда он протянул мне руку, я отвернулся.

Сейчас я понимаю, что поступил неправильно, тем более что за нами наблюдала публика, и я даже не так был обижен на Петкевича, как на Казимирского, который своими криками совершенно вывел меня из равновесия. Конечно, в такие моменты человек может забываться, и Казимирский потом даже извинялся передо мной. Но тогда не только я был возмущен, но и многие зрители» Популярный актер Дымша высочил даже на беговую дорожку, демонстрируя свою солидарность со мной.

Прямо со стадиона я отправился в Хельсинки. На следующий день в нашем консульстве узнаю, что мне предстоит забег на 5000 м. Быстро осмотрев город, в семь вечера приезжаю на стадион — за час до старта.

Кроме меня на беговой дорожке выстроились Кайла, Лоукола и Пафила. После выстрела я в умеренном темпе двинулся вперед. Первый круг прошел за 70 секунд, второй и третий — за то же время. За мною бегут в цепочку Кайла, Лоукола и Пафила. Через несколько кругов становится ясно, что за первое место я буду бороться с Кайлой. Остальные слегка отстали.

Нам очень мешал ветер, его порывы чуть не сбивали с ног. Два километра я прошел за 5.58,0, стараясь не уступать лидерства. После седьмого круга стало подозрительным, почему Кайла не атакует, а держится вплотную за мной. Я стараюсь бежать по ветру быстрее, а против ветра — медленнее, чтобы отдохнуть.

Зрители не ожидали увидеть во мне такого сильного соперника, они громкими криками подбадривают Кайлу, своего фаворита, который вскоре выходит вперед. Кайла пробегает четыре километра за 12.03,0, но больше я ему лидировать не даю. Потом, вспомнив, что надо еще сохранить силы для следующего старта в Або, я несколько снижаю скорость, но продолжаю лидировать. За 500 м до финиша начинаю рывок. Кайла принимает вызов, но уже не способен наверстать упущенное и проигрывает.

На следующий день я выезжаю в Або. Сердце бьется беспокойно. Через несколько часов я окажусь в городе, давшем миру таких выдающихся спортсменов, как Нурми и Виртанен.

Мы должны были бежать с Виртаненом на 5000 м. Я попросил организаторов сократить дистанцию до 3000 м: несмотря на хорошее самочувствие, я все-таки побаивался, что простуженные в Хельсинки мышцы перестанут меня слушаться. Но навстречу моим пожеланиям не пошли.

Утром за час до старта я приехал на стадион, который, вопреки ожиданиям, не произвел хорошего впечатления, не было даже крытых трибун. Правда, беговая дорожка оказалась великолепной, и даже мелкий дождь не сумел ее испортить.

Как назло, дул пронзительный порывистый ветер. Конечно, это не улучшало ни настроения, ни самочувствия.

По выстрелу стартера мы начинаем бег в довольно быстром темпе. Виртанен лидирует, через круг его сменяет другой финн, который старается таким образом утомить меня. После трех километров я

почувствовал боль в ногах. То, чего я больше всего опасался, случилось! Мышцы все-таки простужены. Ноги отказывают в послушании. Три километра мы пробегаем за 8.55,3.

С трудом преодолевая боль, стараюсь удержаться за Виртаненом. Так мы миновали еще два круга. Внезапно Виртанен делает сильный рывок. Отчаянным усилием я стараюсь не отстать, понимая в то же время, что не имею права рисковать и перенапрягаться. Самые печальные предчувствия оправдались, еще несколько метров мы бежим вровень, а потом ни воля, ни нервы, ни азарт уже не помогают. 4000 м Виртанен проходит за 11.53,1, а я отстал метров на тридцать. Понимая, что все равно не смогу выиграть, последний километр, можно сказать, уже не бегу, а иду. Время я показал довольно слабое — 15.17,0, у Виртанена — 14.52,8.

Печально закончилось мое первое посещение Финляндии. Правда, может быть, при хорошей погоде я показал бы лучшие результаты. И все-таки поездка для меня была очень полезной.

Приехав в Варшаву, узнаю, что через неделю должны состояться большие международные соревнования в Антверпене с участием спортсменов Польши, Англии, Италии, Германии, Франции, Голландии и Бельгии. Мы едем туда только шестером. По сравнению с другими командами наша — самая малочисленная, отчего у нас возникли дополнительные трудности. Спортсменам, например Костшевскому, приходилось выступать по три раза в день, что не могло не отразиться на результатах. Однако мы выступили в Антверпене успешно. Наша команда заняла второе место, уступив только команде Англии.

Наши конкуренты были очень сильны. Мне, единственному в команде, удалось занять первое место в беге на 5000 м и установить новый рекорд Польши — 14.55,4.

К сожалению, организаторы фиксировали время только по двум секундомерам, и поэтому мой результат нельзя было признать официальным рекордом Польши.

Наконец-то я лучше Петкевича

Первенство Польши 1931 года проходило в Крулевской Гуте.

На этих соревнованиях должен был решиться давно волновавший всех вопрос: кто из нас сильнее — Петкевич или я? Ничего удивительного, что я с трепетом в сердце ожидал состязаний.

В первый же день, когда мы бежали на 1500 м, я должен был нанести решающий удар своему многолетнему сопернику. Уже на первых кругах стало ясно, что никто из спортсменов не может с нами конкурировать. Лидируя почти все время, я развил бешеный темп, который Петкевич пока выдерживал. После третьего круга мы оторвались от остальных спортсменов более чем на 100 м. Пошел последний круг. Я знал, что Петкевич не даст победить себя темпом на такой короткой дистанции, и исход борьбы меня очень волновал. Интересно было узнать, кто же из нас сильнее в финишном рывке?

В трехстах метрах от финишной ленточки Петкевич вырвался вперед. Но я легко выдержал атаку. На следующих нескольких десятках метров я почувствовал в себе столько сил, что осмелился предпринять контратаку. Сделав резкий финишный рывок, почти упал на ленточку и закончил дистанцию за 4 минуты. Петкевич, совершенно вымотанный, отстал на несколько десятков метров.

Теперь я мог быть собой абсолютно доволен. Наконец сбылась моя мечта — я победил самого грозного соперника на финише, оказался не только выносливей, но и быстрее его.

В беге на 5000 м Петкевич не захотел принять участия. На старт вышли 10 спортсменов. Кроме меня из известных бегунов стартовали Пухальский, Хартлик, Кабут и Мяукас. После первого же круга я оторвался от всех остальных на несколько десятков метров. За мной цепочкой бегут Адамчик, Пухальский и Мяукас. Через пять кругов уже ясно, что никто из них не сможет вырвать у меня победу, поэтому я не спешил. Но все равно на десятом круге увидел, что обогнал некоторых на целый круг. Почти не делая рывка, я пересек линию финиша, показав весьма приличное время — 15.03,5.

Я не выкладывался еще и потому, что мне предстояло выступать также в эстафете 4 по 400 м. Накануне в эстафете «Варшавянка» выиграла, выйдя в финал. Мне удалось пробежать свой этап за 52,4 и завоевать таким образом своей команде третье место. Я был более чем удивлен: ведь почти не тренировался в беге на короткие дистанции!

В общем зачете победила «Варта», «Варшазянка» заняла третье место. Я с радостью убедился в том, что способен показывать хорошее время не только на длинных дистанциях.

Тем временем легкоатлетический сезон был в полном разгаре. Не проходило, пожалуй, ни одного воскресенья, чтобы в каком-нибудь крупном польском городе не устраивали соревнований. Правда, я не выступал в этих соревнованиях, а готовился к поездке на Вторые

международные игры в Пардубице. В начале сентября мы выехали в Чехословакию с Хелиашем, Новаком, Костшевским и Трояновским.

Игры вызвали большой интерес. В Пардубице прибыли лучшие легкоатлеты Европы из Бельгии, Франции, Италии, Югославии, Венгрии, Германии, Польши и Австрии. Несмотря на то, что наши спортсмены участвовали не во всех видах программы, игры прошли для нас успешно. В беге на 5000 м у меня были довольно сильные конкуренты: немецкие стайеры Петри и Коон и мой давний соперник Кошчак. Но я вышел победителем, показав 15.13,2.

Поражение в Венгрии, победа в Чехословакии

Первенство Польши и удачное выступление в Пардубице позволили судить и о неплохих моих шансах в беге на средние дистанции. Я даже решил попытаться улучшить некоторые рекорды Петкевича. Начать же хотелось с дистанции два километра.

На старт вышли Оцепка, Прушковский и я. Я договорился с Прушковским, что он подождет, пока я обойду его на круг, и таким образом «потянет» меня на дистанции. Я сразу же побежал в высоком темпе, которого Оцепка; не выдержал уже на втором круге. Через три круга я «догнал» Прушковского и финишировал с рекордным временем — 5.32,4. Итак, неофициальный рекорд Петкевича, установленный им в Копенгагене, и официальный рекорд Костшевского 5.48,0 были побиты.

В это же время почти все журналы и газеты писали о том, что в Варшаву должны приехать несколько финских легкоатлетов во главе с Нурми. Прогнозы журналистов оправдались частично. В Варшаву приехали всего два финских бегуна — Нурми и Ларва, олимпийский чемпион в беге на 1500 м в Амстердаме.

Между тем усталость давала себя знать, и я мечтал хотя бы о короткой передышке. Но разве можно было позволить даже кратковременный отдых, когда начиналась серия международных встреч! Предстояла борьба с венгерскими спортсменами в Крулевской Гуте, позже там же с чехословацкими спортсменами и через неделю в Познани с итальянцами.

Во время встречи с венграми польских спортсменов ожидал неприятный сюрприз. Мы не предполагали, что венгры выступят в столь сильном составе. Общий счет был 51 : 25, причем венгры в 13 видах программы заняли 11 первых мест, правда, польская команда установила три новых рекорда Польши: в прыжках в высоту, в эстафете 4 по 200 м и в метании копья.

На соревнованиях присутствовало более восьми тысяч зрителей. Вначале в беге на 400 м с барьерами Надьи победил Костшевского. Сразу после четырехсотметровки должен был состояться забег на 1500 м. Нас было четверо: Петкевич и я представляли польскую сторону, Говрик и Келлен — венгерскую.

После выстрела стартера вперед выходит Петкевич, через несколько десятков метров Говрик пытается его обойти, но его попытка заканчивается впустую. Петкевич прекрасно понимает, что я его основной соперник, и старается до финиша меня как можно сильнее вымотать. Два круга я не мешаю Петкевичу, чувствуя, что он не устал. Однако после восьмисот метров, когда она слегка замедлил темп, я вырываюсь и уже лидирую до конца. Основная борьба разыгралась между нами двумя. Венгерские бегуны отстали на несколько десятков метров уже на первом километре, и с каждым кругом разрыв между нами и венграми увеличивался.

Несмотря на то что я увеличил темп, Петкевич неотступно следовал за мной. В трехстах метрах от финиша он попытался атаковать меня, но я легко выдержал его натиск и победил с временем 4.02,6.

К большому огорчению, почти во всех последующих соревнованиях венгры нас побеждают. Общий счет в конце первого дня был просто катастрофическим — 37 : 17 в пользу венгерских спортсменов.

Второй день соревнований начался забегом на 5000 м, в котором кроме меня и Стшалковского участвовали Хевеле и Келлен. Уже после первых ста метров стало заметно, что соперники капитулируют перед моим темпом, отстав вместе со Стшалковским. Во время бега я заметил интересную особенность бега венгерских коллег. Они поочередно пропускали вперед друг друга, выравнивая таким образом себе темп. Увидев, что им со мной не совладать, венгерские бегуны явно решили не упускать второго и третьего мест. Такая тактика прекрасно оправдала себя. Вскоре Стшалковский отстал и уже до конца бега не играл никакой роли. А расстояние между мною и венграми все увеличивалось и на последнем круге составило уже почти двести метров. Не делая финишного рывка, я легко выиграл у Хевеле с временем 15.17,5.

В других видах программы у нас сплошные поражения. Общий счет, как я уже говорил, позорный — 51 : 25. Через неделю после встречи с венграми на этом же стадионе мы встретились с чехословацкой командой. Это была уже наша пятая традиционная встреча. Нам было очень важно выиграть ее, чтобы хоть как-то реабилитировать себя за поражение с венграми.

Ничего удивительного, что ребята прилагали все силы, стараясь показать как можно более высокие результаты. Как обычно, эстафета 4 по 400 м предрешила нашу победу. Особенно отличился Костшевский, который наверстал потерянные двумя предыдущими бегунами метры и спас почти безнадежное положение, выиграв эстафету.

Я участвовал в двух соревнованиях: в беге на 5000 и 1500 м.

Несмотря на отвратительную погоду, холод, ветер, я решил бежать в быстром темпе и еще раз доказать свое превосходство над Петкевичем. Но после нескольких кругов Петкевич сошел с дорожки, а Кошчак и Таубел остались далеко позади. Бег я закончил за рекордное время — 14.58,0, обогнав почти на целый круг Таубела и Кошчака.

Петкевич в первый же день соревнований уехал в Варшаву, сказав, что плохо себя чувствует. Его внезапный отъезд в Варшаву показался мне подозрительным. Думаю, что Петкевич сошел с дорожки из-за того, что не мог выдержать предложенного мной темпа. Мой резкий старт сразу же вымотал Петкевича, и это убило в нем желание продолжать борьбу.

Отъезд Петкевича в Варшаву поставил меня в трудное положение. Пришлось выступить и в беге на 1500 м. В забеге участвовал мой грозный соперник — Дрозда, но я все-таки решил любой ценой выиграть, тем более что к тому времени общий счет был не в нашу пользу, несмотря на прекрасные выступления Трояновского и Хелиаша.

Со старта вперед вышли чехословацкие бегуны, но уже после первого круга я вырвался вперед, обойдя Дрозду. После 1000 м ситуация изменилась. Чехи буквально наступали мне на пятки. Чтобы избежать неприятных неожиданностей на последних метрах, я начал финишный рывок в четырехстах метрах от финиша и почти целый круг неся в бешеном темпе. Мне удалось оторваться от Дрозды, и когда я разорвал ленточку, он был в нескольких метрах сзади. Мое время 4.03,0. Время это очень неплохое, тем более что накрапывал дождь, который на финише превратился в настоящий ливень.

Дальнейшие соревнования складывались для нас неудачно, но, как я уже говорил, от поражения нас спас Костшевский.

Прошла еще неделя, и в Познани состоялась встреча со сборной Италии. Мы волновались, не зная, сможем ли после поражения от венгерской команды и трудной победы над чехами достойно противостоять Италии. Мысли об этом целую неделю занимали всю спортивную Польшу. А на стадион в Познани пришло почти 10 000 человек.

В первый день мы показали себя наилучшим образом. Я снова бежал 1500 м. Петкевича на старте не было. Польский союз легкой атлетики, опасаясь, что Петкевич вновь сойдет с дорожки, выставил вместо него Сидоровича. С итальянской стороны выступали несравненный Беккали и Фурия. Конечно, имея таких знаменитых противников, ничего другого не оставалось, как разыграть бег на время. Перед стартом я заявил о желании побить рекорд Польши. Чтобы иметь больше шансов победить, я попросил Сидоровича, который не мог рассчитывать ни на второе, ни даже на третье место, бежать первый круг как можно быстрее и тогда, если итальянцы не поймут нашего маневра, оторваться от них, задавая таким образом высокий темп всей группе. Мне было бы тогда проще разыграть бег с итальянцами на финише.

Но все внимание итальянцев было устремлено на меня, и потому наш маневр не удался. Видя, что Сидорович замедлил бег, я вырвался вперед и лидировал вплоть до финиша. Я почти не надеялся победить Беккали, который в том году добился больших успехов (например, 800 м он пробежал за 1.51,0). Беккали великолепно выступал и в беге на 400 м, поэтому я его особенно опасался на последних метрах. Ведь в спринте он был сильнее!

Мы бежим с итальянцами плечо к плечу. Сидорович остался далеко и никакой роли уже не играл. Был момент, когда я, немного испугавшись итальянцев, сделал резкий рывок и прежде, чем соперникам удалось сориентироваться, вошел, в вираж, выиграв, около десяти метров. Но, прекрасно понимая, что такого темпа, мне до конца не выдержать, на самом вираже я слегка замедлил бег. Этого было достаточно, чтобы Беккали догнал меня. В шестидесяти метрах от финиша мы идем рядом. Сорок метров бежим бок о бок. Я стараюсь выиграть хотя бы несколько сантиметров, но только в двадцати метрах от финиша ситуация, для меня

становится более благоприятной. Я рву финишную ленточку, показав время 3.59,8. Время Беккали — 4 минуты.

Зрители с восторгом приняли мою победу, некоторые даже пытались перескочить через заграждения и прорваться на дорожку. Не знаю, чем бы кончилась эта- история, если бы не вмешательство полиции.

Надо ли говорить о моих чувствах! Даже в самых смелых мечтах я не надеялся на выигрыш. Эта победа явилась наградой за мою кропотливую «муравьиную» работу и стимулом к предстоящим Олимпийским играм.

На следующий день в беге на 5000 м я вместе с Мяукасом выступил против Липпи и Бера. Сразу же мне удается лидировать, отделившись на довольно большое расстояние от итальянцев и Мяукаса. Каждый круг приносит мне все большее и большее преимущество. После четвертого круга итальянцы отстали на 150 м. Мяукас бежит последним. Вот наконец и финиш. Я увеличиваю и без того высокий темп и показываю довольно хорошее время — 15.09,5, обогнав Бера и Липпи, которые пришли вместе за 15.43,1.

И, как всегда, решающим соревнованием была эстафета. Итальянцы выигрывают. Общий счет 73 : 69 в пользу Италии.

Финны разные бывают

Следующие суббота и воскресенье становятся сенсацией в спортивной жизни всей Польши. Нурми принимает участие в соревнованиях в Варшаве и в Крулевской Гуте. Ничего удивительного, что стадион «Легия» не сумел вместить всех желающих посмотреть на короля беговой дорожки. Я волновался больше всех. Стартовать с Нурми было для меня высокой честью, и конечно же, я питал надежду на то, что когда-нибудь мне удастся победить знаменитого спортсмена. Трижды мы бежали вместе с Нурми, и с каждым разом у меня было все больше и больше шансов приблизиться к великому финну. Многие утверждали, что если бы не дисквалификация (о причинах дисквалификации Нурми автор рассказывает в главе «Пааво под запретом») Нурми, которая меня, как и многих болельщиков, очень огорчила, я бы когда-нибудь смог победить великого Пааво. Когда год назад мы встретились с ним в Варшаве, он победил меня, и расстояние между нами составляло, всего несколько метров. Теперь я боролся с ним как равный с равным и проиграл Нурми только потому, что он имел больший опыт.

Не хочу сейчас анализировать ни забеги, ни свою тактику, но неизвестно, какие были бы результаты, если бы у меня не было столько советчиков и учителей, которые, перебивая друг друга, пичкали меня советами и каждый считал, что именно он-то и говорит самое разумное. Будучи, таким образом, совершенно дезориентированным и находясь под впечатлением легенды «великого Нурми», я потерял голову и применил неверную тактику.

Лучшим методом явился бы более высокий темп, и, кто знает, может быть, моя молодость смогла бы победить опытного противника... Во всяком случае, очень жаль, что я не смогу больше бегать с Нурми. И хотя сейчас меня называют его официальным преемником и мне удалось побить два его рекорда, у меня нет чувства удовлетворения и никогда его не будет, потому что я не победил Нурми в открытой борьбе, на беговой дорожке. Мой поединок с Нурми в Варшаве не был особенно интересен для восемнадцатитысячной толпы зрителей, потому что, как я уже сказал, в этом беге я выбрал очень неудачную тактику. Первые круги впереди Нурми, после двух километров я выхожу вперед, инстинктивно увеличив темп, через три километра Нурми снова впереди и не уступает лидерства почти до последних метров.

За 350 м до финиша я начинаю рывок, рассчитывая, что Нурми не сумеет выдержать мою атаку, однако ошибся. Он не только не отстает, но и бьет меня моим же оружием. Время было показано не особенно хорошее, как и всегда бывает, когда соперники рассчитывают на финишную борьбу. У Нурми — 15.09,8, у меня — 15.10,0. Нурми оказался лучшим тактиком, чем я. На следующий день я должен был бежать с Нурми и Петкевичем в Крулевской Гуте. Бег этот должен был стать сенсацией, я же поклялся любой ценой победить. Зрители толпами шли

на стадион. На трибунах обсуждались предполагаемые победители. Многие предсказывали мою победу. Я не верю в пророчества, но вера в меня явилась хорошей поддержкой. И вот мы выходим на беговую дорожку.

После выстрела стартера вперед выходит Петкевич, за ним Нурми, я иду третьим. Так мы пробегаем пять кругов, остальные спортсмены остаются далеко позади. И вдруг по причине до сих пор для меня не ясной Петкевич сходит с дорожки. Нурми сразу же увеличивает темп. Когда я увидел Петкевича, покидающего поле боя, меня охватил гнев и стыд за него. Тем более что на тех двух километрах, которые он вел, создавалось впечатление, что он боролся против нас обоих.

Я беру себя в руки, стараюсь забыть о неприятном инциденте и направить все силы на предстоящую борьбу.

Следующие круги прошли довольно монотонно. Нурми неоднократно старался склонить меня к лидерству, я не пошел на это, и финн сам решил возглавлять бег до конца. За три круга до финиша публика начинает громкими криками подбадривать меня, но шум, как ни странно, стал меня раздражать и мешать. Я поднимаю руки, прося тишины.

Почти одновременно в трехстах метрах от финиша мы начинаем рывок. Нурми всеми силами старается не дать мне вырваться вперед. На последнем вираже я предпринимаю еще одну атаку, и мы бежим несколько десятков метров плечом к плечу.

Первым финиширует Нурми, обогнав меня на грудь. Время мы показали одинаковое — 15 минут.

Разгоряченная публика долгими аплодисментами приветствует нас. Я схожу с беговой дорожки усталый и злой, хотя мог бы гордиться своими результатами.

Через несколько дней после встречи с Нурми я дважды взял реванш у его соотечественника Виртанена. Как уже говорилось, я дважды встречался с ним в прошлом году на беговой дорожке — в Лондоне и в Або — и обе встречи проиграл.

Бег на три километра состоялся на легкоатлетических соревнованиях, организованных «Варшавянкой». Кроме нас в бега приняли участие Пухальский и Адамчик, но, как это было с самого начала понятно, они не принимались в расчет.

Мой реванш оказался очень удачным, и я был тем более счастлив победой, что бег этот с точки зрения тактики был очень похож на состязание с Нурми, с той только разницей, что моя победа была безапелляционной и я значительно легче победил на финише Виртанена, чем это сделал со мной в прошлую субботу Нурми.

Со старта мы пошли в довольно быстром темпе, причем Виртанен сразу же постарался вырваться вперед, не выпуская меня вперед до последнего виража. Время от времени для того, чтобы проверить, удастся ли ему оставить меня позади, Виртанен предпринимает резкие рывки, которые я с легкостью выдерживаю. После нескольких неудачных попыток

он понял, что придется разыграть бег на финише. Так более или менее спокойно мы доходим до последних трехсот метров бега. На вираже я предпринимаю генеральную атаку, которую Виртанен не выдерживает, и первым выхожу на прямую, решительно удаляясь от противника.

Если бы не дождь, слякоть и размякшая беговая дорожка, мне наверняка удалось бы побить рекорд Петкевича. Во всяком случае, время было хорошее (8.39,6 и 8.40,0).

На следующий день в Кракове я разыграл с Виртаненом второй бег на дистанции 5000 м.

Шел проливной дождь. Со старта Виртанен вырывается вперед, предлагая очень быстрый темп, но я уже на половине второго круга обгоняю его, потому что, несмотря на отвратительную дорожку, хочу показать хорошее время и посмотреть, выдержит ли Виртанен мой темп и как он будет себя вести во время бега. Два круга Виртанен прекрасно держится и даже, желая показать, что не боится моего темпа, лидирует. Дважды перехватывая друг у друга лидерство, мы проходим четыре километра, но, судя по дыханию, мой противник сдает и явно не сможет провести хороший финишный рывок. Поэтому на предпоследнем кругу я выхожу вперед, увеличиваю темп и за двести метров начинаю рывок. Виртанен, как я и предполагал, не принимает мой вызов и остается позади, отстав на несколько десятков метров.

Виртанен — один из самых приятных финских спортсменов, джентльмен со всех точек зрения, который позволял себе критиковать соотечественников, если видел, что они поступают неправильно. Как сейчас помню, после моего проигрыша в Або он сердечно сказал, положив мне руку на плечо:

— Не огорчайтесь из-за проигрыша, вас ждет прекрасное будущее. Я думаю, что если мы еще будем с вами встречаться на беговой дорожке, вы непременно победите, и не один раз.

И действительно, его предсказания сбылись.

Мемориал Жана Буэна

После встречи с Виртаненом, пользуясь тем, что я нахожусь в прекрасной форме, в которую, между прочим, вошел благодаря частым встречам с сильными соперниками, я решил попытаться побить два рекорда Польши — на дистанциях 3000 и 1500 м.

Первая попытка мне прекрасно удается, и на беговой дорожке «Скры», где я делал свои первые шаги легкоатлета, я улучшаю рекорд Петкевича в беге на 3000 м на полторы секунды, показав 8.33,4. Штурм рекорда на 1500 м из-за дождя и сильного ветра оказался не столь удачным, хотя я показываю хорошее время — 4.00,4.

В это время Союзы легкой атлетики и футболистов Польши готовились к легкоатлетической встрече и футбольному матчу с Бельгией. Через неделю мы с футбольной командой выехали в Брюссель.

Ежегодные легкоатлетические соревнования в Брюсселе явились одной из самых интересных и приятных международных встреч. Организаторы приложили массу усилий для того, чтобы сделать наше пребывание в столице Бельгии интересным и приятным.

Когда мы ехали в Бельгию, были уверены, что не посрадим польской легкой атлетики. Единственное, что нас волновало, это результаты футбольного матча, потому что в то время наш футбол расценивался невысоко. Мы проиграли в Чехословакии и Румынии, и, конечно, очень хотелось победить бельгийских футболистов.

Первые виды соревнований проходят с преимуществом бельгийцев, но потом мы начинаем отвоевывать очко за очком, выходим вперед и не отдаем преимущества до конца встречи.

После бега на 800 м, в котором триумфально выступили Петкевич и Машевский, мы с Хартликом выходим на старт бега на 5000 м. Против нас стартуют Марешаль и Ван Румст. Едва мы появились на беговой дорожке, как услышали приветственные крики многочисленных представителей польской колонии. Это, конечно, придает бодрости, потому что менее чем через 15 минут после забега на 5000 м мне надо было выступить еще и в беге на 1500 м. Снова повторилась та же история, которая со мной случается почти на каждом международном состязании. Я не был заявлен в беге на 1500 м, и еще в Варшаве Союз легкой атлетики постановил, что я не должен участвовать в двух забегах подряд без отдыха. Однако руководитель нашей делегации уже в Брюсселе устроил мне подвох — отвел меня к министру Яцковскому, который лично попросил выступить в забеге, и я не смог ему отказать.

Желая сохранить силу для второго забега, в беге на 5000 м стараюсь не выкладываться. В мою задачу входит прийти первым к финишу, но уже не заботясь о времени. Сам бег не представлял особого интереса, потому что мое преимущество перед бельгийцами было слишком явным. Они держались рядом со мной всего три круга. Показав

сравнительно слабое время — 15,23,0, я пришел первым, обогнав Марешаля на 120 м.

После следующих двух видов программы я снова бегу на 1500 м. Несмотря на усталость и слишком мягкую беговую дорожку, я выигрываю на последних метрах с результатом 4,18,0.

Следующие виды соревнования приносят победу моим коллегам, и встречу мы выигрываем со счетом 38 : 28.

Сразу же после легкоатлетических соревнований состоялся футбольный матч Польша — Бельгия. К сожалению, наши опасения оправдались. Несмотря на отчаянные усилия наших футболистов, игра была проиграна со счетом 1 : 2. Матч был проведен на высоком уровне, и десятки тысяч зрителей восхищались как нашими, так и бельгийскими футболистами.

По возвращении домой я узнал, что поступило приглашение на международные соревнования из Вены, куда я сразу выехал вместе с Шенайхом.

Я очень охотно поехал в Австрию, потому что еще с детства мечтал увидеть родину знаменитого Штрауса, попасть в Вену, о которой столько читал и мечтал. Принимали нас в Вене сердечно и дружелюбно.

Бег на 5000 м, где я должен был встретиться с рекордсменом мира аргентинцем Забалой и прекрасным австрийским бегуном Блэди, входил в программу первенства Австрии. Признаюсь, что встреча с Забалой меня волновала, тем более что всего две недели назад он побил мировой рекорд в беге на 20 км. Венская пресса заранее провозгласила его победителем.

Несомненно, бег на 5000 м был гвоздем программы, и когда мы появились на дорожке, на нас обрушился ураган аплодисментов.

Имея таких грозных противников, я решил вырваться вперед и разыграть бег на время. Стоя на старте, я и не помышляя о побитии рекорда. Мне не приходило в голову, что на такой твердой беговой дорожке, какая была в Вене, можно показать столь хорошее время.

Уже после первого круга, применив свою обычную тактику, я отрываюсь от всех спортсменов, даже от Забалы. Шенайх, стоя на стадионе, сообщал мне время, и когда я увидел своего самого грозного соперника — Забалу в нескольких десятках метров сзади, решил слегка расслабиться. Когда же после круга Шенайх крикнул мне: «Три — восемь сорок три!», — я как бы наэлектризовался. На трибунах раздались возгласы: «Браво! Полен! Будет рекорд! Браво! Кусочинский!»

Это польская колония подбадривала меня, желая, чтобы я еще увеличил темп.

Я снова оглянулся. Забала бежал за мной в ста двадцати метрах. Другие отстали еще больше. Я делаю рывок и еще ускоряю бег. После 3500 м я начал обгонять на целый круг некоторых спортсменов.

Наконец, пробежав последний круг за 63 секунды, я пересекаю финиш под одобрительные крики всего стадиона. Шенайх обнял меня и поздравил.

Я мог собой гордиться: показанное мною время 14.42,8 явилось третьим результатом в мире в текущем сезоне.

Разрекламированный венской прессой аргентинец Забала пришел вторым со слабым результатом — 15.37,8, остальные спортсмены отстали почти на полтора круга. А венская публика настолько верила в победу Забалы, что первым у входа на стадион поместили огромный аргентинский флаг, рядом с которым скромно развевался небольшой бело-красный польский.

В Вене я ждал известия от руководителей нашего Союза о результатах переговоров с Французским союзом легкоатлетов относительно моего участия в Париже в беге на 5000 м за главную награду Жана Буэна. Но никакого известия не поступало, и я уже собирался в Варшаву, как вдруг в последний момент пришла телеграмма с просьбой срочно выехать в Париж. Благодаря любезности нашего консула в Вене удалось быстро закончить все формальности, связанные с поездкой, и в этот же день я сел в поезд, который повез меня в прекрасную столицу Франции. Приехав, я быстро нашел отель и целых пять дней наслаждался прекрасной архитектурой и всеми другими прелестями Парижа. Почти сразу же после моего приезда французские газеты написали, что я являюсь асом польской легкой атлетики и что я в частной жизни «слишком привередлив и капризен». Кто дал обо мне такие сведения, — до сих пор остается загадкой.

Мало того, на следующий день после приезда у меня произошла неприятность с мировым рекордсменом Лядумегом. А дело было так. Каждое утро я ездил тренироваться на стадион. Так как я не знал ни языка, ни улиц, меня всегда сопровождал кто-нибудь из польских студентов, учившихся во Франции. Однажды перед тренировками, когда я разделся и уже хотел приступить к разминке, к нам подошел какой-то господин, одетый полуспортивно, и начал разговор с моим спутником. Я же, не теряя времени, стал разминаться. Через некоторое время они оба подошли ко мне, и студент представил мне этого человека, — как оказалось, знаменитого Лядумега. Я был счастлив с ним познакомиться и попросил студента сказать об этом по-французски. Потом отошел, чтобы продолжить разминку. С этого момента начались недоразумения. Когда я приехал в Польшу, мои коллеги засыпали меня вопросами, что я такого натворил в Париже, что вся пресса и даже Лядумег упрекали меня в спесивости и высокомерии. Видимо, мою робость и замкнутость приняли за снобизм.

Перейдем, однако, к соревнованию. Пятикилометровый забег на приз Жана Буэна имеет давние традиции в Париже. Жан Буэн был когда-то прекрасным французским бегуном. К сожалению, он никогда не завоевывал олимпийских медалей, хотя его отделяла от олимпийского золота всего одна десятая секунды! Когда-то Жан Буэн встречался на дорожке с финскими бегунами, и один французский журналист рассказывал мне о самом интересном беге своего соотечественника. Я хочу пересказать эту историю.

Жан Буэн был заявлен на 5000 м на Олимпиаде в Стокгольме в 1912 году. Выиграв предварительный забег, он попал в финал, в котором участвовали десять лучших бегунов мира во главе с финном Колехмайненом. Вначале бег возглавил швед Карлссон, сразу же за ним бежал американец Бонхэнг, но через четыре километра картина резко меняется. На победу претендовали практически только два бегуна: финн Колехмайнен и француз Буэн. Все остальные безнадежно отстали. Два прекрасных атлета бежали плечом к плечу. То один, то другой предпринимал атаки, которые ни к чему не приводили. Темноволосый Буэн был прекрасно сложен, и чувствовалось, что он обладает незаурядной физической силой. Финн был худощав и высок, и всем казалось, что его шаг эластичнее и длиннее. На последнем кругу Колехмайнен предпринял последнюю отчаянную попытку атаковать. Ему удалось обойти француза. Все больше и больше увеличивается расстояние между бегунами. У Колехмайнена уже почти 10 м преимущества. Но вдруг произошла неожиданность — Буэн принял вызов, включился в борьбу и стал отбоявливать сантиметр за сантиметром, метр за метром. Ему удалось догнать соперника, и снова они бегут плечом к плечу. 30 тысяч зрителей вскочили с мест. Король Швеции Густав V, сам любитель спорта, не отрывает глаз от бинокля. И вот последние метры... Колехмайнен вырывается вперед на... пять сантиметров. Время финна — 14.36,6, а француза — 14.36,7 (оба они показали время лучше мирового рекорда). И тогда президент МОК Пьер де Кубертен сказал: «Поражение Буэна равно победе Колехмайнена». Но в спорте все решают только сухие цифры. На пьедестал почета становится Колехмайнен.

Буэн был очень популярен во Франции и во всем мире. Его часто приглашали за границу, из-за чего у него были серьезные неприятности. Однажды его вызвали во Французский союз легкоатлетов и упрекнули в том, что он ездит на соревнования вместе с тренером, что дорого обходится Союзу. Буэну пригрозили дисквалификацией, на что он спокойно ответил:

— Если вы меня дисквалифицируете и не позволите участвовать в соревнованиях, я стану сельским почтальоном и буду бить рекорды, разнося письма из одной деревни в другую.

Буэн не шутил и серьезно подумывал вернуться к прежней профессии, но до этого не дошло. Дело замяли.

Жан Буэн погиб в октябре 1914 года в бою. Немецкая пуля оборвала жизнь этого прекрасного спортсмена. Перед смертью он крикнул:

— Вива ля Франс!

Узнав историю прекрасного французского спортсмена, я еще серьезнее отнесся к бегу. Бег, посвященный его памяти, устраивается в Париже ежегодно. Проходит он очень торжественно и собирает на старте лучших европейских бегунов.

Задолго до соревнования трибуны были забиты зрителями, несмотря на плохую погоду. Шел мелкий дождь, и дул сильный ветер.

На старт вышли 18 спортсменов. Самыми грозными моими соперниками были француз Роше и итальянец Францескини. Сразу же после выстрела стартера я вырываюсь вперед. Уже через несколько кругов мы с Роше заметно отрываемся от остальных спортсменов. Таким образом мы минуем круг за кругом, но Роше, который бежит за мной, в меньшей степени приходится преодолевать сопротивление ветра. После трех километров становится ясным, что борьба разыгрывается в основном между нами. Остальные отстали от нас более чем на полкруга.

Французская публика, наблюдая великолепную тактику своего любимца, спокойно сидит на трибунах, убежденная, что на последнем кругу их фаворит вырвется вперед и покажет лучший финиш. Трибуны еще больше убеждаются в непобедимости Роше, когда тот выходит вперед и лидирует. Они и не предполагают, что это всего лишь мой маневр. Я умышленно отдал Роше лидерство, чтобы немного отдохнуть. Но вот и последний круг. Эмоции толпы достигают кульминации. В трехстах метрах от финиша я делаю рывок, финиширую первым, отыгрывая у соперника несколько десятков метров. Мое время 14.58,4 является новым рекордом этих соревнований. Благодаря тому что почти все время я лидировал, Роше показал 15.01,6, что было его личным рекордом на этой дистанции.

Французские зрители, несмотря на поражение своего фаворита, с энтузиазмом восприняли мою победу.

В Варшаву я возвратился в прекрасном настроении. На польской границе в Збоншине произошла довольно неприятная история. Таможенники обложили пошлиной бутылку вина и назначили сумму, которая значительно превышала стоимость товара. Мое объяснение, что я не везу вино на продажу, ни к чему не привело. Пришлось оставить вино на границе. В целом же путешествие прошло очень приятно, потому что я присоединился к польской туристской группе, возвращавшейся из Франции на родину. В шутках и разговорах мы незаметно доехали до Варшавы.

На предолимпийском сборе

В Варшаве меня ждала приятная весть: мне дали квартиру в Королевских Лазенках. И 1 декабря я переехал в Варшаву на постоянное жительство.

Как следует отдохнув, я с удовольствием приступил к зимним предолимпийским тренировкам, которые разложил на шесть месяцев и разделил на три периода. В первом периоде я решил тренироваться только в кроссах от 20 до 40 минут в день. Во втором периоде — сочетать кроссы с работой на беговой дорожке, то есть тренироваться по очереди то на скорость, то на выносливость. Третий период предназначался только для бега на скорость.

Так прошло время до отборочных олимпийских соревнований. Уже с начала 1932 года деятельность Польского олимпийского комитета становится все более оживленной, и в соответствии с соглашением с Союзом легкой атлетики в начале февраля в Познани был организован предолимпийский сбор, рассчитанный на шесть недель. Дисциплина на сборе была очень строгой, почти военной, программа дня была так составлена, что если придерживаться всех ее пунктов, в течение дня невозможно было выкроить ни одной свободной минуты. Утром предусматривалась коллективная или же индивидуальная гимнастика, продолжавшаяся приблизительно час, затем специальная тренировка до обеда. В это время я бегал вокруг Познани, надев на себя несколько теплых свитеров, и из-за этого часто становился предметом насмешек прохожих, которые не знали меня и ничего не слышали о рациональных тренировках. Затем обед, небольшой перерыв, а после обеда снова тренировка в закрытом зале. Все мы находились под неусыпным наблюдением Клумберга, который был, как всегда, неутомим. Хорошими результатами, достигнутыми на этом сборе, мы обязаны прежде всего Клумбергу.

Без сомнения, благодаря сбору мы все пришли в лучшую форму, многие спортсмены улучшили свой стиль, но это не значит, что организаторы не совершили никаких ошибок. Большим недостатком, по моему мнению, были слишком завышенные требования к спортсменам. Другое «но» — это слишком менторское отношение организаторов сбора к спортсменам. Они думали, что нас ничто не может интересовать, кроме спорта, и за воротами сбора мы должны оставить наши привычки, образ мыслей, любимые занятия.

Сбор, безусловно, выполнил возложенные на него задачи, и могу сказать, что мне он принес большую пользу. Из Познани мы все разъехались по домам, с тем чтобы продолжить индивидуальные тренировки. В конце марта я уехал на Ривьеру, где можно было тренироваться на открытом воздухе.

С теннисистами на Ривьере

Во всем спортивном мире очень много говорилось о Петкевиче. Уже долгое время ходили слухи, что талантливый спортсмен далеко не любитель, а профессионал. Вначале никто не верил, но разговоры не умолкали, и Союзу легкой атлетики пришлось в этом серьезно разобраться. Я не хочу показаться необъективным из-за моей давней неприязни к Петкевичу и не буду подробно останавливаться на печальном для польского спорта инциденте. Скажу только, что после известного заявления в прессе представителя Союза Петкевич был как спортсмен-любитель дисквалифицирован навсегда и за день до моего возвращения с Ривьеры уехал в Аргентину.

Не углубляясь в подробности этого дела, как спортсмен я все-таки стою на стороне Петкевича. Достаточно ли серьезно велось расследование? Во всяком случае, дисквалификация Петкевича сыграла отрицательную роль для молодого польского спорта.

По моему мнению, Петкевичу почти не уделялось внимания, а ведь он был талантливым спортсменом и мог бы немало сделать для подъема престижа польского спорта. Но, по-видимому, какие-то подозрительные типы «заботились» о нем в своих корыстных целях. Я убежден, что если даже бы Петкевичу платили, он сам меньше получал, чем посредники.

После дисквалификации Петкевич заявил, что у него есть доказательства нечистоплотности и других легкоатлетов (меня он, конечно, назвал одним из первых) и что они тоже должны быть дисквалифицированы. Но когда руководство Союза потребовало фактических доказательств, ему нечего было представить.

Как я уже говорил, на Ривьере хотелось продолжить тренировки на беговой дорожке. Поездка была удивительно приятной. Мне удалось увеличить скорость в беге, и, вернувшись на родину к началу легкоатлетического сезона, я был в прекрасной форме.

В Каннах мы встретились с Енджиевской, Плочинским и Столяровым, принимающими участие в теннисном турне. Их общество было чрезвычайно приятным, но недолгим. Через неделю Плочинский и Енджиевская вернулись в Варшаву, а Столяров отправился в Монте-Карло. Никогда не забуду неделю, проведенную вместе с ними.

Вначале у меня не было никаких условий для тренировок, и я бегал по вечерам по улицам Канн, затем удалось добыть разрешение тренироваться в Ницце на прекрасном стадионе, куда я каждый день ездил на автобусе.

Пребывание на Ривьере отразилось на мне со всех точек зрения очень благоприятно. Я улучшил форму, нервы успокоились, удалось забыть о мелких заботах, и это было как бы отдыхом. Кроме того, я пришел к выводу, что спортсмен, который хочет подняться до

европейского уровня, непременно должен отдыхать перед началом сезона.

Через несколько дней после возвращения на родину узнаю, что Польский союз легкой атлетики установил олимпийские минимумы, которые должен показать каждый из спортсменов, намеревающихся принять участие в Олимпиаде. Что касается меня, мои минимумы были разделены на две группы. Чтобы принять участие в Олимпийских играх, надо было показать в беге на 1500 м 3.55,0, на 5000 м — 14.45,0, на 10 000 м — 31.20,0 или результаты не такие высокие, но требующие по меньшей мере двукратного повторения, то есть 1500 м — 3.57,0, 5000 м — 14.55,0, 10 000 м — 31.50,0.

Некоторые минимумы были выше польских рекордов, и потому, естественно, их было трудно выполнить. Я был уверен в одном: на дистанции 10 000 м минимум показать мне будет не сложно, тем более что результаты небыли так сильно завышены, особенно принимая во внимание мои возможности в этом сезоне.

Приехав в Варшаву, я не оставляю тренировок и по установленному еще в прошлом году плану тренируюсь на выносливость и скорость то в Лазенках, то на ипподроме. Первой проверкой моей подготовки был седьмой национальный кросс, который мне удалось чрезвычайно легко выиграть. Я убедился, что при моей теперешней форме можно не бояться ни дистанции, ни соперников. После забега мне вручили два кубка — Кубок Центра физического воспитания и редакции «Стадиона».

На старт вышли около 600 спортсменов со всей Польши. Два километра я бегу восьмым, потом резко отрываюсь от Адамчика, Пухальского, Мильча и Стшалковского и лидирую вплоть до финиша. Финиш был очень резким, но, несмотря на это, я был совершенно свежим и неуставшим.

Следующий мой старт был на командном первенстве Варшавы в беге на 5000 м, а также в эстафете «Варшавянки» 3 по 1000 м.

В беге на 5000 м я легко побеждаю Спыхальского, показав время на минуту лучше, чем его,— 14.58,0. На дистанции я даже позволил себе несколько расслабиться, но если бы у меня был более сильный соперник, мое время, без сомнения, было бы лучше минимум на десять секунд. В эстафете 3 по 1000 м наша команда занимает третье место, причем на финише всего лишь на грудь впереди меня был Машевский.

Было очень смешно на следующий день читать в газетах, что я нахожусь в отвратительной форме, если даже Машевскому проигрываю. Видимо, статьи писали не очень знающие люди; они даже не заметили, что мне пришлось на дистанции наверстать несколько десятков метров, проигранных моими товарищами.

Лехтинен – плохой пророк

С 15 мая Польский союз легкой атлетики организует на Белянах второй предолимпийский сбор, куда собрались наши лучшие легкоатлеты. Пользуясь опытом Познаньского сбора, Союз уже внес целый ряд изменений в режим спортсменов, и мы чувствовали себя на Белянах великолепно. Правда, было нам скучновато, особенно страдали наши коллеги из других городов. Что же касается меня, то этот сбор не был мне так уж необходим. Я находился в такой форме, что индивидуальная тренировка гарантировала мне достижение необходимого олимпийского минимума для поездки в Лос-Анджелес. На Белянах я оказался только потому, что, во-первых, там был Клумберг, уделявший мне всегда много внимания, а на этот раз он даже сам массировал меня. А во-вторых, чтобы не говорили, будто я зазнался.

Результаты работы Клумберга сказались уже через несколько дней. Вайс, Плавчик и Хелиаш, наши олимпийские надежды, вошли в прекрасную форму и показывали все лучшие и лучшие результаты. Мне тоже было грех жаловаться: самочувствие было прекрасное, и тренировки под руководством Клумберга давали уверенность, что я покажу не самые плохие результаты на Олимпиаде. В отличие от некоторых моих коллег, я вовсе не скучал на сборе.

Воспользовавшись любезностью руководителей сбора, я довольно часто ездю в Варшаву, чтобы с друзьями слегка развлечься и забыть, хоть ненадолго, выматывающие тренировки.

Результаты, показываемые легкоатлетами на сборе, очень оптимистично настраивали наше руководство, и прежде всего Клумберга, который предсказывал нашей команде в Лос-Анджелесе большой успех, особенно Вайс, Хелиашу и мне.

Тогда же в польском спортивном мире было много откликов на интервью с одним из популярнейших стайеров Финляндии — Лехтиным, моим самым грозным соперником на Олимпиаде. Как известно, Лехтинен, Исо-Холло и Виртанен считаются в Финляндии если не равными Нурми, то, во всяком случае, стоящими на том же уровне, и потому ничего удивительного, что интервью вызвало сенсацию и много шума. Вот что говорил Лехтинен:

— Кусочинский — самый опасный и грозный соперник в мире для наших стайеров, и уже сегодня у него есть все шансы завоевать одно из первых мест в Лос-Анджелесе, по крайней мере четвертое место уж точно у него в кармане. Никто, кроме финнов, не сможет его победить...

На Олимпиаде в беге на 10 000 м, безусловно, победит Нурми (тогда еще не было точно известно, будет ли дисквалификация Нурми утверждена) с результатом 30.15,0. Второе и третье места мы разделили с Исо-Холло. Кусочинский же покажет 30.40,0, что обеспечит ему четвертое место...

Кусочинский, несомненно, спортсмен высокого класса,— говорил далее Лехтинен,— но думаю, что свое слово он скажет в 1933 и 1934 годах. Тогда он наверняка приобретет свою лучшую форму и сможет пойти на побитие мировых рекордов.

На вопрос журналиста, до какого уровня могут быть повышены рекорды Нурми и где кончаются человеческие возможности, Лехтинен ответил:

— Я думаю, что 10 000 метров можно пробежать за 30 минут, а границу человеческих возможностей в беге на 5000 метров обозначил бы временем 14.20,0. Рекорд Лядумега в беге на 1500 метров я считаю совершенным, и побить его можно, видимо, лишь на какую-то долю секунды. *(Сегодняшние рекорды в беге на эти дистанции значительно выше тех, что предсказывал Лехтинен. Рекорды мира и Польши в беге на 5000 и 10 000 м представлены в конце книги — Прим. ред.)*

На вопрос, почему финны показывают великолепные результаты в беге на длинные дистанции, Лехтинен ответил:

— Своими успехами финны обязаны вовсе не особым талантам, а большой популярностью и культуре спорта в финском обществе. Вообще в Финляндии физическая культура находится на очень высоком уровне. Своими успехами мы обязаны рациональным тренировкам, проводимым в течение многих лет, а уверенность в своих силах и самообладание являются лишь вспомогательными факторами, позволяющими побеждать соперников...

— Я сам, продолжал Лехтинен,— в 1925 году в беге на 1500 метров показал время 5.25,0, в 1928 году — 16.20,0 в беге на 5000 метров. Надо мной посмеивались, но я не перестал тренироваться, не потерял веры в свои силы и благодаря своему упорству заметно повысил результаты.

Самыми грозными соперниками в беге на 10000 метров я, конечно же, считаю Нурми, затем Исо-Холло и Кусочинского. На 5000 метров моими соперниками являются Исо-Холло, Кусочинский, Виртанен и Лермон.

Приводя здесь интервью с одним из лучших стайеров мира, проведенное накануне Олимпиады, я хотел прежде всего подчеркнуть, как интересуются за рубежом нашей легкой атлетикой и даже моей скромной особой.

Приблизительно в это же время ко мне обратился финский корреспондент с просьбой высказаться о моих возможных стартах на Олимпиаде. Без колебаний я сказал ему, что самым грозным моим соперником в беге на 10 000 м я считаю Нурми, на 5000 м — Лехтинена. «Во всяком случае,— заявил я,— если я проиграю, то проиграю только на последних метрах. Борьба же буду до конца, до последнего дыхания».

Приблизительно на половине срока сбора специальный врач Союза легкой атлетики провел обследование спортсменов, чтобы проверить общее состояние здоровья. Когда Клумберг через несколько дней под большим секретом сообщил мне результат обследования, я

очень огорчился. Врач нашел, что сердце у меня не в порядке, и даже запретил мне в ближайшие несколько дней тренироваться.

Как я уже говорил, такая новость меня весьма опечалила, и я был удивлен, потому что чувствовал себя прекрасно, а сердце у меня никогда не болело.

Пренебрегая выводами врача и замечаниями Клумберга, я продолжал тренироваться. И что же оказалось? Когда через несколько дней на первенстве Варшавы в беге на 10 000 м я одним из первых достиг олимпийского минимума, заботливый Клумберг сразу же после бега отвел меня к врачам проверить сердце, и, как ни странно, несмотря на большое физическое напряжение, сердце работало нормально. Все удивились, а особенно врач, нашедший у меня отклонения в сердечной деятельности. Я же был очень рад. Время мое 30.31,4 в этом году было лучшим результатом Европы. Нурми на этой же неделе показал время на девять секунд хуже моего.

Я бью рекорды Нурми

Относительно поездки на Олимпиаду уже не было никаких сомнений. Но я не успокаиваюсь. Под наблюдением Знайдокского и незаменимого Клумберга продолжаю интенсивные тренировки и стараюсь не пропустить ни одного соревнования. Перед самым концом моего пребывания на сборе мы едем в Катовицы на соревнования, где мне непременно хочется побить рекорд Петкевича на дистанции 1500 м. Мне это удается. Время я показал прекрасное — 3.54,0, на 3,2 секунды лучше рекорда Петкевича. Таким образом, я выполнил второй олимпийский минимум (3.55,0), хотя и не на своей дистанции.

Соревнования в Катовицах принесли мне большое удовлетворение. Будущие олимпийцы показали себя прекрасно, установив четыре рекорда Польши и мировой рекорд в эстафете 3 по 800 м.

Может показаться удивительным, но до олимпийского сбора думали, что некоторые рекорды Польши взвинчены так, что их нелегко побить, однако рациональная тренировка и всесторонняя подготовка сделали свое дело.

После отборочных соревнований по другим видам спорта Польский олимпийский комитет постановил наряду с легкоатлетами послать в Лос-Анджелес фехтовальщиков и гребцов. Кроме того, в Олимпийских играх должны были участвовать наши боксеры и велосипедисты, но из-за слабых результатов в отборочных соревнованиях они не поехали. Безусловно, не последнюю роль играла и финансовая сторона вопроса: мы не могли послать достаточно представительную команду за океан.

Тем временем приближались традиционные международные легкоатлетические соревнования в Антверпене, куда мы были, как всегда, приглашены. Несмотря на то что я старался по возможности выступать во всех соревнованиях и что в Бельгии нам оказывали самый сердечный прием, в Антверпен я поехал без особого энтузиазма — из-за того, что в прессе широко разрекламировали версию, будто бы я собираюсь побить мировой рекорд Нурми в беге на 3000 м. Но не в моих правилах разглагольствовать о том, что я собираюсь делать. И я не люблю этого. Поэтому в Антверпен я приехал в прескверном настроении.

Соревнования по бегу были весьма представительны. Мне досталось худшее место, крайнее с правой стороны. Но, несмотря на это, после выстрела стартера я делаю резкий рывок вперед и сразу же становлюсь лидером. Как я уже сказал, когда бежал первые 1500 м, я не предполагал, что мне удастся удержаться впереди, но, взглянув на секундомер, увидел, что пробежал 1500 м за 4.00,5, и когда Костшевский выкрикнул мне то же самое время, у меня появилась мысль о победе. Однако побить рекорд Нурми было очень трудно, потому что во второй части бега практически около меня никого не было. Лишь на последнем

круге один из бельгийцев, отставший на целый круг, специально задержался и подтянул меня, так что финишную ленточку я разорвал с временем 8.18,18, устанавливая, таким образом, новый мировой рекорд,— лучше рекорда Нурми на 1,6 секунды.

Я был очень доволен своим результатом, к тому же следует принять во внимание, что Нурми за месяц до установления своего рекорда очень серьезно готовился и даже выезжал в Стокгольм, где беговая дорожка была лучше. Когда он предпринял попытку побить рекорд, у него были великолепные соперники во главе с Виде. Борьба на протяжении всего бега была очень напряженной, и лишь на последних метрах Нурми удалось вырваться вперед, выиграв у Виде два метра, и показать 8.20,4.

Через несколько дней после приезда в Варшаву узнал из газет, что Лехтинен на отборочных олимпийских соревнованиях в Хельсинки побил мировой рекорд Нурми, показав феноменальный результат — 14.16,9. В этом же забеге был установлен второй мировой рекорд на 3 мили. Лехтинен преодолел дистанцию за 13.50,6, улучшив рекорд Нурми более чем на 10 секунд.

Ничего удивительного, что, показав такие великолепные результаты, Лехтинен выдвинулся в число лучших стайеров мира и стал всеобщим фаворитом на предстоящих Олимпийских играх.

Зная наверняка, что буду участвовать в Олимпиаде, я стал постепенно готовиться к долгому и утомительному путешествию. Я решил отказаться от некоторых соревнований. Тем временем в Варшаве должны были проходить соревнования на первенство Польши. Союз легкой атлетики настаивал, чтобы я принял в них участие. За три дня до соревнований я все-таки решил выступить, но с условием, что побегу только на 800 м, и действительно, к огорчению руководства, я отказался от всех других дистанций. Я победил с приличным результатом — 1.56,6 (рекорд Костшевского — 1.55,0). Вообще, первенство было проведено на очень высоком уровне. Хорошие результаты были показаны почти во всех видах легкой атлетики. На этих соревнованиях Хелиаш установил мировой рекорд в толкании ядра. Плавчек взял высоту 196 сантиметров, показав лучший результат в Европе.

Олимпийская команда была уже почти сформирована. Наша делегация должна была отправиться на Олимпиаду 2 июля из Гдыни на корабле «Пуласки». Я же из-за того, что не мог столько дней оставаться без тренировки, должен был поехать раньше в Шербур и оттуда на «Мавритании», одном из самых быстроходных кораблей мира, отправиться в путешествие за океан.

За несколько дней до отъезда в Познани должна была состояться встреча со сборной Вены. Познаньский окружной союз легкоатлетов попросил меня выступить в забеге на 4 мили и, если возможно, попытаться побить рекорд Нурми. Я не мог отказать своим познаньским товарищам и, хотя у меня не было никакого желания участвовать в соревнованиях, выехал в Познань. Когда вышел на беговую дорожку и

услышал возгласы с трибун, у меня появилась мысль все-таки попытаться побить рекорд.

Сразу с выстрелом стартера вырываюсь вперед. Уже первые круги показывают, что рекорд висит на волоске. Темп, который я особенно не регулирую, очень ровный, и даже страшная жара не нарушает монотонности моего бега. Расстояние, которое отделяет меня от остальных спортсменов, с каждым кругом увеличивается, и на одиннадцатом круге я начинаю всех по очереди обгонять. На последних двух кругах еще больше увеличиваю темп и под оглушительную овацию разрываю ленточку, не успев даже подумать об усталости.

Так как сразу же после бега я не мог еще знать наверняка, побит ли рекорд, я не рискую слишком явно выражать свою радость, но убежденность в том, что результат очень хороший, не оставляет меня.

Раздался щелчок в микрофоне, и было объявлено, что рекорд Нурми на 4 мили был побит на целых 13 секунд. Надо сказать, что эту победу я отношу к самым радостным победам в жизни. Это был второй рекорд, отобранный мною у Нурми. Борьба была нелегкой. Моим соперником было лишь время. Я могу уже себе позволить сказать, что Нурми в своей спортивной карьере совершил принципиальную ошибку. Ему надо было чаще идти на побитие своих мировых рекордов, потому что у него было больше возможностей, чем у меня, Лехтинена и Исо-Холло. Если бы он это делал, наверняка много воды бы утекло, пока появился бы второй Нурми и смог бы вычеркнуть его имя из списка мировых рекордсменов.

Правда, не известно, что было бы со спортивной формой Нурми, если бы он предпринимал частые попытки побить свои рекорды...

Несмотря на прекрасный результат, достигнутый в Познани, мои воспоминания о пребывании в этом городе я бы не назвал самыми приятными. Организаторы соревнований повели себя не слишком гостеприимно. Никто не взял меня под свою опеку, и все мелкие формальности пришлось улаживать самому.

Приехав в Варшаву, я стал готовиться к путешествию, потому что через два дня через Берлин и Париж мне предстояло направиться в Шербур. И вас, наверное, не удивит, что, несмотря на то, что я в своей жизни достаточно много путешествовал, перед поездкой за океан я не знал, как к ней готовиться. Несколько раз я запаковывал и распаковывал свои чемоданы.

Через океан в Лос-Анджелес

Наконец наступил памятный день 30 июня. Еще за час до отхода поезда я примчался на вокзал. Вместе со мной прибыли представители Союза и коллеги по клубу. Во время прощания они устроили мне сюрприз, подарив перстень с эмблемой клуба «Варшавянки». Несмотря на хорошее настроение и приятное общество, время до отхода поезда тянулось невыносимо медленно. Радостно и в то же время затаив печаль я покидал Варшаву. Как только тронулся поезд, снова вернулись тревожные мысли: победа или поражение? Я старался забыть об этом, вернуть былое спокойствие, но мне не удавалось забыться. Всю ночь мучила бессонница. Рано утром, уже в Париже, меня встретил старый приятель — редактор Казимеж Грижевский. Он сообщил, что до отъезда поезда на Шербур осталось несколько часов. Я решил использовать их для тренировки. Мы сели в машину и поехали на стадион, где в прошлом году вручали мне приз Жана Буэна. Там я узнал, что распорядителя нет на месте и во второй половине дня должны состояться соревнования. Из-за этого я не получил разрешения потренироваться. Не помогла даже протекция мадам Лядумег, матери знаменитого французского бегуна, к которой я обратился за помощью. Пятилетняя дочка Лядумегов очень забавно возмущалась тем, что «дяде не дают побегать на стадионе». Удивительно, что малышка прекрасно знала результаты лучших спортсменов, которые стартовали на этом стадионе в последние годы.

В первый момент я растерялся, не знал, куда себя деть, но потом Грижевский посоветовал мне поехать на травяное поле Рэсинг-клуба, где я прекрасно потренировался.

На вокзале выяснилось, что этим же поездом выезжает делегация Финляндии с Нурми во главе. На перроне нас окружают журналисты, интервьюируют, фоторепортеры ослепляют вспышками магния.

Когда я уже садился в поезд, ко мне неожиданно подошел Нурми и, сердечно улыбаясь, пожал руку. И я непомерно возгордился. Я мгновенно вспомнил нашу прошлогоднюю встречу с многократным рекордсменом мира в Варшаве. Тогда он едва удостоил меня взглядом. Ровно в одиннадцать поезд отошел от перрона, и менее чем через четыре часа мы уже были в Шербуре. В вагоне я познакомился с членами финской делегации, которые испытующе разглядывали меня с головы до пят.

Так как я был очень голоден, в час пошел в вагон-ресторан и съел солидный обед, забыв о предостережениях, которые давали мне коллеги еще перед отъездом из Варшавы. Лишь когда я увидел Нурми, который заказал всего лишь чашку бульона и гренки, вспомнил, что еще сегодня мне предстоит пуститься в плавание и, может быть, вкусить «прелести» морской болезни.

По дороге возникла мелкая стычка с таможенниками: они потребовали два доллара, как они объявили, за въезд в Америку, но денег я им, конечно, не дал. Наконец наш поезд прибыл в Шербур. К нам

бросились представители пароходной компании, чтобы помочь как можно скорее закончить необходимые формальности. Впервые в жизни я столкнулся с такой великолепной организацией. Не надо было думать ни о паспортах, ни о багаже, все было организовано как нельзя лучше. Нам оставалось только сесть на маленький катер, который переправил всех на борт «Мавритании», стоящей на внешнем рейде. Я даже успел до отплытия корабле отправить первые открытки не родину.

«Мавритания» была очень комфортабельным судном, настоящий гигант водоизмещением в 30 тысяч тонн и в тоже время самое быстроходное судно в мире. Увидев обширные палубы «Мавритании», я понял, что смогу здесь прекрасно тренироваться, используя для этого обеденное время и поздние вечера, когда палубы будут почти безлюдны.

Наконец после погрузки почты и багажа под звуки оркестра и под оглушительный вой сирен якорь был поднят, и мы вышли в открытое море. Никогда не забуду величественной панорамы, раскинувшейся перед нашими глазами. Безбрежная ширь моря и великолепный закат. Стоя на палубе и глядя на удаляющиеся здания порта, я был совершенно ошеломлен и очарован. Но вот берег пропал за горизонтом, вокруг осталась одна водная гладь.

Найдя свою каюту, я стал распаковывать вещи. Через несколько минут в каюту постучался и вошел мой товарищ по путешествию — араб. Он очень вежливо представился и сообщил, что совершает кругосветное путешествие, из чего я сделал вывод, что он далеко не бедный человек. Произвел он на меня самое приятное впечатление. На корабле в основном были англичане, которые вели себя на нем как у себя дома. На следующий день, к своему большому удовольствию, я познакомился с моряком польского происхождения, который уже несколько лет плывал на этом корабле.

Первый день прошел относительно спокойно. Переполненный новыми впечатлениями, я довольно рано отправился спать, отказавшись, разумеется, от ужина. Так же поступили и все пассажиры корабля, впервые пересекавшие океан.

На следующий день первой мыслью было, как уберечься от морской болезни. Правда, пока не появилось никаких симптомов этого неприятного явления, но два последующих дня я жил под каким-то страхом. Особенно неприятные минуты я пережил на второй день путешествия, когда океан слегка заволновался и началась небольшая качка. Я почти не выходил из каюты, лежал, читал книги.

Распорядок дня на корабле был довольно однообразным: в 8 часов утра огромный гонг извещал о первом завтраке, который готовился в роскошном ресторане. В 11 часов официанты разносили в чашках бульон с пирожками, не тревожа пассажиров и не заставляя их покидать своих мест, в 13 часов все сходились в ресторан на обед. В 17 часов официанты разносили уже полдник, и в 19 часов сервировался ужин в ресторане, играл оркестр, и можно было даже потанцевать. Путешествие

продолжалось пять дней, а за день до прибытия в Нью-Йорк был устроен грандиозный прощальный ужин, так называемый «капитанский бал».

Я не принимал участия в дансинге, потому что из-за незнания английского языка не мог говорить со своими партнершами. Может быть, я и рискнул бы, если бы ехал со своей делегацией, но одиночество сделало меня очень робким. С завистью я смотрел на Лехтинена, Виртанена и Исо-Холло, которые отлично танцевали, ухаживали за дамами, не зная ни одного слова по-английски, о чем я догадался, видя, что они ни на секунду не выпускали из рук маленьких разговорников.

Сначала я себя чувствовал очень одиноким, потом решил взять пример с финнов и стал тренироваться на палубе, а в каюте занимался гимнастикой. Единственное, чего мне не хватало, это массажиста.

На третий день путешествия мне все-таки удалось сблизиться с финнами, и им, видимо, тоже стало меня жаль, одинокого, заброшенного, без соотечественников. Общались мы при помощи жестикуляции. Сначала это казалось непреодолимой трудностью, но вскоре мы настолько освоились, что стали понимать друг друга неплохо. Я научился тогда играть в различные финские игры.

В один прекрасный день сосед по каюте познакомил меня с американкой, возвращавшейся в Нью-Йорк после учебы в Париже. Она мне очень понравилась, и позже, уже в Лос-Анджелесе, я получил от нее милое письмо с поздравлениями.

В последние два дня путешествия океан совершенно успокоился и представлял собою огромное зеркало. Капитан приказал запустить все машины, и мы с каждой минутой приближались к конечному пункту путешествия. Последнюю ночь я провел отвратительно, долго не мог заснуть и задремал только под утро. Мне снились кошмары, каждую минуту я просыпался. Измученный, усталый, в отвратительном настроении, я оделся и вышел на палубу. Скорее бы уж Нью-Йорк! И вот вдали появился размытый силуэт статуи Свободы, небоскребы — неперемные атрибуты американских городов. Через полчаса корабль стал на рейде. На борт явилась специальная врачебная комиссия, которая обследовала каждого пассажира, намеревавшегося сойти на американскую землю. Если обнаруживались какие-то опасные симптомы, пассажир не получал пропуска на берег.

Вслед за врачами появились таможенники, которые скрупулезно обследовали содержимое наших чемоданов. Они боялись, что кто-нибудь из нас захочет провезти «огненную воду». Вместе с таможенниками на корабль прибыл торговый советник нашего консульства в Нью-Йорке — доктор Фиш. Увидев доктора Фиша, я обрадовался и уже не чувствовал себя таким одиноким. Он сразу же взял меня под свое покровительство, и мы вместе с ним смогли убедиться в том, какое огромное значение имеет в Америке реклама. Одна из киностудий, узнав, что на «Мавритании» прибывает финская делегация, прислала операторов, чтобы снять знаменитых спортсменов. Я тоже попал в кадр.

С нетерпением ждал, пока закончатся все формальности и когда можно будет уже на твердой земле потренироваться. Метро доставило нас к отелю «Линкольн». Я сложил вещи, переоделся и принял ванну, снявшую усталость долгого путешествия.

Выйдя из отеля, я сразу же направился на стадион, по дороге с восхищением рассматривал небоскребы, о которых столько слышал и читал. На улице было очень оживленно. Все куда-то спешили, толкаясь, громко разговаривали. Я почувствовал себя совершенно потерянным в этой суетливой толпе.

На стадионе финны уже усиленно тренировались. Я быстро разделся и выбежал на дорожку. Тренировка прошла прекрасно, самочувствие было великолепным, два километра пробежал меньше чем за шесть минут. Меня поразил такой результат: в Агриколе я эту дистанцию пробегал медленнее. У меня было очень мало времени, и, конечно, осмотреть город не удалось. В Нью-Йорке пробыл всего семь часов. Финны остались еще на один день в Нью-Йорке, чтобы отдохнуть после утомительного морского путешествия. Мне же хотелось как можно скорее попасть в Калифорнию и уже там отдохнуть. Расположив в купе поезда свертки с фруктами и лакомствами, врученные мне здешним Польским комитетом по приему олимпийских команд, я отправился в Чикаго.

На каждом шагу я сталкивался с великолепной организацией пребывания спортсменов и на деле убедился, что такое американский деловой размах. Были учтены все мелочи, и не надо было тратить ни времени, ни нервов на улаживание каких-либо недоразумений.

Возьмем, к примеру, железные дороги. Какой же здесь царил идеальный порядок! Как только я появился на вокзале, ко мне подошел представитель железнодорожной компании и помог быстро покончить со всеми формальностями. На вокзале в Чикаго меня встречали консул, председатель Олимпийского комитета в Америке и представители польской прессы.

После торжественного завтрака, устроенного в честь нашего приезда, я поехал в легкоатлетический клуб на берегу озера Мичиган, где можно было потренироваться, затем меня пригласили на обед к генеральному консулу Збышевскому, и несколько часов перед отъездом я провел в обществе доктора Калиша и его семьи. Они же отвезли меня на вокзал к поезду, направляющемуся в Лос-Анджелес.

Ехал я три ночи и два дня, специально выбрав именно этот медленный поезд, так как в вагонах можно было прекрасно выспаться. Я еще раз убедился, что был рожден под счастливой звездой. Почти все время за окнами накрапывал дождь, о чем мечтают все пассажиры. Вагон не раскалялся, и пыль в сочетании с жарой не докучала. В поезде уже все знали, что я представитель польской команды и еду на Олимпиаду. Многие пассажиры желали мне успеха и всячески выказывали свою симпатию. В одном из купе заметил играющих в бридж и попросил разрешения войти и «поболеть». У одного из пассажиров были

прекрасные карты, но он был явным новичком в бридже, и я осмелился дать ему несколько советов. Но обладатель прекрасных карт, видимо, меня не понял, потому что изъяснялся я на польском языке, и тут произошел казус: я не смог совладать со своим темпераментом, вырвал у него карты и выиграл партию. Общество вначале было удивлено моим поступком, но узнав, кто я, смягчилось, и остаток вечера я провел очень весело, играя в карты с новыми знакомыми.

На другой день под вечер снова затосковал. Скорее бы уж приехать в Лос-Анджелес, а тут, как назло, часы тянулись медленно, я не знал куда себя деть. В конце концов решил пораньше лечь спать.

Один в Олимпийской деревне

Наконец около 8 часов утра наш поезд въехал под своды вокзала в Лос-Анджелесе. Трудно описать, с каким чувством я вступил на калифорнийскую землю. С одной стороны, очень волновался, с другой — был очень горд, что я — первый поляк, приехавший защищать честь польского спорта. Меня встречали представитель Американского комитета из польской колонии Романович и группа поляков, постоянно живущих в Лос-Анджелесе. В первый момент меня смутило такое количество встречающих, но Романович очень быстро разрядил несколько напряженную атмосферу веселой шуткой и увез меня завтракать. Затем я поехал в Олимпийскую деревню, где мне предстояло провести три недели вместе со всей нашей командой.

После двадцатиминутной езды на автомашине мы оказались перед элегантным зданием, где помещалась администрация Олимпийской деревни. Я получил ключ от домика, где мне предстояло жить, и пропуск на территорию деревни.

Деревня выглядела очень живописно. Она располагалась на холме, недалеко от города, и была окружена забором. Казалось, американцы предусмотрели буквально все. Пятьсот маленьких, но очень удобных домиков, окрашенных в разные цвета, расположенных среди клумб и красивых газонов, представляли собой живописное зрелище. В каждом домике размещались четыре спортсмена. Нашей команде отвели пять домиков.

На территории деревни находились больница, амбулатория, баня, рядом с этими зданиями — кинотеатр. В гости к спортсменам приезжали кинозвезды из Голливуда, который расположен недалеко от Лос-Анджелеса. Уже во время Олимпиады в кинозале показывали хроникальные кадры, отснятые в дни соревнований. Так что те спортсмены, которые выступали в данный день, могли увидеть себе на экране.

В пятидесяти километрах от города было выстроено несколько тренировочных стадионов, и каждая команда практически владела отдельным стадионом. До стадионов можно было добраться по великолепным шоссейным дорогам, по которым каждые десять минут курсировали первоклассные автобусы.

Вход в Олимпийскую деревню строго охранялся. Живописные ковбои на лошадях сдерживали толпы любопытных. Не могу не вспомнить забавной картинке, невольным свидетелем которой я был. Ковбой поймал лассо какую-то девушку, которая пробралась через выломанную ограду в деревню. Девушка отчаянно сопротивлялась, но ковбой безжалостно тянул ее на веревке в сторону административного здания.

Деревня была рассчитана на 2000 спортсменов. Издалека она казалась букетом ярких цветов, а маленькие домики словно были

сложены из разноцветных карт. Рядом с деревней помещалась автомобильная стоянка с изумительно красивыми машинами.

В первый же день пребывания в деревне после обеда я тренировался, бегая в купальном костюме по газону. Как только я показался в костюме, меня окружила толпа журналистов и фотокорреспондентов, они сыпали вопросами и снимали во всех возможных и невозможных ракурсах.

Нас обслуживали в основном студенты, которые были чрезвычайно вежливы. Меня приятно удивило, что многие из них правильно произносили мою трудную польскую фамилию и знали, что я легкоатлет.

Как только я приехал в деревню, на мачте взвился польский флаг. Это означало, что польская команда участвует в Олимпиаде. На всех пяти домиках, где должна была разместиться польская команда, а также на нашем тренировочном стадионе появились бело-красные флаги.

В этот же день с помощью Романовича я закончил все формальности, и мне даже выделили массажиста-аргентинца, который оказался мастером своего дела. В деревне я увидел многих старых знакомых, с которыми встречался на европейских стадионах.

На следующий день в деревне торжественно появилась финская делегация. Все улицы были заполнены публикой, желающей поближе увидеть лучших стайеров мира.

Около 12 часов я поехал на наш тренировочный стадион взглянуть на беговую дорожку. К сожалению, она оставляла желать лучшего, и я попросил разрешения тренироваться на стадионе при университете. Первая настоящая тренировка, проведенная мною в этот же день, меня удовлетворила. Два километра я пробежал за 5.51,0, причем при душающей жаре.

До приезда нашей команды я проводил много времени с Даниэльским, секретарем местного олимпийского комитета. Мы предприняли несколько дальних поездок на автомобиле. Часто он подвозил меня к стадиону, заезжая за мной рано утром. На обратном пути я пересаживался за руль, и Даниэльский терпеливо учил меня водить машину. Я увлекся автомобилизмом.

Все дни у меня были заполнены до отказа. Утром, как обычно, гимнастика, затем тренировка, после обеда снова тренировка или прогулка с семейством Даниэльских. Во время одной из таких прогулок мы заехали в Голливуд. Да, долго можно любоваться красотами знаменитого предместья Лос-Анджелеса! А однажды мы ездили на океанский берег, на пляж. Рядом с пляжем располагался прекрасный луна-парк — настоящее чудо. Я уже бывал в подобных парках в Берлине, Вене, в Париже, но то, что увидел в Лос-Анджелесе, не шло ни в какое сравнение с европейскими луна-парками. Несколько часов я бродил по аллеям парка, и уходить не хотелось. Надолго привлек мое внимание в парке человек, который визуально определял вес людей с точностью до одного килограмма. Он угадал вес всех моих товарищей, кроме моего. Он назвал

67, когда я весил всего лишь 61 килограмм. В виде компенсации мне вручили коробку шоколада, а мои товарищи сказали, что это доброе предзнаменование перед Олимпиадой.

Возвращаясь из луна-парка, мы увидели у берега большую яхту, которая, как мне объяснили, была плавучим «Монте-Карло». В первоклассно обставленных каютах играли в рулетку и другие азартные игры. Столь необычное место для азартных игр очень удивило, но знатоки объяснили, что американские законы не позволяют открывать игорные дома на суше, и хитрые дельцы нашли великолепный выход — они построили плавучий игорный дом, обойдя таким образом закон.

Климат Калифорнии гораздо жарче нашего, но я чувствовал себя прекрасно. Днем сухой, горячий воздух охлаждался ветром с океана. За ночь выпадало такое количество росы, что можно было ею умыться. В Калифорнии с начала февраля и до поздней осени не выпала ни одна капля дождя. Может быть, поэтому овощи там не так вкусны, как наши. Искусственное орошение не может заменить естественных осадков.

Не боясь непогоды, калифорнийцы строят почти все спортивные стадионы без крыш. Над олимпийским стадионом тоже не было крыши.

Меня печалило, что я не мог увидеть беговую дорожку, где должны были состояться состязания: до открытия Олимпиады никто не имел права переступить порог стадиона. Больше всего я боялся, что из-за жары дорожка будет слишком твердой, а я не привык к таким дорожкам.

Я приветствую своих земляков в Америке

Незаметно пролетели первые десять дней пребывания в Лос-Анджелесе, и не успел я оглянуться, как надо было ехать на вокзал встречать нашу олимпийскую команду. Из газет, которые уделяли много внимания нашей команде, я мог узнать все новости. В олимпийском костюме, в сопровождении семьи Даниэльских я поехал на вокзал. Как же я радовался, что через несколько минут смогу обнять своих товарищей! Только теперь я понял, как мне их не хватало...

Повинуясь инстинкту, я безошибочно разыскал вагон, в котором ехали наши спортсмены. Утомленные дорогой, немного помятые, наши спортсмены высыпали на перрон. Девушки вручили им цветы, а потом все направились к автобусам. Кругом раздавались шутки, смех, восклицания.

Я взял Клумберга и Хелиаша под руки и провел их к автомобилю Даниэльских. Больше всего на свете мне хотелось им показать, как хорошо я научился водить машину. Увидев мои умоляющие глаза, Даниэльский улыбнулся, подмигнул и уступил место за рулем. От радости я так лихо повел машину, что мы чуть не попали в катастрофу. Мы ехали по прекрасному шоссе с непривычно для нас оживленным движением. Вдруг какой-то мулат, вопреки всем правилам, резко вырулил прямо перед моим автомобилем. Я резко затормозил и чудом избежал столкновения. Сразу же, как из-под земли, появился полицейский и стал составлять протокол (в Америке очень строго карают нарушителей правил уличного движения), нас же он быстро отпустил. В Олимпийскую деревню, несмотря на задержку в пути, мы прибыли первыми. Только через полчаса приехали остальные члены команды, и мы, к нашему удовольствию, выступали уже в роли хозяев. У меня было прекрасное настроение, я много шутил, смеялся, и поэтому меня обидело замечание одного из руководителей нашей делегации:

— Видно, Кусочинский слишком весело провел время в Лос-Анджелесе. Как бы это не отразилось на результатах нашей команды...

Это было тем более неприятно, что я достаточно серьезно отнесся к своей миссии и ни одного дня у меня не пропало даром. Но уже через несколько минут я забыл о неприятном разговоре, погрузившись в хлопоты, связанные с размещением моих товарищей в домиках. Немного отдохнув, мы все отправились на тренировку. Первые минуты на стадионе показали, что наши спортсмены, особенно легкоатлеты, не в лучшей форме и на хорошие места рассчитывать не могут. Судя по тому, что мои коллеги избегали говорить о последних результатах, достигнутых на родине, я понял, что похвастаться им особенно нечем. Хелиаш показал не такой хороший результат, как перед своим отъездом. Плавчик же не смог показать даже свой минимум, несмотря на то, что старался выложиться до конца, Седлецкий тоже разочаровал.

Ничего удивительного, что руководство главное внимание уделяло легкоатлеткам Вайс и Валасевич, которые находились в прекрасной форме и могли рассчитывать на призовые места.

Сравнивая возможности нашей и других команд, невольно хотелось спросить: почему, снаряжая спортсменов в такой далекий и ответственный путь, нельзя было приложить максимум усилий для того, чтобы включить в команду лучших атлетов? Почему не увеличить таким образом шансы нашей команды? Клумберг, которого я, и не только я, считаю пророком, пребывал в отвратительном настроении, но старался скрыть его и ни с кем, кроме меня, не делился своими пессимистическими прогнозами.

Вечером наши спортсмены отдыхали. Моментально появились вездесущие фоторепортеры и журналисты, которые в основном очень дружелюбно отнеслись к нашим спортсменам.

После непродолжительного отдыха мы все принялись за работу. Команда тренировалась на выделенном специально для нас стадионе, я же, верный своей давней привычке, тренировался в одиночестве, выбирал иногда даже неурочное время и тренировался один. Прежде всего меня интересовали мои основные соперники — финны, но, к сожалению, ничего конкретного об их тренировке я узнать не мог. Правда, доходили слухи, что с утра до вечера они на беговой дорожке, но результаты свои тщательно скрывали. Даже журналисты и фоторепортеры не допускались на их стадион. Клумбергу все же удалось выяснить, что Исо-Холло, Лехтинен и Виртанен тренировались по нескольку раз в день, а Лехтинен иногда даже четырежды! Пожалуй, неудивительно, что при таком перенапряжении Лехтинену не удалось на Олимпиаде показать высокие результаты.

Пааво под запретом

Личность Нурми, как всегда, привлекала к себе внимание не только Олимпийской деревни, но и всей Америки. Правда, за несколько дней до начала Олимпийских игр в прессе появились заметки, что Нурми был дисквалифицирован за то, что он потребовал вернуть расходы, связанные с зарубежными поездками, и назвал сумму, далеко превышающую действительную. Особенно недоброжелательно была настроена немецкая печать, обвинявшая его в том, что он получает деньги за выступления. Мировая спортивная общественность верила, что великому бегуну удастся опровергнуть слухи и доказать свою принадлежность к любительскому спорту. Видимо, не будет преувеличением сказать, что 70% зрителей купили билеты, надеясь увидеть на беговой дорожке Нурми. Никто не допускал даже мысли, что он может не выступить на Олимпиаде.

Тем временем все сложилось иначе. Нурми был дисквалифицирован, так как в конце концов удалось доказать, что он получал вознаграждения за свои старты, и Америка была лишена сенсации, на которую она рассчитывала.

Я очень огорчился, когда узнал о дисквалификации Нурми. Ведь моей самой большой мечтой было встретиться с ним на беговой дорожке, на таком представительном соревновании, каким была Олимпиада! Я проклинал судей и весь мир, лишивших меня возможности помериться силами с величайшей звездой легкой атлетики. Даже предвкушение борьбы с такими знаменитостями, как Лехтинен и Исо-Холло, не могло мне вернуть хорошего настроения и вывести из состояния апатии, в которое привело известие о дисквалификации Нурми. Однако время лечит все раны. Как всегда, очень помог добрыми советами Клумберг.

Предаваться унынию не было времени. На следующий день я возобновил интенсивные тренировки, и достигнутые результаты не могли не радовать. Я убедился, что нахожусь в хорошей форме и могу рассчитывать на завоевание призовых мест.

За неделю до Олимпиады наша команда совершила поездку в горы, но я остался в деревне, решив поберечь силы для предстоящих соревнований. Через два дня была организована еще одна поездка — на остров Каталия, но и от этой поездки я отказался. Потом, правда, пожалел, когда мне рассказали, что у корабля было стеклянное дно и можно было видеть через него фауну и флору океана.

Единственным моим развлечением до начала Олимпиады были короткие автомобильные прогулки, причем мне самому позволяли вести машину. Помню, как на одной из таких прогулок у меня чуть не произошло неприятное столкновение с полицией.

Я поехал в Голливуд на премьеру фильма. В роскошных открытых машинах ехали кумиры публики, звезды экрана. Я недостаточно хорошо знал местные правила уличного движения и развил слишком большую

скорость. Сразу же появился полицейский, пригрозил мне составить протокол и наложить большой штраф за нарушение. Спасли меня друзья, объяснив, что я — иностранец и приехал на Олимпийские игры. Полицейский сжалился надо мной и отпустил с миром. Вообще, слова «участник Олимпийских игр» действовали магически и открывали все двери. В то время был выпущен даже специальный циркуляр, предписывавший всем по мере возможности всячески помогать олимпийцам и сделать их пребывание в стране возможно более приятным.

А на премьеру фильма мне все же попасть не удалось. Во-первых, входной билет стоил целых пять долларов; во-вторых, у меня уже не оставалось времени. Меня восхищал интерес жителей Лос-Анджелеса ко всем новостям киноискусства, они не уставали приветствовать своих кумиров, просили автографы, дарили цветы.

За несколько дней до Олимпиады одна радиоккомпания организовала специальную радиопередачу, посвященную предстоящим Олимпийским играм, в которой представители каждой страны должны были сказать несколько слов. Руководство нашей делегации поручило мне произнести небольшую речь. Я очень волновался, когда увидел несколько больших автомобилей, на которых приехали представители компании. Нас всех усадили в эти автомобили, и мы поехали в студию, где в алфавитном порядке должны были выступить. Перед каждым выступлением играли гимн страны. Когда настала моя очередь, я от волнения охрип. Представляю, как выглядело мое выступление...

Как назло, за несколько дней до Олимпиады меня снова стали мучить ревматические боли в ноге. Бартенбах объяснял это влажным климатом. Мною занялся доктор Поташ, наш земляк, у которого была своя клиника в Лос-Анджелесе. К сожалению, уже не оставалось времени на основательное лечение, надо было применять самые радикальные средства. Меня спас генерал Рупперт, давший великолепное лекарство.

К нам приходило колоссальное количество писем, с утра до вечера нас осаждали болельщики с просьбами об автографах. Ведь было объявлено, что собравший наибольшее количество автографов получит премию 1000 долларов.

Так проходили дни до открытия Олимпиады. Если бы не боль в ноге, все было бы прекрасно. Я продолжал усиленно тренироваться, стараясь сделать все, что в моих силах, чтобы оправдать возложенные на меня надежды. Напряжение достигло кульминационной точки. Лос-Анджелес заполнили гости, настолько, что трудно было пройти по улицам. По определению американской печати, в «Город ангелов» прибыло больше 200 тысяч человек и почти 100 тысяч автомобилей.

На Олимпиаде присутствовало около 1000 журналистов. В основном это были представители американской прессы, но каждая страна тоже привезла с собой журналистов. Организаторы X Олимпиады сделали все от них зависящее, чтобы облегчить нелегкую миссию иностранных и отечественных представителей прессы. В специальной ложе разместились учетчики, которые после каждого соревнования

регистрировали результаты. Кроме того, были подключены телефонные аппараты для междугородных переговоров, расширены почта и телеграф.

Уже за день до Олимпиады все билеты на ее открытие были проданы. Толпы людей стояли у касс в очереди за билетами на следующие дни соревнований.

И вот последняя пятница и последняя тренировка команды. День пролетел незаметно, и в субботу с утра мы стали готовиться к открытию Олимпийских игр. Хелиаша, Плавчика и меня освободили от участия в параде, так как назавтра нам предстояло выйти на старт. Мы решили воспользоваться свободным временем и утром еще раз потренироваться. Я остался доволен своей последней тренировкой. Три километра пробежал за 8.58,0, не почувствовав и доли усталости.

В зените славы

Около часу дня мы с Плавчиком и Хелиашем сели в автобус и поехали на стадион. Трудно описать, что там делалось! Огромная чаша стадиона была до краев заполнена зрителями. Многоязычный говор, яркая одежда. Над стадионом кружил огромный дирижабль. На трибунах встретил много знакомых, тут же были и финны, которых, как и нас, освободили от парада. У меня был с собой фотоаппарат, и я, конечно, не мог им не воспользоваться. Наконец трибуны затихли, раздались звуки оркестра, и в почетной ложе появился вице-президент Соединенных Штатов, который от имени президента Гувера должен был открыть X Олимпийские игры. Вместе с ним появились члены правительства и дипломатический корпус.

На огромном стадионе выстроились команды в алфавитном порядке с командой Греции во главе.

После марша вице-президент страны произнес речь, закончив ее словами: «X Олимпийские игры объявляю открытыми». На огромную олимпийскую мачту поднимают флаг Соединенных Штатов Америки, а также олимпийский флаг с пятью разноцветными кольцами на белом фоне.

Затем появляется основатель современных олимпийских игр барон Пьер де Кубертен. Его долго приветствуют зрители и участники Олимпиады. После выступления Кубертена офицер американских военно-морских сил Кальнан, фехтовальщик, участник четырех олимпиад, произносит слова присяги, которые за ним повторяют все олимпийцы. Затем пушечные залпы орудийного салюта оповещают город об открытии Игр.

Под звуки оркестра начинается парад. Как я уже говорил, в алфавитном порядке перед трибунами проходят в праздничных костюмах все команды. Ровный, упругий шаг, молодые улыбающиеся лица. Наконец доходит очередь и до наших спортсменов. Одетые в темно-синие пиджаки и белые брюки, мои соотечественники выглядят весьма живописно. Во главе делегации с польским флагом идет варшавский гребец Шлензак. Сразу же за ним идут руководство команды, три наши девушки и остальные спортсмены, выстроенные по четыре в ряд. На трибунах раздаются возгласы:

— Хелло, Польша! Браво, Польша!

Шум умолкает, и самый большой в мире хор, насчитывающий более 2000 человек, поет американский гимн. Торжественное открытие Олимпийских игр продолжалось около трех часов. На основном стадионе в этот день не состоялось никаких соревнований, лишь вечером в «Атлетик аудиториум» начали свой спор за олимпийские медали тяжелоатлеты. Легкоатлетические соревнования были намечены на следующий день. Из нашей команды в них должны были участвовать Плавчик, Хелиаш и я в беге на 10 000 м.

Вернувшись в Олимпийскую деревню, я поужинал, а потом вместе с Хелиашем пошел в гости к Даниэльским. Хотелось хоть немного отвлечься от завтрашних соревнований, и мне почти это удалось. Мы с Хелиашем были в прекрасном настроении и по дороге в гости, к удивлению прохожих, даже выделяли танцевальные па. Около 11 часов мы уже вернулись в деревню. Здесь приставали к нам с советами и поучениями, объясняли, какую тактику применить завтра. Я постарался возможно деликатнее отделаться от доброжелателей, дав им понять, что такие разговоры только нервируют и не приносят никакой пользы.

Перед сном нам представилась возможность еще раз пережить волнующие мгновения открытия Олимпиады... в кино. Вечер был очень торжественный еще и потому, что мы впервые принимали в Олимпийской деревне спортсменов, приехавших посмотреть фильм. Перед показом барон де Кубертен произнес пламенную речь, адресуя ее собравшимся спортсменам.

Еще не было и 12 часов, а я уже лежал в постели. Как ни странно, мне удалось довольно быстро заснуть. Рано утром я обещал зайти за Вайс, чтобы вместе отправиться в польский костел, который находился в городе, поэтому быстро встал, сделал гимнастику, позавтракал и выскочил из домика. Меня уже ждал Возник на своем элегантном двухместном «бьюике». Я сел в машину, и мы помчались к домику, где жили спортсменки, забрали Ядю и поехали в костел послушать службу.

После обеда вся наша команда отправилась на стадион, потому что Хелиаш и Плавчик участвовали в первых соревнованиях, я же остался в деревне, решив побереечь нервы и приехать прямо на старт.

Два свободных часа решил посвятить написанию писем. Перед самым отъездом на стадион узнал о неудачном выступлении Хелиаша. Бедняге не хватило двух сантиметров, чтобы попасть в финал.

На стадионе я нашел Клумберга и отправился с ним в раздевалку, переоделся и хотел выйти на беговую дорожку, чтобы опробовать ее, но меня туда не пустили. Пришлось разминаться на газоне, окружавшем стадион. После разминки Клумберг старательно меня помассировал, и за 15 минут до старта я вместе с восемнадцатью другими спортсменами из объявленных двадцати шести выхожу на старт. Не явился аргентинец Забала, видимо желавший сберечь силы для предстоящего марафона, и француз Роше, который хотел выступить в беге на 5000 м. Самым серьезным соперником я считал Исо-Холло, о котором совсем недавно так лестно отозвался великий Нурми и даже назвал его своим преемником. Когда один из журналистов обратился к Нурми с просьбой сказать несколько слов обо мне, он ответил: «Поляк не дорос еще до финнов и не может им, и в особенности Исо-Холло, серьезно угрожать».

Как и предполагалось, бег на 10 000 м стал сенсацией для жаждущей сильных ощущений публики. Перед стартом раздали номера. Мне достался номер 364, который я счел счастливым для меня, так как сумма цифр дает число 13, а оно благосклонно ко мне. Первый рекорд я

установил также под номером 13. Перед бегом всех нас выстроили в одну линию, я — во втором ряду от бортика около Виртанена и Исо-Холло.

После выстрела стартера сразу же делаю рывок и возглавляю всю группу. За мной бежит швед Линдгрэн, третьим — финн Пентти, выступающий за США, четвертым — японец Китамото. Дальше бегут Севидан, Исо-Холло, Виртанен и другие. Уже первый круг, который я пробежал за 66 секунд, показал, что не все могут выдержать мой темп. На втором круге картина изменилась, за мной теперь бежали Исо-Холло и Севидан. Круг был пройден за 69 секунд, я по-прежнему лидировал. Исо-Холло, желая, видимо, проверить мою тактику, предпринимает несколько спуртов. На прямой он идет вровень со мной, давая понять, что хочет меня опередить. Я легко выдерживаю его попытки атаковать и не пускаю его вперед. На третьем круге Линдгрэн и Сиринг не выдерживают моего темпа и остаются позади. Они, по-видимому, уже не будут играть сколько-нибудь заметной роли в беге. Зато Виртанен, который держался все время позади, вдруг вырвался вперед и дошел до Исо-Холло. Дальше мы уже бежим втроем. Третий круг я пробежал несколько хуже — за 72 секунды.

Чтобы не снижать общего темпа, я немного ускоряю бег, решив еще до забега — независимо от того, проиграю или выиграю, — показать время на всей дистанции в границах 30 минут. А для этого надо пробежать круг за 68—70 секунд.

Первый километр пробежал за 2.51,0. Все еще лидируя, я раздумывал, какую же тактику применят на этот раз финны? Удастся ли им «запереть» меня? В том, что они предпримут такую попытку, я не сомневался и еще до отъезда в Лос-Анджелес решил разыграть бег на темп и не изменил по приезду своего решения. Я надеялся, таким образом, если не Исо-Холло, то хотя бы Виртанена вымотать так, чтобы на финише мы были не втроем, а вдвоем, хорошо понимая, что если Виртанен продержится около нас до последнего круга, я пропал.

На четвертом круге, развивая на вираже скорость, быстрым спуртом меня обходит Исо-Холло. Угадав его маневр, я моментально парализую его после 200 м, на следующем вираже в контратаке выхожу вперед. Мы пробежали всего 1600 м, а спортсмены растянулись уже более чем на 60 м. Виртанен, Линдгрэн, Сиринг и Севидан идут почти вплотную за нами. Китамото и Пентти отстали метров на тридцать. Время четвертого круга — 70 секунд. Первые 1500 м я пробежал за 4.17,0.

На пятом круге Исо-Холло без всякого сопротивления с моей стороны снова меня обходит. Остальные бегут в той же очередности. Пробегая после этого круга линию старта, я взглянул на секундомер: 5.48,5. Все в порядке. Я пока следую намеченному плану. Сохраняются даже шансы побить мировой рекорд, то есть пробежать дистанцию меньше чем за 30 минут.

Вдруг я с удивлением увидел, что Исо-Холло резко замедляет бег. «Ага, — подумал я, — испекся, голубчик!» Тактика Исо-Холло была ясна. Видя, что Виртанен отстал, Исо-Холло решил подождать его и

продолжить борьбу втроем. Я, естественно, не мог смириться с такой тактикой, хорошо понимая, чем мне это грозит, пытаюсь обойти Исо-Холло, но он не пускает меня. Лишь на противоположной прямой удается опередить его и тут же увеличить темп. Время круга — 73 секунды. Маневр Исо-Холло моментально сказался на результате. Все бегуны разделились на четыре группы. В первой бежим мы втроем, во второй Севидан пытается обогнать Линдгрена, третья группа отстала на 30 м от второй и на 70 м от меня. В нее входят Брикер, Отти, Пентти и Китамото, в четвертой вразбивку бегут спортсмены, оставшие на 100 и более метров.

После шестого круга, пожалуй, никаких изменений. Я еще увеличиваю темп, стараясь вымотать своих соперников и надеясь таким образом от них оторваться. Если бы это удалось, рекорд, без сомнения, принадлежал бы мне. Исо-Холло, видя, что я разгадал его тактику, оставил инициативу в моих руках и позволил мне вести бег до шестого километра. Так мы проходим седьмой, восьмой и девятый круги приблизительно за 73 секунды каждый.

Виртанен по-прежнему старается держаться рядом с нами, но это только начало бега. Уже ясно, что он не в состоянии выдержать нашего темпа, и действительно, как потом оказалось, он не сыграл заметной роли в беге.

На десятом кругу расстояние между нами и остальными бегунами уже составляет несколько десятков метров и почти с каждым шагом все увеличивается. Мы пробегаем круг, как и раньше, за 73 секунды.

Одиннадцатый круг преодолевается в той же очередности за 74 секунды. Я по-прежнему лидирую. Двенадцатый круг — 73 секунды.

На тринадцатом кругу пытаюсь оторваться от финнов, увеличиваю темп и опережаю на целый круг бегуна из Бразилии. Финны, видно, еще не очень устали и выдерживают мою атаку, продолжая держаться поблизости. Одиннадцатый круг — 72 секунды, 5000 м—14.54,5. Это своего рода рекорд. Ведь такое время еще никогда не показывали на первой половине десятикилометровой дистанции. Нурми, которому принадлежит мировой рекорд на этой дистанции, пробежал первые пять километров за 15 минут, следующие пять — за 15.06,0. Когда я увидел на своем секундомере 14.54,5, то даже засмеялся от радости. Показав такое прекрасное время, я даже не предполагал, что буду чувствовать себя свежим и сильным. Мне даже казалось, что следующие пять километров пробегу за меньшее время.

После четырнадцатого круга я по-прежнему впереди, сзади идет напряженная борьба за остальные места. Время остается почти неизменным — круг за 73 секунды с долями.

На пятнадцатом кругу вдруг чувствую легкую боль в ступнях, которая увеличивается почти с каждым метром. Пришлось немного снизить темп, но, несмотря на это, я по-прежнему впереди. Время круга — 75 секунд.

Исо-Холло, конечно, ощутил разницу во времени и, наверное, подумал, что я начинаю сдавать. Он ускоряет бег, атакует и обходит меня. Я не принимаю вызова, пропускаю его вперед, но атаку его выдерживаю с честью. Виртанен же отстает на пять метров. Время круга снова 73 секунды.

У меня появляется предчувствие какой-то беды. Ступни причиняют невыносимую боль, я как будто иду босиком по раскаленным гвоздям. Если Исо-Холло заметит мое состояние, я проиграл. Туфли, очень удобные не траве, на твердой беговой дорожке жмут немилосердно. А тут еще жара, ноги разогрелись и опухли.

Главная задача — не показать, что я на грани катастрофы. Я стискиваю зубы и на восемнадцатом кругу выхожу вперед. Таким образом мы проходим еще три круга (72, 73 и 74 секунды). Виртанен, старавшийся из последних сил держаться за нами, совсем выдыхается и отстает. Нас уже разделяют несколько десятков метров. Мы обгоняем на целый круг Линдгрена, Сиринга и Родригера. С последним произошел забавный случай. Когда он увидел, что мы к нему приближаемся, то ни с того ни с сего стал спринтовать приблизительно 200 м, а потом словно остановился. Через некоторое время мы обошли его во второй раз. Виртанен совсем выбился из сил и отстал от нас более чем на 70 м. Я мог поздравить себя с удачно выбранной тактикой.

Последние три круга в убийственном темпе причинили мне невыносимые страдания, которые трудно описать. Я убежден, что если бы на этих кругах Исо-Холло обогнал меня, я бы наверняка проиграл. Я не был способен вести борьбу на двух фронтах — с ним и с собой. Из этой борьбы я вышел победителем, но в состоянии полнейшей апатии. Я уже даже не смотрел на секундомер, и все мысли о рекорде вылетели из головы.

На двадцать втором кругу я замедлил бег, решив пропустить вперед Исо-Холло. Он не принял моего вызова. Исо-Холло понял, что я специально замедляю темп, стараясь сохранить силы на последний рывок. Он делает то же самое, но вскоре все же вынужден был выйти вперед. Мы обходим Линдгрена, который пристроился к нам и старается придерживаться нашего темпа. Виртанен, несмотря на то что этот круг мы пробежали медленней всего (за 81 секунду), остается далеко позади. Расстояние между нами почти 100 м.

Исо-Холло, став лидером, начинает ускорять темп. Я как тень следую за ним. От невыносимой боли уже никого и ничего не вижу, ничего не слышу. Передо мной маячит только голубая майка, которая притягивает как магнит. Двадцать третий круг — 76 секунд. В таком же порядке начинаем и двадцать четвертый круг. Исо-Холло бежит размеренным, длинным шагом. На первый взгляд может показаться, что он так же свеж и полон сил, как и на первых кругах. Но, конечно, это не так. Линдгрэн, который столько времени был рядом, наконец не выдержал и отпал окончательно. Я по-прежнему стараюсь держаться голубой майки. В голове стучит: «выдержишь ли?»

Боль в ногах усилилась, и мне с трудом удастся сдерживать стоны. Я продолжаю бежать стиснув зубы за Исо-Холло, не уступая ни одного сантиметра. Так мы проходим вираж, затем еще один и выходим на прямую. Виртанен совсем отстал. Круг мы проходим за 74 секунды, то есть намного лучше предыдущих кругов.

Но вот наконец долгожданный звонок. Я словно забыл и о боли, и об усталости и рванулсЯ вперед. Ведь это последний, двадцать пятый, круг! Мною владела одна мысль: «Победить!» В мгновение я поравнялся с Исо-Холло, который в этот момент предпринял финишный рывок. Я подумал, что если он сейчас начал финишировать — он проиграл. После двадцати четырех кругов даже Исо-Холло не сможет выдержать такой скорости, тем более что он вспотел, майка прилипла к телу. Я же непонятно отчего вдруг почувствовал себя свежим и бодрым, как будто бы бег только начинался.

Несколько десятков метров мы бежим бок о бок. На вираже Исо-Холло незначительно опережает меня, но на прямой я обхожу его почти без борьбы. С каждым метром я все увеличиваю темп, но еще не делаю финишного рывка, опасаясь, что мои ноги под конец могут выкинуть какой-нибудь фокус.

Вдруг в 250 м от финиша меня обошел какой-то спортсмен в белой майке. Откуда он здесь взялся? Вначале мне даже показалось, что это Исо-Холло, и я принял его голубую майку за белую. Но нет! К счастью, это оказался бегун, отставший от нас больше чем на круг. Нервы мои не выдержали, и я начал финишный рывок, моментально оторвавшись от Исо-Холло. Я обхожу спортсмена в белой майке, развивая убийственный темп. Теперь уже не сомневаюсь в победе, оглядываюсь. Исо-Холло отстал на несколько метров, я еще ускоряю бег, но меняхватило только на несколько метров. В 50 м от финиша после такого тяжелого круга, нервного напряжения, когда я обо всем забыл, даже о невыносимой боли, она ко мне вернулась с новой силой. Я вынужден был на мгновение остановиться, еще раз оглянувшись, увидел Исо-Холло метрах в двадцати. Я замедляю бег и почти трусцой дохожу до финишной ленточки, рву ее, показав время 30.11,4.

Исо-Холло приходит вслед за мной, отстав всего на восемь метров. Последний круг я прошел просто феноменально — за 60,4 секунды!

Когда пересек линию финиша, то не знал, что с собой делать. Меня охватило странное чувство, которое никогда в жизни не испытывал. В первый момент не было сил даже радоваться победе. Единственным желанием было сбросить туфли. Мне это, однако, почти не помогло. Мягкая земля, на которой я стоял голыми ступнями, жгла. Я бы с удовольствием посидел, но в тот момент не мог позволить себе такую роскошь. Только теперь я увидел трибуны. Все поднялись с мест, аплодировали, кричали, свистели. Польская колония кричала громче всех, размахивая бело-красными флажками. Потом ко мне молча подошел Исо-

Холло и подал руку. Через минуту то же сделали Лехтинен, Виртанен и другие бегуны.

Хочется как можно скорее уйти в раздевалку, но не тут-то было. Меня тянут к микрофону. Ноги так болят, что в глазах темно. С трудом удается выдать из себя несколько слов: «Я счастлив, что внес свой скромный вклад в историю польского спорта».

Через несколько минут я наконец оказался в раздевалке в объятиях друзей. Капитан Бартенбах начал осматривать мои ноги. Они были в ужасном состоянии, под пальцами и ступнями выступили кровавые мозоли. Бартенбах занялся перевязкой, но тут пришли со стадиона, и пришлось ему прервать работу. Надо было выйти на поле, где предстояла церемония награждения. Я встал на пьедестал почета, слева стоял Исо-Холло, справа — Виртанен. Оркестр заиграл польский гимн.

Много раз я слышал за границей наш гимн, но никогда еще он не казался таким милым сердцу, таким прекрасным. Я с трудом сдерживал слезы счастья и смотрел в сторону польской колонии, зная, что они переживают то же самое, что и я.

По окончании церемонии меня наградили золотой олимпийской медалью. Снова трибуны взорвались криками и аплодисментами.

Я вернулся в раздевалку, быстро переоделся, затем меня на руках отнесли в машину: на свои бедные больные ноги я уже не мог ступить. Через несколько минут мы уже были в Олимпийской деревне. Сходив в баню и побывав у массажиста, снова попал в заботливые руки Бартенбаха, который всерьез занялся моими ногами. Доктор, внимательно осмотрев меня, заявил, что о дальнейших выступлениях на Олимпиаде не может быть и речи. Лечение может продлиться несколько дней, а предварительные забеги на 5000 м должны были состояться через два дня, и если я не буду в них участвовать, меня не допустят в финал.

А теперь немного статистики. Время каждого круга я уже называл. Из двадцати пяти кругов лишь семь лидировал Исо-Холло. Вся тяжесть бега пала на мои плечи. Первый километр я пробежал за 2.51,0, первые два километра — за 5.48,5. Три километра были пройдены за 8.49,0, пять — за 14.54,5, шесть — за 18.02,0, восемь — за 24.06,0. Мой результат, показанный на всей дистанции,— 30.11,4. Это время являлось новым олимпийским рекордом и новым рекордом Польши. От мирового рекорда меня отделяли 5,4 секунды.

После бега я взвесился и ахнул от удивления: похудел на два с половиной килограмма! Впервые в жизни физическое напряжение так отразилось на моем организме. Тогда я весил меньше 60 килограммов.

Надо ли говорить о значении моей победы на Олимпиаде для престижа польского спорта! Лично меня очень радовали два обстоятельства: наконец мне, единственному спортсмену в мире, удалось доказать, что возможно победить финнов на длинных дистанциях. Ведь на всех предыдущих олимпиадах у них не было соперников. С другой стороны, я был первым поляком, увенчанным лавровым венком. Это тем

более приятно, что наши спортсменки уже не будут иметь повода упрекнуть мужчин в том, что они не завоевали ни одной золотой медали для страны и что только женщины выступали на европейском и мировом уровне.

Триумф Стаси

Вечером почувствовал себя еще хуже, часто просыпался. На следующий день я вообще не выходил из домика и провалился в постели. С утра пришел доктор Бартенбах и сменил повязку. Меня навещали коллеги и знакомые иностранные спортсмены. Настроение было отвратительным, голову будоражила мысль: «Что будет дальше? Что делать с больными ногами на беговой дорожке?» Вечером опять пришел доктор и еще раз сделал перевязку. Боль немного утихла.

А тут еще до меня дошли слухи, что некоторые считают мою болезнь вымышленной и думают, что я просто боюсь участвовать в соревнованиях на 1500 и 5000 м. Но свидетелем моих страданий была вся наша команда, не говоря уже о докторе Бартенбахе, который категорически запретил мне выступать в соревнованиях и даже тренироваться.

Нашлись и такие, которые утверждали, что спортсмен, да еще такой опытный, не мог бежать в новых туфлях. Они не знали, что туфли, привезенные из Польши, были приспособлены к нормальным беговым дорожкам, эластичным, таким, к которым я привык в Европе. Они были с длинными и толстыми шипами и совершенно не годились для твердой беговой дорожки в Лос-Анджелесе.

На следующий день проснулся очень рано. Боль в ступнях уже не так дожимала меня. Попытался пройти несколько шагов, но понял, что переоценил свои возможности. На всю ступню невозможно было наступить, я мог передвигаться только на пятках.

Очень хотелось знать, что происходит на стадионе, и в специально выделенной машине я поехал на Игры. Особенно хотелось увидеть бег Валасевич. Стася бежала во второй половине дня, без труда завоевав право выступить в финале. Вечером вернулся в деревню, где меня ожидали многочисленные поздравительные телеграммы. Я понимал, что, несмотря ни на что, не имею права совсем забросить тренировки и мне надо бегать хотя бы на траве, а не сидеть в бездействии, жалеть себя и ждать, пока мышцы окончательно потеряют эластичность. И все же на некоторое время пришлось смириться с обстоятельствами. Единственной отдушиной были поездки на стадион, где я мог восхищаться спортсменами мирового класса. Восторг и уважение вызывала у меня прежде всего Валасевич. Эта девушке поражала своим трудолюбием. Как в предварительном забеге, так и в полуфинале Стася заявила о себе как о самой быстрой женщине в мире.

Трудно было спокойно сидеть на трибуне, когда метала диск Вайс. Она очень нервничала. Совсем недавно она легко бросала диск за 40 м, теперь же не сделала ни одного удачного броска. Два первых — хуже 37 м, а третий — на 38 м. К счастью, она вышла финал с результатом 38 м 12 см, у Осборн было 40 м 12 см.

В результате Вайс заняла третье место, сделав бросок на 38 м 74 см. В этом соревновании принимала участие также Валасевич и заняла шестое место.

Мне было очень жаль Ядю, которая, узнав о своем поражении, даже заплакала. Нервы оказались сильнее воли. Она не сумела справиться с волнением и показать хорошие результаты на таком представительном соревновании. Такая нагрузка ей оказалась не под силу.

В этот же день состоялись предварительные забеги на 5000 м. Я не пошел на стадион даже в качестве зрителя. Только спортсмен может понять, как обидно со стороны смотреть соревнования, в которых ты сам должен участвовать. Я убежден, что Нурми больше страдал, чем спортсмены, потерпевшие поражение.

Через несколько дней только один поляк — Седлецкий мог продолжать соревнования, хотя он и тяжелее всех перенес последствия морской болезни и совершенно потерял форму. Вдобавок ко всему он за три дня до старта на тренировке оступился и повредил ногу. Он был и физически и морально надломлен.

Постепенно я приходил в себя, и, что самое главное, уже мог свободно передвигаться. Казалось, немного подлечившись, я смог бы принять участие в финале бега на 5000 м. Но в день финала пришлось ограничиться ролью зрителя. Я вспомнил, что уже был в подобной ситуации: бежали Петкевич и Нурми в Варшаве, а я сидел на трибуне, потому что тогда еще не дорос до таких соперников. Правда, на этот раз ситуация была несколько иной. Фаворитами бега были Лехтинен и Виртанен. С американцем Хиллом тогда никто не считался, хотя он сразу же, с первых кругов, предложил высокий темп, все время держась рядом с Виртаненом и Лехтиным.

Тактика Хилла заинтересовала меня, я даже начал нервничать, как будто сам принимал участие в беге. Приближался финиш, а Лехтинен и Хилл бежали вровень. Я сначала даже не понял, кто из них разорвал ленточку. Когда объявили, что победа присуждена финну, на трибунах поднялась буря негодования. Диктор, успокаивая публику, вынужден был напомнить об обязанностях гостеприимных хозяев...

Как говорили на стадионе, Лехтинен на финише широко расставил локти и не пропустил американского спортсмена.

В это же время проходили соревнования десятиборцев, среди которых был и Седлецкий. После первого дня он оказался в первой десятке, но ему для этого пришлось приложить максимум усилий. Во второй день он не выдержал и выбыл из соревнований после прыжков с шестом.

Между тем в Лос-Анджелесе произошел забавный случай. Когда я с Хелиашем прогуливался недалеко от деревни, к нам подошел известный американский менажер и предложил заключить с ним сделку. Он сказал, что я получу 50 000 долларов за десять выступлений с Нурми в разных городах Америки. Я, конечно, категорически отказался.

Вернувшись в деревню, я узнал, что наше руководство согласилось на выступление команды на обратном пути в Чикаго. Пришлось снова серьезно подумать о тренировке.

Лехтинен гибнет от своего же оружия

Наступил день отъезда. Мне уже было лучше, хотя мое теперешнее самочувствие нельзя было и сравнить с тем, что было, когда приехал на Олимпийские игры. Но я не терял надежды интенсивными тренировками вернуть былую форму и с честью выступить на чикагском стадионе. Пришлось все свободное время посвятить тренировкам. Даже во время длительных остановок поезда выходил на перрон и тренировался, пользуясь любезным разрешением начальника станции.

В Чикаго мы приехали за четыре дня до соревнований. В городе стояла удушающая жара, поэтому организаторы решили назначить состязания на 20 часов: вечером все-таки немного прохладней, правда, придется бежать при искусственном освещении.

С особым нетерпением ждал бега на 5000 м. Хотелось доказать Лехтинеу, что в Лос-Анджелесе я не стал с ним соревноваться потому, что был болен, а не потому, что его боялся.

Тут произошла неприятная заминка из-за столкновения с финнами. Я был заявлен на дистанциях 1500, 5000 и 10 000 м, но в последний момент узнал, что финны согласились выступить лишь в том случае, если на 5000 побегут Лехтинен с Хиллом, а я выступлю только в беге на 10 000 м.

В раздевалке я встретился с Лехтиным. Он очень удивился, когда увидел, что я переодеваюсь в спортивный костюм. Жестами он стал объяснять, что я зря утруждаю себя, потому что не буду бежать на 5000 м. В это время в раздевалку вошел Клумберг и объяснил финну, что поединок состоится именно со мной, как это и было ранее обусловлено. Я увидел, что такая новость была воспринята Лехтиным без особого энтузиазма.

Потом в раздевалке стали происходить странные вещи. Лехтинен подошел к Клумбергу и заявил, что со мной он не побежит. По его словам, должны были состояться два забега на 5000 м, в одном побегу я с Виртаненом, в другом — Лехтинен с Хиллом.

В раздевалке поднялся шум, посыпались взаимные обвинения. Появился один из наших руководителей, капитан Баран, который заявил, что по уставу Международной федерации легкой атлетики на одних и тех же соревнованиях не могут проводиться два забега на одну дистанцию.

Это заявление очень не понравилось финнам, но капитан Баран решительно сказал, что если состоятся два забега на одну и ту же дистанцию, он подаст жалобу в Федерацию.

Все это взволновало меня и отбило всякое желание бежать. Я стал одеваться и хотел покинуть раздевалку. Напряженную обстановку удалось разрядить Клумбергу, который вместе с капитаном Бараном отправился к главному судье и объяснил ему ситуацию. Тот очень удивился, узнав, что финны устроили скандал, и признал нашу правоту.

Перед забегом капитан Баран сказал:

— Ты должен стать тенью Лехтинена, не отпускай его ни на минуту и начинай финишный рывок с ним одновременно. Ни на кого не обращай внимания и ничего не бойся.

В это время известие о нашем столкновении дошло до трибун и вызвало неприятные комментарии по адресу финнов.

— Как же так,— спрашивали американцы,— рекордсмен мира, олимпийский чемпион — и боится помериться силами с поляком?

Но вот наконец я на старте. Сердце от волнения готово выскочить из груди. Выстрел. Борьба началась. Я сразу же вырываюсь вперед. Так мы бежим несколько сотен метров. Вдруг, сделав резкий рывок, вперед выходит Лехтинен, он сразу же отрывается метров на десять и пытается навязать просто невероятный темп. Если его придерживаться, то 5000 м можно пробежать за 14 минут, то есть установить мировой рекорд. В первый момент я не понял маневра Лехтинена. Все произошло так неожиданно, что я даже растерялся и сбился с темпа. Видимо, финн решил: «Пусть я проиграю, но и тебе не дам победить! Пусть победа достанется третьему!»

«Пусть так,— подумал я.— Посмотрим, что у тебя получится...» Я принимаю вызов Лехтинена и ускоряю бег. Мы бежим круг за кругом, и расстояние между нами все уменьшается, вместо того чтобы увеличиваться, как, очевидно, рассчитывал мой соперник.

После двух кругов мне удается вернуть потерянные десять метров. На пятом кругу я хотел обойти Лехтинена справа. Но что это? Я даже глазам своим не поверил... Финн замедлил темп и сошел с беговой дорожки! Я всего ожидал, но чтобы чемпион олимпийских игр сошел с дорожки...

Безмерно удивленный, я продолжал бежать, хотя уже не с прежним пылом. С кем мне было бороться? Виртанен и Хилл остались далеко позади. Зрители быстро сориентировались в обстановке и стали криками и свистом выражать свое возмущение.

Из-за маневра Лехтинена я совершенно сбился с темпа. В 600 м от финиша до меня снова донеслись возгласы с трибун. Я понял, в чем дело. Хилл догонял меня. 200 м мы бежим рядом, иногда я немного вырываюсь вперед. В начале последнего круга американец предпринимает атаку и обходит меня под оглушительные крики и аплодисменты, которые должны были поддержать Хилла, помочь ему одержать победу, но вместо этого принесли поражение, так как они подстегнули меня и я принял вызов Хилла. Я собрал все силы для финишного рывка, обогнал американца и пересек ленточку финиша, оставив его в двадцати метрах сзади. Хилл был так вымотан, что не сумел противостоять моей контратаке.

После бега объявили, что мое время 14.59,6. На моем же секундомере, на секундомерах Клумберга и капитана Барана стрелка показала 14.52,0.

Затем бежала Стася Валасевич, которая выиграла состязания в беге на 100 и 200 м. Хелиаш и Плавчик по-прежнему находились не в

лучшей форме и выступили неудачно. Зато Ядя Вайс полностью реабилитировала себя за неудачные выступления на Олимпийских играх. Начала она, правда, снова с неудачи и в первом броске едва перешла границу 38 м. До пятого броска лидировала олимпийская чемпионка американка Дидриксон. И вдруг, в пятой попытке, Вайс метнула диск на 41 м 98 см, установив новый мировой рекорд!

Соревнования в Чикаго позже назвали «малой Олимпиадой», она принесла нам полный успех. Участвовали 16 государств, мы заняли второе место, после США. Трудно описать радость и энтузиазм чикагских поляков. Они на руках вынесли нас со стадиона.

С того момента с утра до вечера мы были заняты банкетам, приемами, экскурсиями, которые нас очень утомили. Для меня эти торжества были особенно напряженными, потому что часто приходилось говорить речи, а оратор я неважный. Речи меня, пожалуй, больше изматывали, чем самые сложные соревнования.

Из Чикаго мы поехали в Филадельфию. Когда поезд въезжал на перрон, я выглянул в окно и застыл от удивления: нас встречала большая группа людей. Такую встречу организовали нам представители местной польской колонии. Под звуки марша нас вынесли из вагонов к автомобилям, и яркая кавалькада поехала по городу. Впереди шла машина, украшенная польским к американским флагами. Все это было очень трогательно, но и утомительно. Затем нас пригласили на торжественный обед, а вечером на банкет.

Я был счастлив, когда наконец оказался в поезде, направляющемся в Нью-Йорк.

В порту нас ожидал приятный сюрприз. Бургомистр города предоставил в наше распоряжение свою яхту, чтобы мы могли посмотреть на работу порта. Ни одна европейская делегация не была удостоена такой чести.

Несмотря на доброжелательное отношение американцев, я с нетерпением ждал отплытия парохода, и, когда поднялся на борт «Пуласки», мне показалось, что я уже дома. По сравнению с «Мавританией» это был небольшой корабль, но над ним развевался родной польский флаг, все было польское, свое...

Наконец заревела сирена, оркестр исполнил государственные гимны, провожающие замахали платочками и флажками, и мы отплыли.

Некоторое время я оставался на палубе. Небоскребы исчезли за горизонтом, остались только воспоминания. Я возвращался на родину олимпийским чемпионом, но понимал, что должен стать еще требовательнее к себе, золотая медаль ко многому обязывает. Как сложится жизнь дальше? Тысячи мыслей теснились в голове. Так ничего и не решив, отправился в каюту. Хотелось одного: поскорее заснуть.

На следующее утро проснулся очень рано. «Пуласки» приближался к порту Галифакс. Мне захотелось сойти на канадскую землю и осмотреть город, но капитан Кнетген, очень милый человек,

объяснил, что Галифакс маленький городишко, не заслуживающий внимания.

Мы вышли в открытое море, взяв курс на Копенгаген. Я уже успел познакомиться со всей командой и чувствовал себя на корабле как дома. Больше всего нравилось бывать в радиорубке: приятно было раньше всех пассажиров узнать о том, что нового происходит в мире, на родине! Постепенно я превратился в «живую газету». Однажды слушал передачу спортивных новостей из Варшавы и узнал, что нас ожидают три легкоатлетические международные встречи и все они должны состояться в течение одной недели в Праге, Вене и Будапеште. Вот те на! Надеялся как следует по возвращении отдохнуть, а тут, оказывается, три сложнейших состязания! Что касается Чехословакии, то, пожалуй, можно сказать, что мы победим, с Австрией дело обстояло сложнее, венгры же всегда были нашими грозными соперниками.

Итак, нечего и надеяться на отдых. Я снова принялся за работу и ежедневно занимался гимнастикой на палубе корабля. Когда все садились обедать, делал пробежки по палубе. Вечером много танцевал, что также являлось частью спортивной подготовки.

Когда «Пуласки» входил в копенгагенский порт, объявили, что мы простоим там четыре часа. Мне это было на руку: можно было размяться наконец на настоящей беговой дорожке. Вместе с Клумбергом мы отправились на стадион. Тренировка и массаж подействовали прекрасно. Мое самочувствие улучшилось.

Оставалось всего 10 часов ходу на корабле, на следующий день должны были быть уже в Гдыне. Мы не могли дожидаться момента, когда «Пуласки» пришвартуется в нашем порту. Уже в пять утра я был на ногах.

Шипы и розы победы

Первой ласточкой из Польши был военный корабль «Вихрь», предназначенный специально для торжественной встречи. За ним следом прибыл буксир, который должен был ввести нас в порт.

Чем ближе мы подходили к порту, тем больше волнение овладевало нами. Я никак не мог совладать с волнением, на лице были слезы радости. Мне стало стыдно, я спрятался в свою любимую радиорубку и вышел из своего укрытия только тогда, когда был брошен якорь. С берега скандировали:

— Ку-сый! Ку-сый!

Наступил торжественный момент. Из Варшавы прибыли для нашей встречи представители спортивного союза, журналисты. Вся команда, построившись по четыре в ряд, в сопровождении оркестра промаршировала через город к вокзалу. Я не участвовал в этом импровизированном параде, потому что не мог справиться со своим волнением и не хотел показываться горожанам в таком виде. Я просто сбежал и отправился на вокзал в одиночестве. Когда подали поезд, я забился в самый укромный уголок вагона.

Почти двенадцатичасовая дорога в Варшаву стала триумфальной. Казалось, вся Польша стремится выразить нам свои симпатии. На каждой станции нас встречали толпы любителей спорта, вокзалы были украшены цветами и зеленью, всюду улыбающиеся лица.

Я был горд, что внос свой скромный вклад в пропаганду спорта, в дело воспитания будущего поколения. Я смотрел на молодые лица встречавших и думал, что, может быть, среди них мои преемники, будущие знаменитые спортсмены, которые принесут мировую славу польскому спорту!

Когда проезжали мимо моего родного Ожарува, я выкинул из окна маленький флажок, на котором написал родителям несколько теплых слов. На следующий день я узнал, что уже через десять минут флажок был доставлен старикам.

Но вот наконец и Варшава. Еще минута, и поезд остановился у перрона. Мне трудно восстановить все события. Меня подхватили на руки, на некоторое время я стал пленником толпы, которая выделявала со мной что хотела. Кто-то крикнул, что на вокзале моя мать, я стал умолять отпустить меня. С трудом протиснувшись сквозь ряды встречающих, мне все-таки удалось увидеть и поцеловать ее.

С большим трудом мы пробрались к автобусам, потому что вся привокзальная площадь тоже была заполнена встречающими, прорвавшими все кордоны. Уличное движение было остановлено. Под звуки сирен и приветственных возгласов автобус двинулся вперед, но вынужден был плестись еле-еле. Так мы проехали через Маршалковскую улицу, по Крулевской, а потом через Краковский и Новый Свет подъехали к варшавскому Гребному клубу, где приготовились к торжественному

приему олимпийцев. И здесь тоже пришлось спастись от болельщиков, непременно желавших качать участников Олимпиады.

Не буду описывать, что происходило дальше. Мне удалось незаметно улизнуть, я помчался в Лазенки, где была моя квартира. Я не узнал своего скромного жилища. Вход был украшен цветами и зеленью, над дверью висел плакат «Добро пожаловать!».

Хотелось как можно скорее заснуть, и в то же время это было нелегко: слишком много впечатлений. Я с удовольствием погрузился в чтение журналов и газет, истосковавшись по родному языку. В окно заглядывало восходящее солнце, а я ни на минуту не сомкнул глаз.

Лишь под утро удалось задремать. Но в 10 часов утра я уже был на тренировке.

Через три дня состоялся еще один банкет, и, к счастью, последний. Меня наградили орденом за заслуги перед Родиной.

Постепенно я возвращался к обычному образу жизни. Надеялся хоть несколько дней отдохнуть, но руководство решило иначе. Меня непременно хотели показать варшавской публике и через несколько дней наметили провести соревнования. Мне предстояло встретиться с финном Пильполи на дистанции 3000 м, но варшавян ждало разочарование: финна задержали на границе за нарушение каких-то таможенных формальностей. Он приехал в Варшаву с опозданием, и я без особой конкуренции пробежал 3000 м за 8.40,8.

Потом я стал готовиться к отъезду в Прагу на международную встречу Польша — Чехословакия. Перед соревнованиями журналисты развернули дискуссию, касающуюся моей скромной особы. Они считали, что я должен принять участие в беге на 1500 и 5000 м. Им хотелось, чтобы я как можно больше принес очков команде. И мне пришлось изо всех сил защищаться. Инстинктивно я чувствовал, что слишком большое напряжение последних месяцев может плохо повлиять на мою форму. Я настаивал на том, чтобы бежать только на 5000 м. Дискуссия приобрела довольно острый характер и сильно нервировала меня, поэтому отъезд в Прагу был невеселым.

В Праге отнеслись с большим интересом к предстоящим соревнованиям. Стадион не вместил всех желающих. В первый же день встречи был побит мировой рекорд. Это сделал великолепный чехословацкий спортсмен Доуда. Он толкнул ядро на 16 м 20 см и победил Хелиаша.

К сожалению, беговая дорожка размокла, и бежать по ней было тяжело. Я пришел в беге на 5000 м первым, обогнав Харлика и Кошчака, но время оставляло желать лучшего — 15.12,0.

Во второй день развернулась острая борьба за каждое очко. С утра меня уговаривали бежать на 1500 м, но я категорически отказался. Забег выиграл мой соотечественник Кузмицкий. Мы победили чехословацкую команду с общим счетом 76,3 : 75,6, то есть еле-еле.

Из Праги мы отправились в Вену, но уже в несколько ослабленном составе: наш метатель копья Турчик повредил руку, прыгун Новак

подвернул ногу, а Кузмицкий очень устал после бега на 1500 м. Вдобавок ко всему Биняковский — наш лучший бегун на 400 м — вывихнул палец ноги. Австрийцы выставили против нас лучшие силы. На соревнованиях хозяева побили несколько рекордов своей страны.

Уже первые состязания принесли нам поражения. Правда, Плавчик победил в прыжках в высоту, но по очкам впереди австрийцы. Удачное выступление Хелиаша слегка поправило ситуацию, но ненадолго. Наконец пришла очередь последнего состязания — бега на 3000 м. Ситуация сложилась так, что если бы наш второй бегун Хартлик занял второе место, то встречу с австрийцами мы бы свели к ничьей. Я же хотел предпринять попытку побить рекорд Нурми на 2 мили (8.50,6). Но потом увидел, что беговая дорожка слишком тяжела и мне не удастся побить рекорд. Я показал слабое время—9.20,2, Хартлик занял последнее место. Встречу с Австрией мы проиграли — 58 : 62.

В Будапеште мы понесли серьезное поражение — 32 : 50. Я стартовал на 5000 м и занял первое место. Из тринадцати состязаний мы победили только в трех.

Когда вернулись на родину, разразилась буря. Все обвиняли меня в поражении нашей команды. Разговоры шли вокруг этих несчастных 1500 м. Еще так недавно носили на руках, а сегодня все меня осуждали! Что я мог сказать в свое оправдание? Только то, что после Олимпиады трудно было выдержать сразу несколько международных соревнований. Я согласился принять участие в беге на длинные дистанции потому, что они не требуют такого нервного напряжения, как бег на дистанцию 1500 м.

Новая победа над Иссо-Холло

В этом сезоне мне не суждено было отдохнуть. Я узнал, что один из моих самых грозных противников — Иссо-Холло собирается приехать в Варшаву. Он просит дать ему возможность взять реванш. Конечно, я ему не мог отказать. Клуб «Варшавянка» по этому случаю решил устроить большие соревнования, в которых должна была принять участие и Стася Валасевич. После Олимпийских игр она осталась на некоторое время в Америке и имела там большой успех. Осенью она затосковала по Польше.

Были запланированы два поединка с Иссо-Холло: на дистанциях 5000 или 10 000 М и на 2 английские мили. Честно говоря, не очень хотелось встречаться с финном: я был сильно утомлен. А участие в состязаниях с таким мастером, как Иссо-Холло, требовало солидной подготовки. Надо было сразу же приступать к тяжелым тренировкам.

Я не знал, в какой форме находился финский стайер, поэтому с интересом ждал результатов матча Франция — Финляндия. Наконец пришла телеграмма из Парижа: Иссо-Холло стартовал с Лехтиненом, забег превратился в поединок между финнами. Выиграл Лехтинен с временем 14.42.6, обогнав соперника на четыре метра. Кроме того, бег проходил под проливным дождем, и, судя по времени, оба финских бегуна находятся в прекрасной форме. Известие это меня несколько обеспокоило. Я не знал, смогу ли показать такой же результат в моем теперешнем состоянии.

Через несколько дней в Варшаву приехал Иссо-Холло и заявил в интервью:

— Я прекрасно себя чувствую и нахожусь в отличной форме, в лучшей, чем на Олимпиаде. Ярким доказательством этому являются мои результаты на встрече Франция — Финляндия. Я никогда не предполагал, что на размокшей беговой дорожке смогу показать такой результат.

— Что вы можете сказать о предстоящем поединке с Кусым? — спросили журналисты.

— Дистанция 2 мили — не моя коронная дистанция. Кусый должен выиграть. В беге на 5000 или 10 000 м я думаю победить вашего соотечественника. Я бы очень хотел взять реванш за свое поражение на Олимпиаде.

Когда я прочитал эти высказывания, у меня слегка вытянулось лицо, и поэтому очень волновался, отправляясь на стадион. Интерес к состязанию был велик, трибуны заполнены до отказа. Иссо-Холло первым вышел на стадион, заиграли гимн Финляндии, потом вышел я под звуки мазурки Домбровского.

Беговая дорожка после утреннего дождя была слишком мягкой. Мне стало ясно, что не может быть и речи о побитии рекорда Нурми.

Мы двинулись. Иссо-Холло как тень преследует меня. Первые круги пробегаю за 55 секунд, мой темп совсем неплох, принимая во внимание

размокшую дорожку. На втором круге я несколько снижаю скорость, чтобы не выдохнуться к концу забега, и мы пробегаем его за 66 секунд.

После пятого круга я снова ускоряю бег. Начинается решающая борьба. Исо-Холло делает попытку вырваться вперед, но я его не пускаю и еще увеличиваю скорость. Наконец начинаю финиш. Инстинктивно чувствую, что Исо-Холло отчаянно стремится догнать, почти касаясь меня на последнем вираже. Но у него ничего не получается и на прямую выхожу, выиграв еще несколько метров. Под радостные возгласы с трибун я разрываю ленточку. Исо-Холло отстал на восемь метров.

Во второй день мы должны были встретиться на дистанции 5000 м. К сожалению, погода спутала все планы, соревнования перенесли на два дня. Трибуны стадиона были заполнены до отказа. Всем было любопытно, выполнит ли Исо-Холло обещание, данное в интервью,— победить меня.

Во всяком случае, предстояла серьезная борьба. Погода улучшилась, хотя было довольно холодно, а дорожка была еще размякшей.

Первые три круга я лидировал, предложив довольно высокий темп. На третьем финн обошел меня, и я получил возможность видеть каждый его шаг. Какую тактику он выберет? Я уже понял, что он хочет меня вымотать и не допустить до борьбы на финише.

Я догадался об этом потому, что Исо-Холло стал слишком часто делать рывки. Все его атаки я выдерживаю почти без напряжения.

Таких рывков он сделал около десяти. Я чувствовал, что финн начал нервничать, видя, что его тактика безрезультатна. Зрители обычно хорошо воспринимают такого рода трюки и возгласами подбадривают своих фаворитов.

Начинается последний круг, а Исо-Холло все еще впереди. Темп ускоряется. На мгновение у меня возникает сомнение, смогу ли я предпринять контратаку. Так я бегу 200 м, не решаясь начать рывок. Мы проходим вираж, остается всего 150 м. Наконец я пытаюсь обойти соперника, но он с честью отражает мою атаку. Я уже почти уверился в своем проигрыше. Мы выходим на прямую. На мгновение перед глазами возник олимпийский стадион. Это видение придает мне новые силы. Последнее усилие. Осталось еще 30 м, я уже на грудь впереди. Финн не капитулирует, борется до конца. Я рву ленточку, выиграв всего два метра!

Позже узнаю, что последний круг прошел за 63 секунды и установил новый рекорд Польши — 14.41,8. Я был слегка разочарован, что в такой тяжелой борьбе у нас будет меньше 14.40,0.

Исо-Холло был достойным противником и хорошим спортсменом. Он подошел ко мне в раздевалке, тепло поздравил и сказал, что окончательно убедился в моем превосходстве.

Начало драмы с ногой

1932 год, помимо Олимпийских игр, не принес никаких интересных событий. Сезон закончился для меня несколькими рядовыми стартами. Я часто с удовольствием вспоминаю бег во Львове на 2000 м. Я бежал с Саварином и с несколькими местными спортсменами, дав им форы. На третьем кругу я нагнал их и до финиша лидировал, почти безо всяких усилий.

Я вернулся в Варшаву, решив ничем больше не заниматься и хорошо отдохнуть. Особенно нуждалась в отдыхе моя нервная система. Подготовка к выступлениям в Лос-Анджелесе и Олимпиада потребовали большого нервного напряжения, не говоря уже о физическом. Мне было очень приятно вернуться в свое уютное жилище в парке Лазенки. В окна заглядывали ветви столетних деревьев, я мог немного тренироваться в парке, который знал вдоль и поперек.

В январе 1933 года я уже настолько хорошо себя чувствовал, что решил увеличить нагрузку. Было солнечное морозное утро, я тепло оделся и вышел в парк, полчаса побегал, позанимался гимнастикой. Такая разминка не утомляла, и я начал регулярно бегать кроссы три раза в неделю.

Я бежал длинным, эластичным шагом, с удовольствием вдыхал свежий воздух и думал о том, что такие пробежки доставляют гораздо больше удовольствия, чем бег на стадионе перед трибунами, заполненными шумными, темпераментными болельщиками. Я бежал для себя. Движения доставляли удовольствие, я мог любоваться великолепным зимним пейзажем...

Разве мог я предполагать, что во время одной из таких тренировок со мной произойдет драматический случай! А было это так. Однажды утром проснулся, как всегда, горя желанием, не теряя времени, приступить к тренировкам. Я уже пробежал несколько километров, как вдруг почувствовал резкую боль в ноге. Так и есть! Я неправильно поставил левую ногу. И, что самое ужасное, одновременно резкая боль пронзила колено.

«Ерунда,— подумал я,— сейчас все пройдет, главное— не поддаваться. Надо пробежать еще несколько шагов, и от боли и следа не останется». Но боль в колене усилилась, я споткнулся и чуть не упал. Пришлось прервать тренировку.

Вернулся домой обеспокоенный происшедшим. Меня охватили дурные предчувствия. Надо сегодня же обратиться к врачу. Я пошел к доктору Левитуксу, большому любителю спорта и моему хорошему приятелю. Он внимательно осмотрел больную ногу и сказал:

— Надо применить диатермию и мазать колено мазью, которую я приготовлю сам.

Пришлось прервать тренировки и заняться серьезным лечением. Через несколько недель мне показалось, что уже все в порядке. Нога перестала болеть.

В то время как я лечился, в Польше конкурс на лучшего спортсмена. Для нас это было большое событие. Как приятно было бы получить первое место на таком конкурсе! Кандидатами на первое место выставили меня и Стасю Валасевич. При окончательном подсчете Стася победила: она получила — 47 118 голосов. За нами шли Вайс, Хелиаш, Бронек, Чех, Енджиевска, Хебда и Хмелевский.

Через некоторое время после плебисцита заседание газеты «Пшеглонд спортовы» состоялось заседание комиссии по вручению наград спортсменам. Как я позже узнал в комиссии по вручению наград спортсменам поделить первое место между мной и Валасевич. Тайным голосованием звание лучшего спортсмена было присуждено Стасе. Комиссия считала, что помимо высоких спортивных достижений Стася показала примерную дисциплину и большую волю к победе. В 1931 году я уже получил подобную награду и был очень доволен, что на этот раз она досталась Стасе. Кроме того, в глубине души я был убежден, что в 1933 году я снова завоюю звание лучшего спортсмена за свои спортивные достижения.

На 1933 год у меня вообще были очень обширные планы. Я принял твердое решение побить несколько рекордов Польши. Тогда я еще и не предполагал, что именно этот сезон принесет мне столько разочарований и что травма ноги перечеркнет все мои планы.

Моя несчастная нога! После лечения, рекомендованного приятелем-доктором, мне казалось, что уже все в порядке. В марте я снова был у врачей, и они, внимательно осмотрев меня, единодушно заявили, что я могу бегать. Один из них даже сказал: «Как разбегаешься, боль в колене сразу пройдет!»

Я внушал себе, что все будет хорошо, но предчувствие беды не покидало меня. Вскоре я узнал, что меня приглашают в Будапешт, и предстоящая поездка немного отвлекла мои мысли от болезни.

Венгерский союз легкоатлетов пригласил меня на месяц поработать инструктором в Будапеште. Вместе со мной поехали Ядя Вайс, Кобельска-Цейзикова, Седлецкий, Антон Цейзик. Я хорошо запомнил это путешествие, потому что оно было очень тоскливым. Я был горячим поклонником бриджа и часто в моей квартире в Лазейках устраивал карточные сражения, считая, что бридж вырабатывает быструю реакцию, необходимую каждому спортсмену. Одновременно он учит обдумывать ходы заранее, что тоже очень полезно, но никто из попутчиков не умел играть в карты, что испортило мне настроение.

Приехав в Будапешт, я заболел гриппом, и ко мне применили жестокое лечение: меня обернули мокрой простыней, я как следует пропотел и температура снизилась.

Неудачи преследовали меня с самого приезда в Будапешт. Сильно измучил грипп, а тут еще я потерял амулет, который получил,

уезжая из Варшавы. Маленький зеленый мишка куда-то запропастился, как только мы пересекли границу Венгрии. Я перерыл все чемоданы в тщетной надежде отыскать его. Как я позже узнал, венгерские коллеги подшутили надо мной и спрятали где-то мишку. Не могу сказать, что это была остроумная шутка.

Понимаю, что мною владели глупые предрассудки, но свою болезнь я объяснял потерей медвежонка. Несколько дней провел на ногах, но болезнь не отпустила меня окончательно, снова поднялась температура, и пришлось пролежать в постели еще восемь дней. В том, что болезнь вернулась, я не мог обвинять медвежонка. Произошло это только по моей вине, из-за недопустимого легкомыслия. Когда венгерские студенты устроили в нашу честь танцевальный вечер, я, конечно, не смог усидеть дома. Танцевал почти всю ночь, и еще как! А в перерыве вышел в холодный коридор, разогретый, в легком костюме, поэтому нет ничего удивительного, что снова простудился.

Восемь дней в постели в Будапеште, в таком прелестном городе, понятно, очень обидно провести. Я впал в отчаяние и стал совершенно невыносимым для окружающих. Казалось, что никто обо мне не заботится, никому нет до меня дела. Единственное, что мне хотелось,— скорее вернуться в Варшаву.

Наконец пришло выздоровление. Я с интересом посещал показательные выступления по гимнастике, проводимые профессором Миссанди.

Хочу несколько слов сказать об Институте физической культуры в Будапеште, гостем которого я был. По сравнению с нашим, оснащенным по последнему слову техники, будапештский институт проигрывал. Он размещался в бывшей гимназии, беговая дорожка в округности была всего 200 м. Я бы на такой дорожке не смог тренироваться.

Позже я убедился, что мои первые впечатления были ошибочными. Постепенно у меня даже возникло чувство уважения к институту. В его библиотеке была собрана самая большая в мире коллекция спортивной литературы, в гимнастических залах было много спортивных снарядов. Я несколько раз был в гостях у профессора Миссанди, очень милого человека. У него в доме также собрана обширная коллекция спортивной литературы.

Выздоровев, после занятий я часто отправлялся в пешие прогулки по городу. Нравилось бродить в одиночестве, заходить в будапештское кафе, слушать цыганские мелодии. Но, как я уже говорил, я тосковал по Варшаве и наконец нашел предлог пораньше покинуть столицу Венгрии. В один прекрасный день заявил Цейзику, что не могу больше оставаться в Будапеште, так как мне необходим квалифицированный массажист. Когда о моем заявлении узнали хозяева, они сказали, что найдут массажиста. Но я был всегда очень упрямым и продолжал настаивать на срочном возвращении на родину.

Конечно, я был наказан за свое упрямство. И некоторое отношение к этому имел Цейзик. Но все по порядку. Сiju я уже в вагоне,

в поезде на Варшаву, как вдруг появляется проводник. Я даю ему билет, но он качает головой и смотрит на меня как-то странно. Сначала не мог понять, что он от меня хочет. Только потом сообразил, что протянул ему билет, по которому приехал из Варшавы в Будапешт, конечно уже не действительный.

Получилось, что я еду «зайцем». Произошла ошибка, денег на билет нет. Что делать? К счастью, в этом же вагоне в Польшу возвращались мои знакомые, которые и одолжили мне на билет. Трудно описать мой гнев. Кто мог так немилосердно подшутить надо мной?

Спустя некоторое время все выяснилось.

— Я нарочно дал тебе недействительный билет,— с улыбкой сказал Цейзик.— У меня были сложности с финансами, а что касается тебя, я был уверен, что ты как-нибудь выкарабкаешься, в крайнем случае поедешь «зайцем». Ты очень популярен и предприимчив, а это в жизни помогает.

Не могу сказать, что я был восхищен таким розыгрышем, но все кончилось хорошо, и вскоре я забыл об этой истории.

Что касается ноги, то я не забыл о ней и постоянно посещал сеансы диатермии. Лечение в сочетании с тренировками дало хорошие результаты, и в начале мая я даже решил принять участие в Национальном кроссе.

В это же время мне в руки попала газета «Пшеглонд спортивные» с сенсационным заявлением Лехтинена. Что же сказал финн? Он обещал в этом сезоне побить все мировые рекорды на дистанциях от 800 до 10 000 м. 5000 м он обещал пробежать за 14.10,0, а 10 000 м — за 29.45,0. Такие результаты, по мнению Лехтинена, вполне реальны.

Меня удивило это заявление. Лехтинен, конечно, переоценил свои возможности. Я лично был убежден, что финн выиграл бег на 5000 м на Олимпиаде лишь потому, что я не выступал. Кто сильнее, показали соревнования в Чикаго, когда финн не выдержал предложенного мною темпа и сошел с дорожки. В конце интервью финский стайер дал понять, что может победить меня на любой дистанции. Последнее больше всего ранило мое самолюбие и побудило с еще большей энергией продолжать тренировки. Одновременно меня мучили неприятные мысли: «А что если моя левая нога не захочет идти «в ногу» с моей амбицией?!»

Но ничего, надо посмотреть, как я выступлю в Национальном кроссе, который должен был стать генеральной репетицией перед серьезными международными встречами. Прежде чем описать этот бег, хочу рассказать о моем увлечении. Я «заболел» автомобилизмом. Еще до своего отъезда в Будапешт я приобрел подержанную машину марки «Бугатти». Это был довольно большой, восьмицилиндровый, автомобиль, и годился он для гонок и дальних поездок. Но прежде, чем ездить, надо было отдать машину в руки специалистов для серьезного ремонта. Я сам помогал красить «Бугатти» в черно-зеленый цвет.

Иногда я задумывался, почему так увлекся этой старой машиной. Видимо, она для меня символизировала скорость, которую я так любил.

Когда я несся по улицам и ветер свистел в ушах, казалось, что вот оно, настоящее счастье! Я мечтал завоевывать первые места в автомобильных гонках, принять участие в ралли в Монте-Карло. Но о своих приключениях начинающего автомобилиста я расскажу позже, а пока вернемся на Мокотовское поле...

Когда прибыл на старт, то узнал, что в беге примет участие 601 спортсмен. Я был и удивлен и обрадован этим известием: будучи горячим поклонником легкой атлетики, я радовался, что она получает все большее распространение, и считал, что и я внес свой скромный вклад в дело популяризации этого вида спорта.

Но как выбраться из такой толпы? Правда, потом оказалось, что мои опасения напрасны. Меня, победителя прошлогоднего бега, поставили на правом крыле в первом ряду.

После стартового выстрела сразу вырвался вперед. Два с половиной километра слышал вплотную за собой дыхание Стшалковского из Белостока. Мой коллега по клубу Пухальский тоже бежал неплохо и держался недалеко от меня, но через четыре километра не выдержал и отстал.

Я же бежал ровным шагом и думал: «Все хорошо, колено не болит, значит, сезон будет удачным». Победа в забеге досталась мне на удивление легко. Мое время — 23.51,6. Можно считать, что экзамен сдан!

Легкие победы в Милане и Праге

Через несколько дней после Национального кросса в моей квартире зазвонил телефон:

— Кусочинский слушает!

— Это ты, Януш? — раздался знакомый голос известного в Варшаве журналиста Шенайха.— Не хочешь ли прокатиться со мной в Милан? Тебе пришло приглашение принять участие в забеге на 5000 метров. С ногой у тебя все в порядке, можешь смело стартовать.

Подготовка к путешествию заняла несколько дней. Почти все это время я не отходил от своего верного «Бугатти», который мне было так жаль покидать. На вокзале собрались друзья и журналисты. Всем было интересно, в каком я состоянии, не подведет ли меня нога. Я был в прекрасном настроении и всем говорил, что моя болезнь давно ушла в область преданий.

По дороге мы задержались в Вене. Австрийский союз легкоатлетов узнал о моем приезде, и меня пришли встречать на вокзал его представители. Присутствовал даже председатель Союза доктор Врахтил, необыкновенно симпатичный человек. Он сразу же распорядился отвезти меня на лучший стадион тренироваться. На трибунах присутствовало много австрийских спортсменов, которые внимательно наблюдали за моей тренировкой. На следующий день мы покинули гостеприимную столицу Австрии и отправились в Венецию. Бегло осмотрев прекрасный город, вечером сели на поезд, отправляющийся в Милан. В Милане на вокзале нас ждали представители местного союза легкоатлетов.

Сразу же по приезде я попросил организаторов отвезти меня на стадион, чтобы потренироваться и размять кости после путешествия. Итальянцы несколько удивились моей прыти, но пошли навстречу моему желанию.

Бег на Большой приз города Милана состоялся в воскресенье. Естественно, итальянцы надеялись стать победителями. Мне было интересно, какую тактику применят их спортсмены.

Рядом со мной на старте стояли лучшие тогда итальянские стайеры — Турия и Цероти. После стартового выстрела я, как всегда, устремился вперед. На первых метрах ухитрился посчитать моих соперников — их было тринадцать. «Счастлиное число,— подумал я.— Значит, все будет хорошо». В руке сжимаю секундомер и по нему регулирую темп. К сожалению, беговая дорожка была невысокого качества. В субботу в Милане был проливной дождь, и грунт совершенно размяк, что, конечно, не могло не отразиться на темпе, который я хотел навязать соперникам.

Первый круг пробежал за 1.02,0. На третьем километре время слабовато — 9.03,0. Оглядываюсь и вижу, что оба итальянца бегут вплотную за мной.

Пока нет никаких сюрпризов, никто меня не беспокоит. Но вдруг на седьмом круге Цероти предпринимает атаку, и я решаю пропустить его вперед. «Пусть покажет, на что он способен!» Но вслед за Цероти вырывается и Турия. Теперь уже оба итальянца бегут впереди меня. Может быть, итальянцы хотят спровоцировать меня на напряженную борьбу и таким образом сломить мои нервы и силы? Или они хотят выпустить потом вперед Флоренти, который пока держится позади? Какой тактический ход хотят применить итальянцы?

Я решил не поддаваться и бежать в прежнем темпе, предоставив им действовать самостоятельно. Но убежали они недалеко... Цероти явно переоценил свои возможности и сошел с дорожки на восьмом круге. Вслед за ним то же сделал Турия. Мне уже не с кем бороться на финише, и я заканчиваю дистанцию в полном одиночестве за 15.15,4. Пришлось довольно долго ждать, пока до финиша дойдет мой соперник Флоренти. Его время — 15.47,0. Как потом говорили, именно Флоренти должен был сыграть главную роль в беге. Итальянцы надеялись, что я не приму его во внимание, увлекшись борьбой с Цероти и Турией, а Флоренти первым придет к финишу. На соревнованиях присутствовало много поляков, все поздравляли меня, но, честно говоря, победа не обольщала, так как досталась мне слишком легко. Наградой, которую мне вручили, была небольшая сумочка, красиво запакованная, а в ней... изюм.

В Милане получил телеграмму с приглашением на обратном пути заехать в Прагу и выступить в беге на 5000 м. Я согласился и после непродолжительного отдыха отправился в Чехословакию. В Праге меня приняли очень сердечно. С вокзала мы поехали в отель «Де Сакс». На двери комнаты, где я остановился, висела табличка: «Здесь жил маэстро Шаляпин».

Как всегда, сразу же по приезде я стал расспрашивать о стадионе, о том, могу ли, не теряя времени, отправиться на тренировку, о массажисте. Через два часа я уже был на беговой дорожке, а массировал меня когда-то знаменитый чехословацкий спортсмен Яндера, которого младшие коллеги называли «папочкой». В субботу вечером отправился с членами польской колонии на чашку кофе. Вечер очень удался.

Рано утром в воскресенье я широко открыл окно моего «шаляпинского апартамента». Меня овеяла волна холодного воздуха. Погода испортилась, накрапывал дождь, дул ветер. Очень неприятно бежать в такую слякоть. Я поехал на стадион, чтобы посмотреть, в каком состоянии дорожка, и убедился, что повторится миланская история.

На этот раз решил сразу вырваться вперед, никого не выпускать и без лишних хлопот дойти до финиша. Вплотную за мной на четырех первых кругах держался юный чех Хром, но потом он не выдержал моего темпа и отстал. Я очень симпатизировал неопытному молодому спортсмену и с сочувствием отнесся к его поражению. После трех километров я по-прежнему чувствовал себя сильным и свежим и решил еще ускорить бег, чтобы испытать свои возможности. Было даже жаль,

что никто не может соперничать со мной. Я обошел на целый круг пять спортсменов и закончил бег за 15.07,4. Хром был вторым, показав 15.49,4.

В ту же ночь я выехал в Варшаву. Через неделю должны были состояться международные соревнования на первенство Варшавы, и хотелось хорошенько перед ними отдохнуть. Мне ничего не было известно, в какой форме пребывают мои противники. К сожалению, в состязаниях приняли участие только польские спортсмены. Я бежал на 5000 м, легко выиграв у Пухальского и Стшалковского.

Радости и печали будней

Матч с бельгийцами состоялся в начале июня. Бег на 5000 м проходил во второй день соревнований. Старт этот не принес мне большого удовлетворения: оба бельгийца, Марешаль и ван Румст, были слишком слабыми противниками. Вся моя тактика состояла в том, чтобы наш второй бегун — Фиалка мог вместе со мной выйти вперед и получить очки для нашей команды. Маневр удался. Фиалка использовал временную слабость ван Румста, догнал его и обошел на финише. Мое время — 15.15,2.

Через несколько часов после бега я с ужасом заметил, что оба мои колена опухли. На следующий день, томимый самыми плохими предчувствиями, отправился к врачу. Мне рекомендовали сейчас же отправиться на лечение в Чехочинку.

Неужели это начало конца моей спортивной карьеры? Я всегда знал, что наступит такой момент, когда навсегда сойду с беговой дорожки и буду вынужден уступить место более молодым, но надеялся, что произойдет это не так скоро. Несчастье произошло настолько неожиданно, в тот момент, когда я меньше всего ожидал его и надеялся еще пять-шесть лет потрудиться во славу польского спорта.

О моем лечении в Чехочинке рассказывать не буду. Я пережил не самые приятные дни. Лечение не принесло ощутимых результатов, и я вернулся в Варшаву в ужасном психическом состоянии. Именно тогда газета «Пшеглоид спортовы» выступила с призывом к общественности помочь мне попасть на лечение к лучшим венским специалистам. Было это в октябре 1933 года, после консилиума польских докторов. Они решили, что помочь мне могут только знаменитые венские травматологи.

«Пшеглоид спортовы» писала: «Кусый непременно должен вернуться на беговую дорожку!». Однако общественность, вначале живо откликнувшись на мое несчастье, быстро забыла обо мне. Многие считали, что через несколько недель отдыха Кусочинский самостоятельно вылечится и снова будет прославлять польский спорт на беговых дорожках мира.

Между тем я вынужден был отказаться участвовать во встречах с Чехословакией и Венгрией. Оба мениска были воспалены, возникла реальная угроза краха моей спортивной карьеры.

«...Врачи говорят об улучшении состояния Кусочинского, но это преждевременные прогнозы,— продолжала писать «Пшеглоид спортовы».— Болезнь ни на шаг не отступила. Состояние такое же, как и четыре месяца назад.

В данный момент Кусочинский находится в состоянии полной душевной депрессии. Ничто не предвещает выздоровления и возвращения на беговую дорожку. Вопрос ясен. В Польше, где нет хороших специалистов-травматологов, никто не может помочь Кусочинскому.

Дальше так продолжаться не может. Слишком много польский спорт возлагал надежды на талант олимпийского чемпиона. Кусочинский должен поехать в Вену и лечиться у лучших специалистов Европы. Там его должны вылечить... Для этого надо около 2000 злотых. Мы надеемся, что эту сумму помогут собрать польские спортсмены, дальше медлить нельзя.

Итальянцы, благодарные Беккали за то, что он установил мировой рекорд, организовали сбор средств на подарок, достойный прекрасного спортсмена. Из собранных лир сложилась большая сумма.

И мы должны совершить подобное для Кусочинского.

Это будет не дом, не автомобиль, наш дар — возвращение здоровья великому бегуну.

Здоровье его необходимо всем нам».

С таким призывом выступила «Пшеглонд спортовы» к спортсменам всей Польши. Я еще раз хочу поблагодарить всех за проявленную ко мне заботу, выраженную в такой сердечной форме.

Перед отъездом в Вену произошло еще одно существенное событие в моей жизни, а именно: перемена местожительства. Дело в том, что моя бывшая квартира оказалась слишком влажной, что было очень вредно для моей больной ноги. Новую квартиру я получил тоже в Лазенках, в Охотничьем домике, на первом этаже, очень уютную и, что самое главное, сухую.

Кажется, моя жизнь начинает стабилизироваться. Часто я бываю в гостях, посещаю театры и кино. У одного из моих друзей — Подгурского есть собственный автомобиль, мы часто ездим за город. Время от времени Подгурский дает мне вести машину.

В день отъезда в Вену я был поражен, увидев, сколько народу пришло меня проводить. Значит, меня еще не совсем забыли.

Не хочу утомлять читателя подробным рассказом о лечении в Вене. Я не слишком разбираюсь в медицине, и мне трудно описать способы лечения, применяемые венскими врачами. Во всяком случае, я вернулся из Австрии с не так расстроенными нервами и поверил в то, что когда-нибудь окончательно выздоровлю.

Варшавские врачи собрали повторный консилиум и назначили мне дальнейшее лечение. Колено мазали разными мазями, и мне казалось, что нога становится лучше. Зимой 1934 года на меня обрушилось большое несчастье: 27 января умер мой отец. Видеть, как он страдает, и не иметь возможности ему помочь было невыносимо. Спасибо друзьям. Они окружили меня в тот период заботой и вниманием.

В ту зиму я стал увлекаться охотой, много времени проводя вне города. Охота очень полезна всем спортсменам, она вырабатывает быструю реакцию и учит владеть нервами.

Зимой же я получил «боевое крещение» на шоссе, попав в автомобильную катастрофу. К счастью, я отделался, можно сказать, легким испугом, все ограничилось несколькими шишками и ссадинами.

Я очень любил разговоры об автомобильном спорте, о происшествиях на дорогах. Мы часто встречались с популярным актером Адольфом Дымшей, у которого всегда был наготове автомобильный анекдот. Дымша смешно рассказывал о своих приключениях на машине. Он принадлежал к тем людям, которые умеют смеяться над собой, а это очень редкое качество.

Додек начал свою автомобильную карьеру с мотоцикла. Было это в 1919 году, когда он еще не предполагал, что будет иметь успех на сцене. После перенесенного тифа, наголо остриженный, похудевший, только что отслуживший в армии, он приехал в Варшаву.

Мотоцикл вскоре надоел Дымше, и он продал его приятелю.

Проходили годы. Дымша завоевывал все большую популярность. Однажды летом его труппа совершала гастрольную поездку по Польше, и они приехали в Краков.

— Мы решили с моим коллегой немного покататься на автодроме,— рассказывал Додек.— Я вдруг увидел на одной из дорожек мой мотоцикл и, конечно, решил возобновить с ним знакомство. Но мой коллега уперся: «Я первый». «Ну что ж, если тебе так не терпится — залезай»,— сказал я.

Он включил зажигание и поехал.

Мы договорились, что коллега сделает десять кругов и отдаст мне мотоцикл. Он дал полный газ и поехал, даже не оглянувшись на меня. Десять кругов он давно проехал, но тормозить и не собирался. Я уже слегка разозлился и крикнул: «Слезай сейчас же! Как тебе не стыдно, ты — краковянин, а я гость, и ты так со мной поступаешь!»

Он проехал уже двадцать кругов, но слезать не собирался, а только покрикивал: «Сейчас сойду! Подожди немного!»

Только потом я понял, что мой коллега не может остановить мотоцикл. «Что я могу поделаться, если он все едет и едет!» — кричал он в отчаянии. «Ему, видно, придется так ездить до тех пор, пока не кончится бензин»,— подумал я. Но, к сожалению, мотоцикл только что заправили. Пришлось владельцу автодрома сесть на мотоцикл и пуститься в погоню за незадачливым ездоком. Наконец ему удалось догнать беднягу, и он поехал рядом с ним, по дороге давая инструкции, как остановить мотоцикл.

Я взглянул на часы и увидел, что уже поздно: надо было готовиться в театр. Пришлось уйти с автодрома не солоно хлебавши. С того дня мы прозвали моего приятеля «ездок — перпетуум мобиле».

Немного позже у меня появился собственный автомобиль,— продолжал свой рассказ Дымша.— В один прекрасный день я отправился на выступления в Закопане, а потом в Крыницу. Я заключил пари с Даном Даниловским, у которого тоже была машина, что первым приеду в Крыницу. Каждый из нас должен был поехать своей дорогой. К Дану сели его и моя жены, ко мне — помощник режиссера Порембский.

Я дал полный газ, как на настоящих гонках, но на окраине одного маленького городка мою машину остановили. Пришлось долго

объясняться с местным представителем власти. А мне так хотелось выиграть гонки!

Я заплатил штраф, дав себе обещание впредь быть осмотрительнее, но в следующем же городке повторилась та же история. Я решил обмануть местного добродушного полицейского, высунулся из машины и проворковал: «Дипломатик», а мой спутник добавил: «Гастон, алле!» Полицейский от удивления раскрыл рот, а меня взял такой смех, что несколько километров автомобиль бросало из стороны в сторону. Гонку я выиграл — пришел первым в Крыницу.

Рождение соперника Юзефа Нойи

Приближалось начало сезона. Я регулярно тренировался, хотя не был уверен, что нога меня не подведет. Я хотел выступить в кроссе, организованном газетой «Вечур Варшавски». Старт был назначен на 8 апреля. Я и ждал и боялся этого дня. На всякий случай пошел посоветоваться с доктором Пшеворским.

— Советую вам принять участие в соревнованиях,— сказал доктор, осмотрев меня.— Пора уже испытать ваше колено.

На старт соревнований вышли 240 спортсменов, было много зрителей.

Я старался вырваться из толпы спортсменов и возглавить бег. Кто-то сильно толкнул меня, задев больную ногу шиповкой. Я делаю еще один отчаянный рывок и теряю туфлю. Оглядываюсь и вижу: она лежит преспокойно в нескольких метрах от меня. Пока я возился с туфлей, соперники довольно далеко убежали. Я потерял не меньше ста метров! Бросаю их наперстывать, нога болит немилосердно, на этот раз пятка.

Пусть уж лучше пятка, чем колено. Пробежав километр, нагоняю головную группу, и снова я впереди. Рядом со мной бежит Адамчик. Так мы пробегаем еще два километра, и только в восьмистах метрах от финиша Адамчик отпадает. Но вместо него откуда ни возьмись возникает новый противник. Это один из известных польских стайеров — Дуплицкий. Я ускоряю темп, но Дуплицкий выдерживает атаку. Я начинаю финишный рывок (честно говоря, довольно слабый) и выигрываю бег. Дуплицкий уступает мне всего несколько метров.

Мне не так важно было показать хорошее время, как проверить, в каком состоянии находится нога, могу ли я и дальше выступать на беговых дорожках. Поэтому я решил разыграть бег на последних метрах, надеясь на финишный рывок.

После бега меня окружила группа журналистов. Мне показалось, что их весьма беспокоит мое теперешнее состояние, тем более что они наблюдали неприятное происшествие на старте.

— Ну что, Януш,— сказал один из них,— колено больше не болит?

— К счастью, я не почувствовал боли — ответил я.— Меня это очень радует, хотя, конечно, не могу пока сказать, что нахожусь в хорошей форме. В этом беге моей целью было испытать силы, посмотреть, как себя поведет травмированная нога. Все кончилось благополучно, я могу начать более интенсивные тренировки.

Стимулом к серьезной работе послужили новости, поступившие из Финляндии: Лехтинен заявил, что в этом сезоне собирается побить мой мировой рекорд на 3000 м. Ну что ж, посмотрим, в этом году нам предстоит помериться силами в открытой борьбе.

К сожалению, я совершил большую глупость, в которой даже стыдно признаться. 3 мая должен был состояться ежегодный Национальный кросс. Я прекрасно сознавал, что выиграть такого рода

соревнования почетно для каждого спортсмена, и начал серьезно готовиться к старту. Но один из журналистов заявил, что я в данный момент не настолько силен, чтобы выиграть. Это зародило сомнения в моей душе. Вдруг журналист прав? И я решил не участвовать в соревнованиях!

Сейчас я могу сказать совершенно определенно, что совершил ошибку, отказавшись от старта. Даже если бы проиграл! все равно не надо было капитулировать. Не обязательно в спорте всегда одерживать победы. Но что я мог поделаться со своей непомерной гордыней? Я прекрасно знаю свои недостатки, но как трудно с ними бороться!

В Национальном кроссе победил молодой спортсмен с большим будущим — Юзеф Нойи. (*В 1936 г. Ю. Нойи установил рекорд Польши в беге на 5000 м — 14.33,4.— Прим. ред.*)

Постепенно я все же вошел в форму, возобновил тренировки и даже выступил в соревнованиях, устроенных для учеников средних школ. Я бежал на 3000 м и дал, конечно, фору ребятам. Мое время — 8.46,6.

Вскоре должна была состояться встреча Польша — Италия. Я подумывал, что неплохо было бы поехать весной во Флоренцию и принять участие в этой встрече. Кроме того, хотелось, конечно, попасть в город, который я знал только понаслышке.

Я много тренировался и пришел к выводу, что достаточно хорошо подготовился для поездки в Италию. Во Флоренцию мы приехали за три дня до соревнований, так что еще оставалось время для отдыха. Пользуясь случаем, я поспешил осмотреть исторические места города. Итальянская публика проявила большой интерес к встрече. На трибунах собралось около 5000 зрителей.

В беге на 5000 м моим партнером был Фиалка, а противниками — Бартолини и Липпи. Я сразу же предложил высокий темп, решив уже на первых метрах вымотать противников. Два километра были пройдены мною за 5.42,0.

В тот момент я вдруг услышал громкое проклятие Липпи, который заметно отставал от головной группы. Правда, после 1000 м Липпи удается преодолеть кризис и снова приблизиться ко мне. Но это длится недолго. На финише остаюсь в одиночестве, не с кем бороться за последние метры. Я закончил дистанцию за 15.09,0, вторым пришел Липпи (15.18,6), третьим — Фиалка (15.21,8), четвертым — Бартолини (15.29,8).

К сожалению, при общем подсчете встречи с итальянцами мы проиграли — 51 : 69.

Своим выступлением во Флоренции я был очень доволен и убедился, что рациональная тренировка принесла свои плоды. Мне очень хотелось как можно чаще встречаться с сильными мастерами. Я стремился поскорее вернуться в Варшаву, чтобы не терять времени и продолжить тренировки. Я не хотел больше ни дня задерживаться во Флоренции и обратился с просьбой к руководству нашей делегации отправить меня одного на родину. Мне отказали. Я всегда был очень упрямым и на этот раз обиделся, как ребенок. В Венеции мы

остановились на несколько часов. Мои коллеги отправились осматривать город, а потом на парходике поехали в Лидо, где находился знаменитый пляж. Только я, обидевшись на весь свет, остался в одиночестве на вокзале и ужасно заскучал. Так я сам себя наказал за упрямство.

Закулисные махинации встречи Карнера — Байер

Сидя на вокзале в Венеции, я еще раз перебирал в памяти подробности встречи с итальянцами во Флоренции. В этом прекрасном городе я наслушался много сплетен о жизни спортсменов. Говорили, что хозяева надеялись привлечь на соревнования гораздо больше зрителей, но встреча Италия — Польша вызвала меньший интерес, чем они рассчитывали. Произошло это из-за боксерского матча, проходившего за много тысяч километров от Флоренции.

В Нью-Йорке состоялся боксерский матч на первенство мира между итальянцем-гигантом Примо Карнером и американцем Максом Байером.

Вы можете задать вопрос: что общего имеют этот сенсационный матч и встреча легкоатлетов Польша — Италия? Оказалось, что вся Италия с волнением следит за поединком в Америке. В печати появилось множество статей и репортажей, посвященных этому событию. Хотя болельщики остались дома, но все они были захвачены чтением газет с последними событиями и с утра до ночи сидели, прильнув к радиоприемникам. Кроме того, итальянцы были к этому времени пресыщены спортивными мероприятиями. Совсем недавно в Италии прошли игры на первенство мира по футболу. Во Флоренции состоялся сенсационный матч Италия—Испания (1:1) с участием знаменитого вратаря Заморы.

Но я хочу вернуться к встрече Карнера—Байер. Бокс всегда меня интересовал, и в Варшаве я не пропускал ни одного интересного боя.

Итальянцы были уверены, что их соотечественник сможет защитить свой титул чемпиона мира. Карнера получил это почетное звание, победив в шестом раунде нокаутом Жака Шерки. Это было в июне 1933 года. В сентябре 1933 года он снова защищал звание чемпиона мира в Риме и в пятнадцатом раунде по очкам победил баскийского лесоруба — знаменитого Паулино Ускудун. В марте 1934 года Карнера победил во Флориде Томми Лугхрана.

Ко времени поединка с Максом Байером итальянец весил 132 килограмма, на 27 килограммов тяжелее Байера, и казалось, что ни один боксер не сможет выдержать такой разницы в весе. Однако...

Байер вышел на ринг уверенный в своих силах (может быть, он только делал вид, что так весел и беззаботен). Он что-то напевал, и всем, кто сидел недалеко от ринга, казалось, что он насмехается над неповоротливым гигантом. Примо же не владел в такой степени своими нервами, злился, атаковал в невыгодные для себя моменты, не попадал, нарывался на резкие контрудары, а тут еще издевательская улыбка на лице противника.

Уже в первом раунде Байер провел два сильных удара, и Карнера дважды падал. Первые три раунда прошли при большом преимуществе Макса. Потом Карнера пришел в себя, вспомнил о левом прямом и начал

угрожать Байеру. Теперь Макс начал выходить из себя. Он грубо нарушал правила, ударил Примо по затылку, головой разбил ему нос.

Но вот наступает десятый раунд. Байер подскакивает к гиганту и правым крюком ударяет в самый кончик подбородка. Гигант падает на пол, но через четыре секунды поднимается. На него обрушивается лавина новых ударов, и он снова падает. К счастью, гонг спасает его от критической ситуации.

За время перерыва секундантам не удается привести своего подопечного в нормальное состояние. На одиннадцатом раунде первый же сильный удар сваливает Карнера на пол. С трудом он поднимается, но еще один мощный удар — и итальянец снова на полу. Байер завоевал звание чемпиона мира.

Посмотреть на этот сенсационный бой пришло 60 тысяч зрителей. Поэтому во время легкоатлетического состязания с польской командой все только и говорили о поражении Карнеры. Никто во Флоренции не верил, что победа справедливо досталась Байеру...

Через несколько дней появились в печати сенсационные подробности этой встречи. Закулисные перипетии этой встречи описал менеджер Карнеры француз Леон Сей. Он рассказал, что Карнера в действительности был уже побежден Байером полгода назад в Голливуде. В то время «красавчик Макс» и Карнера снимались в фильме «Дама и боксер». Карнера, тогда чемпион мира, играл второстепенную роль. Байер же стал героем фильма, одновременно оставаясь главным соперником итальянца. Совершенно очевидно, что менеджер Карнеры совершил серьезную ошибку.

Байер изучил тактику своего противника, его основные приемы боя, увидел все его слабые стороны. По сюжету фильма оба должны были встретиться в жарком бою. Чтобы снять эту сцену, пришлось работать восемь дней, и все восемь дней на ринге! Джек Демпси, менеджер Байера, играл роль судьи.

Когда Байер впервые увидел в студии Карнера, он вместо того, чтобы пожать руку, протянутую ему добродушным итальянцем, схватил его за волосы и в присутствии операторов и статистов заорал: «Хелло! Макаронник!»

Некоторое время Карнера стоял остолбенев. Он не привык, чтобы с ним, с чемпионом мира, так обращались, но так ничем и не ответил на безобразную выходку Байера. Тогда-то «красавчик Макс» и выиграл первый раунд.

Все время, пока снимался фильм, Макс при всяком удобном случае издевался над итальянцем.

Байер все время старался не выпускать своего соперника из состояния нервного напряжения и болезненного возбуждения. Он надеялся таким образом повлиять на физическое и психическое состояние гиганта.

Наконец работа над фильмом подошла к концу. Карнера получил значительно более высокий гонорар, чем Байер. «Красавчик Макс» ничуть этим не огорчился и заявил в интервью:

— Несколько тысяч долларов, которые я заработал в Голливуде, не так уж много для меня значат. Гораздо важнее мне было выработать тактику для предстоящей встречи с Карнерой, чтобы победить его. Он обо мне ничего не знает, я же знаю о нем все. Этот фильм принесет мне звание чемпиона мира!

Вернувшись в Варшаву, я принял участие в открытом первенстве Варшавы. В беге на 5000 м победил Дуплицкого. Мое время — 15.04,4, Дуплицкого — 15.52,2. На следующий день я решил испытать свои силы в беге на 1500 м. Со мной на старте встали финн Нихельсон и немец Ротбард и, конечно, местная элита. Я сразу решил навязать соперникам довольно высокий темп. Сковроньский бежал следом за мной, не давая прорваться иностранным спортсменам, но потом не выдержал и отстал. Финн и немец сразу вырвались вперед и догнали меня. Я почувствовал, что немец еще очень свеж, и решил выпустить его вперед. Пусть он некоторое время бежит впереди, на финише я все равно возьму свое. Если бы я сейчас попытался еще увеличить темп, то совершил бы большую тактическую ошибку.

Метров за пятьдесят до финиша чувствую, что немец вот-вот начнет финишировать. Я делаю рывок. Ротбард явно не ожидал спурта и растерялся. Я первым пересекаю ленточку финиша с результатом 3.59,0, Ротбард проиграл 0,6 секунды.

В конце июня 1934 года я получил приглашение на соревнования в Берлине, где должен был помериться силами в беге на 5000 м с чемпионом Германии Сирингом. На великолепном стадионе собралось около 10 тысяч зрителей. Сиринг был тогда очень популярен, и все думали, что он легко со мной справится. Но уже на первых кругах я вырвался далеко вперед. Публике пришлось смириться с крушением своих надежд.

В том беге моим главным соперником был не только Сиринг. Старт принимали прекрасный датский бегун Нильсен — мой старый соперник, чех Кошчак и лучшие немецкие бегуны. Всего в забеге участвовало 15 спортсменов.

Пробежав один километр, я обнаружил, что Сиринг и Нильсен отстали метров на пятьдесят, мое время — 2.44,0. Оба они ведут между собой упорную борьбу, их пытается догнать чех Кошчак. Наконец Нильсену удается оставить за собой Сиринга. Я по-прежнему спокойно бегу впереди, и нет даже речи о том, что меня кто-нибудь может настигнуть. Бег выиграл почти без усилий.

Перед финишем я подумал: «Через два года в этом городе состоится Олимпиада. Смогу ли я так же легко победить соперников на этой дистанции?»

Я показал неплохое время — 14.46,0, у Нильсена было 15.10,1, у Сиринга — 15.11,8. Один из немецких журналистов спросил, мог бы я показать еще лучшее время? Я ответил, что, безусловно, мог пробежать в пределах 14.30,0, но на этот раз не хотел слишком переутомляться и берег силы для предстоящего первенства Европы в Турине.

Я быстро переоделся, чтобы успеть посмотреть, как выступит Хелиаш, который вместе со мной приехал в Берлин. Зигмунд толкнул ядро на 15,54, победив чехословацкого спортсмена Доду (15,04).

* * *

На этом месте мемуары Кусочинского обрываются. Видимо, во время войны записи были потеряны. (Часть более поздних записей Кусочинского сохранилась и приводится К. Грижевским в последующих главах.— Прим. ред.)

Лондон — Кельн — Стокгольм

Вернувшись из Берлина, Кусочинский отправился на первенство Польши в Познань, но там произошла неприятность.

Януш приехал в Познань, но в соревнованиях не участвовал, а присутствовал на них в качестве зрителя. К сожалению, он, как это уже часто случалось, не смог совладать со своим упрямством. Ему хотелось бежать только на 800 м, а «Варшавянка» выставила его на 1500 и 5000 м. Януш считал, что должен отдохнуть после трудных соревнований в Германии, где он встречался с Нильсеном и Сириномгом, и не желал и слышать о длинных дистанциях.

Его отказ вызвал резкую критику в печати.

Через неделю Кусочинский вместе с Хелиашем отправился в Лондон на открытое первенство Англии. Соревнования проходили на стадионе Уайт-Сити и собрали 30 тысяч зрителей. Публика с большим интересом ждала начала состязаний, в них должны были принять участие такие известные спортсмены, как Лехтинен, Исо-Холло, итальянский барьерист Факелли. Финны, к большому огорчению Кусого, подвели. Пришлось ему бежать дистанцию 3 мили (4827 м), имея против себя коалицию, состоящую из 20 английских спортсменов. Он должен был быстро пробиться сквозь толпу соперников, как всегда, возглавить бег и предложить свой темп.

Зрители криками и аплодисментами поддерживали поляка, а увидев, что у него в руке секундомер и что он часто на него поглядывает, стали требовать побития мирового рекорда. Януш, хотя ему никто не угрожал, начинает красивый финишный рывок за 400 м от финиша! Его время было 14.43,6. Англичанин Беверс, пришедший вторым, отстал от Кусочинского на 120 м.

Хелиаш тоже занял первое место, толкнув ядро на 14,89. К сожалению, у него не было серьезных соперников, а значит, и стимула показать лучший результат.

Оба поляка отправились из Лондона в Кёльн, где должны были участвовать в соревнованиях вместе с американскими спортсменами, совершавшими турне по Европе.

В Кёльне оба приятеля сразу пошли на стадион, чтобы познакомиться с местными условиями и немного потренироваться. Сделав несколько бросков, Хелиаш плохо себя почувствовал.

— Кажется, у меня температура,— обратился он к Янушу.

Кусочинский дотронулся рукой до лба Хелиаша: — Да ты весь горишь! Вернемся в отель. И действительно, Хелиаш был нездоров. Еще в Лондон он отправился с недолеченным гриппом. Болезнь вернулась. Пришлось Кусочинскому одному участвовать в соревнованиях в Кёльне. Он стартовал в беге на 2 мили (3218 м), надеясь побить мировой рекорд, принадлежавший Нурми (8.59,6).

Самыми серьезными противниками Кусочинского считали американца Мак Клуски и немца Гёрта, чемпиона Берлина. Однако уже после первого круга стало ясно, что оба партнера не сыграют значительной роли в беге и, что самое обидное, не помогут поляку установить новый рекорд.

Януш бежал очень ровно, показывая хорошее время на кругах, 1500 м он пробежал за 4.06,0, 3000 м — за 8.26,0. Он закончил бег в одиночестве за 9.00,4. Не хватило всего 0,8 секунды, чтобы побить рекорд.

Януш был очень огорчен результатом и пожаловался журналистам, что совершил непростительную ошибку, из-за которой не побил рекорд Нурми.

— Когда я приближался к финишу,— говорил Януш,— то обошел на целый круг одного из противников. Тот, желая, видимо, меня подтянуть, увеличил скорость. Я побежал за ним. Это продолжалось очень недолго, но я сбился с шага и потерял правильный ритм.

Через десять дней Кусочинский был уже в Стокгольме, где принял участие в соревнованиях, устроенных клубом «Хеллас». Януш согласился дать возможность Нильсену взять реванш на дистанции 3000 м. Казалось, что и на этот раз Кусочинский легко победит соперника, у которого так легко выиграл в Берлине. А что получилось? Но расскажу обо всем по порядку.

Забег вызвал в Стокгольме большой интерес, на трибунах собралось около 20 тысяч зрителей. Кусочинский сразу же предложил очень быстрый темп, но Нильсен легко выдерживает его и бежит вровень с Янушем. На третьем кругу Януш предпринимает попытку избавиться от датчанина и начинает первую атаку. Безуспешно! Нильсен не собирается уступать. Темп начинает снижаться, датчанин преследует поляка как тень, но не хочет обгонять его, видимо выжидая более подходящий момент для атаки.

Приближается последний круг. Нильсен наконец решается и атакует. И, о диво! Кусочинский довольно легко сдается и позволяет сопернику уйти на двадцать метров вперед! Наконец Януш решается на контратаку и самозабвенно бросается вперед. До финиша остается 300 м, когда Кусочинский настигает Нильсена, некоторое время они бегут плечом к плечу, и кажется, что вот-вот польский бегун вырвется вперед, но у датчанина появляется «второе дыхание», он делает еще рывок и заканчивает бег.

К сожалению, Януш не только потерпел поражение, но и потерял свой мировой рекорд в беге на 3000 м. Нильсен пробежал дистанцию за 8.18,5, время Кусочинского — 8.24,4.

— Я не ожидал, что проиграю,— говорил Януш.— Мне и в голову не приходило, что Нильсен за последние месяцы может достичь такого прогресса. Его невозможно узнать, он несется вперед как на крыльях! Он застиг меня врасплох молниеносным финишем. Правда, я нахожусь сейчас в плохой форме, последнее время я слишком много выступаю.

Победа Нильсена вызвала большую сенсацию в Европе. В печати его называли «датским Нурми». Родился он в 1910 году, начал бегать еще маленьким мальчиком, но нельзя сказать, что очень обнадеживал тренеров. В 1930 году Нильсен поехал в Финляндию, решив, что только там он может пройти хорошую школу. Ему очень повезло: его партнером был Лехтинен, у которого можно было многому научиться.

Вернувшись в Копенгаген, Нильсен с еще большим упорством продолжал тренировки. В каждый удобный момент на собственной машине выезжал он за город и тренировался там.

После встречи с Кусочинским Нильсен поделился своими впечатлениями с журналистами:

— Я поставил перед собой цель победить Кусочинского. В Берлине я был в плохой форме, кроме того, было слишком жарко, а мне трудно бегать в жару. В Стокгольме мы бежали после захода солнца и было прохладно. Перед стартом я выработал программу бега. Я знал, что Кусый — великий бегун и приложит все силы, чтобы снова отобрать у меня рекорд на 3000 метров.

На следующий день Кусочинский должен был в Стокгольме стартовать на 5000 м. Однако Януш отказался от этого бега. Он извинился перед организаторами и объяснил журналистам, что сейчас не в форме. Ему хотелось как можно скорее вернуться в Варшаву.

В Варшаве вскоре Кусочинскому пришло очень заманчивое приглашение из Амстердама. Хозяева извещали, что организуют большие соревнования с участием представителей Америки, Австралии и Новой Зеландии. Самым главным событием на соревнованиях должен был быть поединок Кусочинский — Нильсен.

— Если Нильсен будет участвовать в соревнованиях, я готов приехать, — ответил Кусочинский.

К сожалению, в Голландии Януша ожидал неприятный сюрприз. В последний момент от датчанина пришла телеграмма, в которой он сообщал, что из-за болезни вынужден отказаться от участия в соревнованиях.

Кусочинский, однако, решил предпринять попытку побить мировой рекорд на дистанции 4 мили, принадлежавший Исо-Холло. Но все складывалось против него. Нильсен подвел и не приехал, погода была ужасной. С утра шел проливной дождь, и беговая дорожка совершенно размокла.

Несмотря ни на что, Януш заявил, что собирается не только побить мировой рекорд на 4 мили, но и заодно улучшить рекорд Польши на 5000 м.

— А кто еще выйдет на старт? — в свою очередь, спросил Кусочинский.

— К сожалению, мы не можем выставить достойных вас соперников. Побегут известные бельгийские стайеры Марешаль, Румст и голландцы, но для них дистанция 4 мили слишком длинна. Они ограничатся 5000 метров, дальше вы побежите уже в одиночестве.

Такое заявление не обрадовало Януша, но что оставалось делать? Он выглянул в окно. Погода немного разгулялась, дождь перестал.

...Со старта Кусочинский побежал своим ровным эластичным шагом и 3000 м прошел за 8.42,0. Ближайший его соперник отстал на 200 м.

Вдруг хлынул ливень, но публика, захваченная соревнованиями, не двинулась с места. С трибун слышались возгласы, подбадривающие поляка. Дождь с ветром бил в лицо, но Януш упорно преодолевал круг за кругом. 5000 м он прошел за очень хорошее время — 14.46,0. Соперники далеко отстали, многие сошли с дорожки, но Кусый сражался дальше. Беговая дорожка стала напоминать речку, нечего было и мечтать о рекорде. 4 мили он прошел за 19.16,3.

Кусочинский вернулся в Варшаву, намереваясь немного отдохнуть и начать серьезную подготовку к первенству Европы в Турине. Но дома он узнал, что его ждет еще одна поездка в Финляндию.

* * *

Об этой поездке рассказывает сам Кусочинский. Его записки о стартах в Финляндии, к счастью, сохранились.

Я побеждаю финнов в Хельсинки

Совершенно случайно я узнал, что в ближайшие дни должен поехать в Финляндию и встретиться с сильнейшими финскими бегунами. Меня удивило это известие. Через несколько дней должны состояться столь ответственные соревнования, а я узнаю об этом только сегодня? За несколько дней до старта? Кто же меня так подвел? Союз... или, может быть, клуб?..

Клуб! Они уже все за меня решили, договорились с финнами, назначили день соревнований, не спросив меня, в какой я форме, могу ли сейчас участвовать в соревнованиях, смогу ли показать результаты, которые бы не скомпрометировали польского спорта. Клубные референты уладили это дело между собой: «Мы к вам пришлем сейчас Кусочинского, а вы потом пришлете к нам Лехтинена».

Ведь в клубе знали мой адрес, в любой момент могли разыскать меня, спросить, как я отношусь к поездке в Финляндию...

Я позвонил председателю клуба, но мне, к сожалению, не удалось его застать. Тем не менее к поездке в Хельсинки решил подготовиться как можно лучше. Поздно вечером я поехал на Мокотовское поле, чтобы потренироваться. Бегал в полном одиночестве и почти в полной темноте. Но я обязан был тренироваться. Ведь я несколько недель пропускал тренировки, а мне предстояло вскоре встретиться с лучшими легкоатлетами мира, представлять польский спорт. Если бы меня предупредили заранее.

На следующий день я встретился с председателем клуба, но он сразу дал понять, что не желает слышать никаких отговорок. Этот милый, мягкий человек, которому я стольким обязан, заявил, что решение о моем отъезде было принято на правлении клуба и он не может и не хочет его отменить.

Рано утром в среду я вылетел в Хельсинки. Самолет совершил сначала посадку в Риге, где я встретился с Клумбергом, который сопровождал меня в этом путешествии.

Уезжая из Варшавы, я подал заявление об уходе из клуба, так как считал, что клуб занял по отношению ко мне неверную позицию.

Газета «Пшеглонд спортовы» писала тогда: «Наш лучший стайер перед своим отъездом в Хельсинки на состязания с элитой финских спортсменов подал заявление об уходе из клуба... «Варшавянка» временно исключила Кусочинского из клуба... Но «Варшавянка» должна помнить об одном: такими спортсменами, как Кусочинский, не бросаются... Надо поберечь его, не нервировать перед таким сложным выступлением за границей, как первенство Европы в Турине. В последнее время польский спорт потерпел несколько крупных поражений за рубежом, и мы не имеем права во имя личных интересов бросаться такими спортсменами, как Януш Кусочинский. Неуживчивый характер Кусочинского — это не только его вина, но и его воспитателей и друзей».

Через неделю эта же газета в статье под названием «Кусочинский победил. Финны побеждены у себя дома» сообщала: «Опасное путешествие Кусочинского на север окончилось благополучно, полной победой великого стайера. Из-за недоразумения Кусочинский вылетел из Варшавы с опозданием — в среду, а уже в четверг он должен был стартовать. Кроме того, Финляндия выставила против него коалицию своих лучших спортсменов. Достаточно назвать Виртанена, Хёкерта, Асколу и известного бегуна на средние дистанции Сарканена».

Когда по прибытии в Хельсинки я спросил о Лехтинене, мне ответили, что мировой рекордсмен ввиду болезни не может участвовать в соревнованиях. «Странная болезнь,— улыбались вокруг,— ведь Лехтинен усиленно тренируется. Видимо, такое лекарство ему врач прописал... Болезнь называется «боязнь Польши». Я думаю, что если бы Лехтинен узнал, что я приехал на соревнования почти неподготовленным, он наверняка бы «выздоровел».

Я тоже совершенно расклеился, но в своем недоумении могу обвинять только себя. В Риге на аэродроме я съел несколько груш и запил их сырой водой. Этого было достаточно, чтобы выйти из строя на несколько дней. Боль в желудке мучила почти неделю!

Соревнования в Хельсинки одновременно являлись последними отборочными соревнованиями перед первенством Европы. Виртанен, победив целую группу молодых талантливых бегунов, завоевал право поехать в Турин защищать честь финского спорта в беге на 5000 м. Моему старту предшествовала огромная рекламная кампания. Весь город говорил о моем участии в беге на 3000 м. На стадионе собралось 15 тысяч зрителей.

До сих пор я всегда выступал в форме клуба «Варшавянка». На этот раз я не стал надевать майку с бело-красными цветами и с эмблемой моего клуба. Я надел майку с белым орлом на груди (герб Польши). Я прекрасно понимал, какую беру на себя ответственность... Это являлось для меня определенным стимулом и придавало новые силы. Хотя где-то в глубине души чувствовал, что недостаточно хорошо подготовился к встрече с сильнейшими финскими бегунами.

Готовясь к старту, я хотел разыграть бег на время, надеясь побить мировой рекорд. Однако, взвесив все «за» и «против», пришел к выводу, что переоценил свои возможности, и решил не заявлять о своей попытке побить мировой рекорд. В этом случае не имело смысла бежать на результат, надо было постараться победить на финише.

По обыкновению после старта я сразу же возглавил бег. Так мы миновали первый круг, второй, третий, пятый. И тут я увидел Виртанена, молнией проскочившего впереди меня. Я взглянул на секундомер: 1 км — 2.45,0, 1500 м — 4.15,0. Опять подумал: «Может быть, стоит все-таки разыграть бег на время?.. Нет, слишком рискованно. Не забывай, что ты очень ослабел из-за болезни желудка».

И в то же время меня раздражало, что Виртанен бежал впереди, подбадриваемый публикой. Мой соперник по Олимпийским играм в Лос-

Анджелесе явно угадал мои намерения предпринять атаку на финише. Он развил очень высокий темп, надеясь вымотать меня, не допустить атаки на последних метрах. Даже если ему не удастся победить, он облегчит завоевание победы своему соотечественнику Хёкерту.

Я стараюсь ни на шаг не отставать от Виртанена. Каждую секунду могу вырваться вперед, но пока медлю. Все-таки нервы не выдерживают. Я решил атаковать. Атакую! Но Виртанен, похоже, и на этот раз разгадал мою тактику. Он отразил мою атаку, я же не хотел слишком выкладываться, решив поберечь силы для решающего броска.

Приближается линия финиша. Осталось всего 300 м! Ну что ж! Пора! Атакую, выхожу вперед, но борьба еще не кончена. Виртанен отчаянно пытается вернуть утраченную позицию. Я слышу его дыхание: у него еще достаточный запас сил. Мы выходим на прямую. Финн решил, видимо, все поставить на карту. Еще несколько метров. Я уже почти чувствую финишную ленту! Есть! Я победил! Объявляют время. Я пробежал 3000 м за 8.23,0, Виртанен — за 8.23,7, Хёкерт показал 8.26,2, Аскола — 8.28,7, Сарканен — 8.45,0.

После бега меня пришли поздравить хозяева. Они засыпали приглашениями выступить в разных городах Финляндии. Но никому ничего определенного я не обещал, зная, какие неприятности ждут меня дома в связи с недоразумениями в клубе.

Спустя несколько часов после забега, когда я отдыхал в отеле, раздался телефонный звонок.

— Вас вызывает Варшава.

— Тебя временно исключили из членов клуба,— сообщил мне мой приятель Шенайх.

Меня глубоко задело такое решение, я отказался от всех приглашений в Финляндии и думал лишь о том, чтобы как можно быстрее вернуться в Варшаву.

Вскоре после моего возвращения правление «Варшавянки» постановило вычеркнуть меня из членов клуба, как недисциплинированного спортсмена.

Я нанес визит председателю клуба и был очень дружелюбно принят. Меня попросили назвать клуб, честь которого я согласился бы защищать на беговых дорожках. Конечно, трудно было сразу ответить на такой вопрос, я еще пока ничего не решил.

Через некоторое время состоялась встреча легкоатлетов Варшавы и Познани. Я бежал на 1500 м, чтобы проверить себя перед поездкой в Турин. Потом я все же решил ограничиться только олимпийской эстафетой. 800 м я пробежал за 1.57,6.

Быстро приближалось первенство Европы в Турине. Весь спортивный мир напряженно ждал начала состязаний. Всех охватила горячка приготовлений. Именно в это время из Финляндии пришли газеты с описанием моей победы над Виртаненом. Не могло не вызвать удивления интервью Виртанена. Он заявлял, что проиграл мне только

потому, что я на финише толкнул его локтем в грудь. А еще Виртанен сказал, что бежал не в своих шиповках...

Я был возмущен тем, что сказал Виртанен. Особенно историей о том, как я толкнул его локтем. Я категорически утверждаю, что выиграл забег в честном поединке. Но все это не могло не отразиться на моем нервном состоянии, да еще за несколько дней до отъезда в Турин. Я прекрасно понимал, что в Турине против меня выступит вся финская коалиция и постарается вернуть себе гегемонию на стайерских дистанциях.

В Италии предстояли трудные дни, поэтому мне хотелось поехать туда пораньше, хотя бы на неделю, с тем чтобы акклиматизироваться.

До Вены я ехал по железной дороге, потом в столице Австрии пересел на самолет Вена — Милан. Путешествие было очень приятным, самолет поднялся на высоту 4000 м, чтобы форсировать Альпы. Погода и видимость были прекрасными. Я видел под собой дикие горные вершины, клубящиеся тучи опускались в долины. Из Милана в Турин я снова ехал в поезде.

Мрачная тень фашизма

Сразу же по приезде в Турин приступил к тренировкам. Мое настроение, однако, было испорчено статьей, появившейся в одном из самых больших туринских журналов «Стампа». Какой-то журналист позволил себе несколько выпадов в мой адрес, назвал меня «огородником с треугольным лицом».

В то время в Италии фашизм расцветал пышным цветом. Проводилась в жизнь одна из основных теорий фашизма: все народы, не принадлежащие к «избранным нациям», относятся к неполноценной, низкой расе. Итак, в Турине перед первенством создалась неприятная атмосфера, которая не изменилась и во время соревнований. Фашистские лидеры требовали от своих спортсменов только победы, итальянские спортсмены должны были выиграть любой ценой. Даже их проигрыши пытались объяснить соображениями высшего порядка. У итальянцев вечно происходили какие-то невероятные истории, которые в последний момент препятствовали «верному выигрышу». Без выкрутасов, в честной борьбе итальянцы просто не могли проиграть. Вот лишь один пример: бег на 400 м с барьерами. Всеобщим фаворитом был очень хороший итальянский бегун Факелли. Он почти весь забег лидировал, но почти у самого финиша его догнал немец Шелле. И что же произошло? Факелли моментально захромал, показывая публике забинтованную ногу, и театральным жестом разводя руками. Он, конечно, мог прийти к финишу вторым, в крайнем случае третьим, но он вообще отказался от всякой борьбы, хотя наверняка мог быть вице-чемпионом Европы. Он пришел к финишу последним...

Я хочу противопоставить этому другой случай, с эстонским спортсменом Проомом. В беге на 5000 м он не рассчитал свои силы и почти в конце дистанции так изнемог, что, казалось, не мог дойти до финиша. Было ясно, что он не может занять призового места, тем не менее эстонский спортсмен не сошел с дорожки, боролся до конца. Он добежал до финиша, вызвав к себе большое уважение.

Примерно так же, как и Факелли, повел себя другой итальянский спортсмен — Ланци. В отборочных соревнованиях на 800 м он показал полное отсутствие знания элементарной тактики. Швед Нью сразу же предложил высокий темп. Ланци вместо того, чтобы сохранить силы для финишного рывка, ни за что не захотел отставать от шведа, рвался вперед, надеясь сорвать аплодисменты. Я уверен, что Ланци проиграл в финале бег только из-за своих, рассчитанных на внешний эффект, выходов в отборочном соревновании, когда он приветствовал публику, поднимая руку в фашистском салюте.

Правда, не могу не признать, что в беге на 1500 м я поступил ненамного умнее итальянца. Но об этом позже. Я бы хотел еще рассказать о хозяевах первенства. Смешон был маневр итальянской печати, опубликовавшей результаты чемпионата Европы. Они

передвинули Италию на третье место с четвертого, желая доказать, что только Германия и Финляндия стоят впереди Италии. Венгрия же, которая в действительности занимала третье место, оказалась на пятом. Хозяева применили для этого очень простой маневр: они посчитали себе дважды очки в ходьбе на 50 км, где итальянцы заняли третье и четвертое места. Вместо семи они поставили себе четырнадцать очков! Итальянцы выбрали такой вид соревнований, в котором участвовало всего лишь семь спортсменов. Непопулярная ходьба не привлекала внимания публики, и ее хотели совсем исключить из программы.

Но я, кажется, слишком увлекся и забегаю вперед. Лучше я буду описывать первенство Европы по порядку. Стадион в Турине выглядел действительно торжественно. Беговая дорожка была эластична, хорошо подготовлена. Расположен стадион был в прекрасном месте.

Я увидел многих знакомых спортсменов. Датчанин Нильсен, правда, поздоровался со мной очень холодно и сразу же отошел от меня. Больше мы с ним не общались. Может быть, Нильсен затаил на меня обиду? Не знаю. Я, во всяком случае, не чувствовал за собой никакой вины. В последний раз мы с ним встречались в Стокгольме, но тогда, он победил меня и даже установил новый мировой рекорд. Понятнее было бы, если бы дулся на него я, но побежден я был в честной борьбе, и ни о каких претензиях не могло быть и речи.

В день открытия первенства должны были состояться отборочные соревнования на 1500 м. Меня охватили сомнения. Есть ли смысл стартовать и расходовать силы перед бегом на 5000 м, где мне предстоит противостоять финнам? С другой стороны, хотелось принести команде как можно больше очков. Если я могу на дистанции 5000 м показать время 14.40,0, то почему бы 1500 м не пробежать за 3.52,0!

Эх, была не была! И я побежал на 1500 м. В отборочных соревнованиях я старался лишь попасть в финал.

Вечером того же дня состоялся финал. Полтора круга я впереди, за мной бегут Шарбург и Сабо. Итальянец Бекалли занимает четвертое место. Вдруг бельгиец Гераерт на вираже обходит всю головную группу, чем вызывает всеобщее замешательство. Моментально я оказываюсь на девятом месте. Темп ускоряется. В мозгу предательская мысль: «Смогу ли сконцентрироваться и догнать головную группу? Да,— ответил я себе,— смогу. А не отразится ли это на следующей дистанции, когда тебе придется бороться со всей коалицией финнов?» Я внушал себе, что самое главное состязание для меня не сейчас. Почему я не пришел к такому же выводу 15 минут назад?

Несмотря на свои колебания, я не отказываюсь от дальнейшей борьбы, даже увеличиваю темп, обхожу француза Гойса и эстонца Юрлана, а потом оставляю за собой измученного своим же рывком бельгийца Гераерта. Не могу заставить себя отказаться от борьбы. Минутное размышление — и я пускаюсь вдогонку за головной группой. Венгр Сабо мгновенно сориентировался в ситуации. Он понял, что если позволит себя догнать, то проиграет на финише. Он начинает отрываться

и тянет за собой Бекалли и француза Норманда. Оцениваю ситуацию. К сожалению, уже слишком поздно, мне не наверстать упущенных метров.

Я был зол на себя, потому что избрал неправильную тактику. Я слишком долго выяснял с самим собой отношения... Позволил сделать отчаянный рывок молодому бельгийцу, он спутал все карты, произошла невыгодная для меня перестановка. Мне действительно надо было беречь силы, но все-таки я мог пробежать лучше.

В отвратительном настроении вернулся в отель. Все мои помыслы уже были направлены на предстоящий бег на 5000 м. Виртанен и Салминен не давали покоя, они даже снились по ночам, говорили о моем неминуемом поражении.

Я долго обдумывал, какую выбрать тактику бега. На старт вышли семь спортсменов: два уже названных финна, два итальянца, Мастроянни и Бартолини, француз Рошар, венгр Келлен и я. Мне непременно хотелось возглавить бег и предложить высокий темп, что я и сделал. Однако финны все время стараются нарушить мои планы. Силуэты Виртанена и Салминена вырастают как из-под земли. Оба финна стараются меня «запереть». Первые круги они лидируют по очереди.

Я уже понял их тактику: они решили «зарезать» меня темпом. На втором круге вперед выходит Виртанен, а Салминен отдыхает. Потом они снова меняются ролями. Вижу, что всем заправляет Виртанен, он руководит своим соотечественником, отдавая вполголоса ему распоряжения.

Тогда я принял решение: разделить финнов! Я вклиниваюсь между ними, не давая им возможности общаться друг с другом, отказываюсь от лидерства, вынудив их занять первое и третье места. Естественно, мой маневр пришелся не по вкусу финским бегунам, и они всеми силами стараются оттеснить меня на третью позицию. Я упорно продолжаю держаться второй позиции и отражаю все их атаки. Финнам уже труднее общаться друг с другом, приходится с третьей позиции добираться до первой, но это не легко; я все время начеку и не подпускаю их друг к другу. Четвертым бежит француз Рошар, слабый бегун, которого в свое время я победил в Париже.

В пяти очередных кругах ситуация остается без изменений. Я веду с финнами упорную борьбу и отражаю все попытки Салминена прийти на помощь лидирующему Виртанену. На какой-то момент к Салминену приближается Рошар, но быстро отпадает, сочтя, видимо, более благоразумным держаться четвертого места. Келлен бежит пятым.

Но вот Виртанен громко кричит своему соотечественнику. Я понял, что финны придумали что-то новенькое и Виртанен решил применить другую тактику. Я вырываюсь вперед и возглавляю бег. Следом за мной бежит Виртанен, третий — Салминен. Он что-то возмущенно кричит. Я догадываюсь, что он высказывает коллеге претензии, что тот выпустил меня вперед.

В трех кругах от финиша Виртанен снова лидирует и всеми силами пытается подтянуть за собой своего соотечественника. Но я не

могу допустить этого! Снова бегу между ними, и снова Салминен занимает третью позицию. Остается 600 м до финиша. И здесь происходит совершенно неожиданное: вперед вырывается француз Рошар. До сих пор не могу понять, как это произошло, как я мог его проглядеть! Журналисты писали, что Кусый все время посматривал на секундомер, а увидев перед собой Рошара, улыбнулся. Виртанен оглянулся, как бы говоря: «Пусть бежит, бедняга. Все равно через двадцать метров он выдохнется».

Может быть, так оно и было. Одно только верно, что, увидев, в каком темпе бежит Рошар, я решил не догонять его, а по-прежнему контролировать финнов, француза явно не стоило принимать во внимание.

Рошар тем временем прекрасным спуртом все дальше удалялся от нас... Еще несколько секунд я не верил в его победу. Он должен выдохнуться!

Только за 300 м до финиша я понял, что это не шутка, не сумасшедшая выходка — француз уже подходит к финишу. Я оставляю финнов — они меня уже больше не интересуют — и бросаюсь в погоню за французом. Слишком поздно!

Правда, мне удается настигнуть Рошара, но обогнать его я бессилён. Сократить такое большое расстояние на протяжении всего 300 м не смог бы самый лучший бегун мира! Рошар занял первое место и стал чемпионом Европы.

И снова меня охватили сомнения. Может быть, было бы лучше не принимать участия в беге на 1500 м, тогда я бы смог догнать Рошара...

Возвращение из Турина

Я возвращался в Польшу без звания чемпиона Европы, что меня очень огорчало. Что тут говорить! В Турине я потерпел поражение из-за неправильной тактики, видел перед собой только финнов, все остальные спортсмены для меня не существовали. За эту узость взглядов и был жестоко наказан. Ничто не может меня оправдать. Лучше признаться в своей ошибке позже, чем вообще не говорить о ней.

Приехав в Варшаву, узнаю, что меня пригласили на соревнования в Выборг. Туда, к сожалению, не приедут финские спортсмены: все они были в Берлине, где проходила встреча Германия — Финляндия. Мой основной соперник — Лехтинен выехал в Копенгаген. С кем же мне предстоит встретиться в Выборге? Мне сказали, что в забеге выступит надежда финского спорта молоденький стайер Хёппания. Я должен был выступить в роли экзаменатора молодого спортсмена! Хозяева просили, чтобы мы бежали на 1000 м. Эта дистанция меня никогда не привлекала, но я не хотел обижать организаторов соревнований и решил пойти им навстречу. Забег я проиграл! Правда, совершенно случайно, но весь мир узнал о моем поражении.

Я решил разыграть бег на последних метрах и тем самым совершил роковую ошибку. Организаторы вбили в землю палку со звонком. Его установили в пяти метрах от финиша, а мне показалось, что палка вбита наравне с финишной лентой. Я закончил бег на пять метров ближе. Финн использовал мою ошибку и обошел меня буквально на несколько сантиметров. Мое время — 2.29,2, такое же, как и у Хёппания.

Во второй день я стартовал на 2 мили. Самым грозным моим соперником был Маетти.

Со старта я лидировал. Маетти некоторое время пытался противостоять мне, но потом быстро выдохся и отстал. Второе место занял финн Тойвонен. Мое время — 9.16,6, финна — 9.27,1.

В этих же соревнованиях участвовал великий Пааво Нурми. Его выступление, конечно, было показательным. Начал он очень хорошо, но на второй половине дистанции, видно, очень устал. Годы дали себя знать, и даже такой железный организм не мог сопротивляться наступающей старости. Нурми бежал 10 000 м и показал результат 31.39,2. Для него это было слабовато.

Из Выборга я направился в Хельсинки, а оттуда полетел в Стокгольм, где в четверг и пятницу устраивал соревнования клуб «Хеллас». Главным событием здесь должен был стать мой поединок с датчанином Нильсеном на дистанции 3000 м. Я радовался предстоящей встрече, надеясь взять у Нильсена реванш. На беговой дорожке в Стокгольме он отобрал у меня мировой рекорд всего два месяца назад.

Я подумал, что было бы очень хорошо именно в Стокгольме установить новым мировой рекорд. Самочувствие мое на этот раз было

отличным, и очень хотелось доказать, что я все-таки сильнее, чем «датский Нурми».

Из известных спортсменов на старте появился еще швед Петерссон. Именно он и начал лидировать. Первый круг я бежал слишком медленно, на втором увеличил скорость и вышел вперед. Я бежал в равномерном темпе, постепенно удаляясь от соперников. Потом я понял, что с мировым рекордом ничего не выйдет, потому что никто не хочет принять мой вызов. В июле я помог датчанину достигнуть великолепного результата, а сейчас он не может, в свою очередь, мне помочь. Он бежит тяжело, и я уже знаю, что мой партнер не принесет мне никакой пользы. 1500 м пробегаю за 4.10,0, то есть слишком медленно. Надо бы пробежать эту дистанцию на шесть секунд скорее, тогда еще можно было думать о рекорде. Через два километра я снова посмотрел на секундомер. Стрелка была неподвижна: механизм испортился. Пришлось выбросить из головы все мысли о рекорде. Я даже снизил скорость. Этим воспользовался Йонссон и вырвался вперед. Так мы проходим полкруга, потом я снова вынуждаю шведа отойти на второе место. Резко финишируя, я увидел, что люди на трибунах встали. Стокгольм, который помнил мой старт в июле с Нильсеном, оценил мой реванш и приветствовал меня!

Я рву финишную ленточку, опередив Йонссона на восемь метров. Мой результат — 8.32,2, швед пробежал за 8.33,4, его симпатичный соотечественник Петерссон — за 8.34,0, Нильсен же занял пятое место.

Посла забега Нильсен подошел ко мне и молча пожал руку, как бы желая сказать: «Да, ты сильнее меня».

Я был приятно удивлен откликами шведской печати, которая до сих пор была ко мне довольно сурова. Шведы вообще избегают слишком бурных эмоций и всегда сдержанны в своих оценках. Они прекрасно разбираются в легкой атлетике и всегда очень требовательны. На этот раз шведские эксперты единодушно написали, что считают меня лучшим стайером в мире.

В превосходном настроении я вернулся в свою квартиру в Лазенках. Последние победы за рубежом повысили настроение, нога не болела. Меня снова назвали лучшим стайером в мире!

На моем пути стоял только Лаури Лехтинен — преемник Нурми, победитель в Лос-Анджелесе. Моей заветной мечтой стало победить финна!

Очень скоро подвернулась возможность встретиться с Лехтиненом. Он принял приглашение приехать в Варшаву. Предстоящие соревнования вызвали в Варшаве сенсацию. Я уже два года не выступал в родном городе в серьезных международных соревнованиях. Столица хотела видеть, как я борюсь на дорожке и как выигрываю. Два прошедших года были для меня очень тяжелыми. Болезнь ноги, лечение, психологический надлом — все это отдалило меня от большого спорта. Сейчас в напряженных поединках надо было доказать и себе и всему миру, что я по-прежнему остаюсь стайером высокого класса.

Ко времени поединка в Варшаве мы оба были уже далеко не в такой форме, как на Олимпиаде в 1932 году. Надо было составить план предстоящего бега и точно ему следовать, какие бы сюрпризы ни преподнесла беговая дорожка. Хочу подчеркнуть, что дистанция 5000 м — любимая дистанция Лехтинена, но не моя. До сих пор я не пробегал 5000 м лучше чем за 14.40,0.

Конечно, перед таким серьезным бегом надо как следует поломать голову и постараться угадать, какую тактику собирается применить противник. Я пришел к убеждению, что он попытается сломить меня темпом. Наверное, он постарается измотать меня частыми атаками, «рваным» темпом, сменами лидеров. Финн наверняка постарается подорвать мои силы и нервы, чтобы не допустить решающей борьбы на финише. Именно на финише, потому что ни для него, ни для меня не тайна, что на финише мой рывок сильнее.

Взвесив все достоинства и недостатки финна и свои, я пришел к выводу, что должен постараться решающую борьбу повести на финише. То, что в беге будет еще участвовать симпатичный швед Петерссон, меня беспокоило мало.

Тем временем жизнь продолжала преподносить новые сюрпризы. За три дня до забега, которому предшествовала широкая рекламная кампания, у меня заболело колено. Невыносимая боль так сильно терзала, что я стал серьезно подумывать, не прекратить ли подготовку к поединку и не благоразумнее ли вообще отказаться от этой встречи. Но мне трудно было совладать со своим желанием помериться силами с давним соперником. Нет! Я не отступлю.

Если сейчас откажусь, все скажут, что Кусочинский трусил, испугался поражения. Но я не боялся проиграть. Такая мысль ни на секунду не приходила мне в голову. Я хотел победить и был уверен, что не отступлю. Как объяснить зрителям, что я опасаюсь за большую ногу? Кто мне поверит?

Кроме того, Лехтинен специально приехал на мою родину, чтобы встретиться со мной в поединке, поставил на карту свою славу. Его я тоже никак не мог подвести. Он прибыл специально для того, чтобы сразиться со мной, готовился к нашей встрече. Я должен был выйти на старт, и я вышел!

Рано утром в четверг колено сильно опухло. Я решил не тренироваться, но все-таки поехал на стадион и немного размялся. Боль была просто невыносимой.

Вечером пошел к врачу. Он нашел мое состояние катастрофическим и даже слышать не хотел об участии в соревнованиях. Но меня уже ничто не могло остановить. Я решил бежать во что бы то ни стало! Я верил в себя, надеялся на чудо, на то, что сумею преодолеть боль, победить ее и выиграть.

Весть о моей болезни разнеслась со скоростью молнии. Я видел сочувствие и обеспокоенность в глазах друзей, но ни один из них ни словом не обмолвился о капитуляции. Только председатель Союза

спортивных обществ сказал, что мне лучше бы совсем отказаться от забега. К его голосу, к сожалению, никто не прислушался. Все, как и я, верили в чудо. Был прекрасный, погожий день. На варшавском армейском стадионе собрались тысячи зрителей. Все они верили в мою победу.

Трагедия на беговой дорожке

Вот я и на старте. Услышав выстрел, забыл обо всем — о ноге, о стратегии, о боли, вырвался вперед и помчался что было сил. Я не чувствовал никакой боли, хотя некоторые потом говорили, что я хромал на левую ногу. Только повторял про себя: «Скорей, скорей, скорей...»

Я ни за что на свете не хотел уступить лидерства. Время первого круга — 1.03,0. Потом пришло желание немного сбавить темп. Не знаю почему, я совсем не чувствую усталости, скорее всего во мне заговорил инстинкт. Третий круг — 1.13,0 — по-прежнему лидирую! Четвертый круг — 1.13,0 — продолжаю лидировать!

Когда наступил тот самый страшный миг, мне трудно сказать... Неожиданно почувствовал, что мне больно, меня занимает только одно: нога отказывается слушаться. Проклятое колено! И почему болит оно как раз сейчас, когда Лехтинен сзади?! Только теперь я вспоминаю, что бегу не один.

Финн вдруг вырастает рядом со мной. Он посмотрел на меня, наши глаза встретились. Он понял, что я совершенно беспомощен. Минута колебания. Он еще не верит в мое бессилие, подозревает тактический маневр. Он наблюдает за мной, изучает мой шаг, и только тогда у него рождается решение вырваться вперед.

Мой шаг на полметра короче, чем раньше, чем обычно. Я где-то потерял свой шаг... Теперь все ясно. Мой шаг объяснил все мне и моим противникам. Я увидел блеск в глазах Лехтинена и понял, что это значит. Он решил прямо сейчас дать мне решительный бой. Он делает рывок, увлекает за собой Петерссона. Они убегают, оставляя меня одного...

Я должен их догнать во что бы то ни стало! Если я им позволю далеко уйти, меня ждет поражение. А нога все больше болит.

Сейчас лидирует Лехтинен. Он все увеличивает темп и очередной круг проходит за 1.01,0. С трибун раздаются возгласы: «Кусый, не давай ему бежать!» Меня изо всех сил подбадривают, болельщики уверены, что мое отставание — тактический маневр, что я таким образом хочу усыпить бдительность Лехтинена. Никто не может понять, что я проигрываю.

Я подумал, что, может быть, мне лучше сойти с дорожки. Нет сил больше терпеть такую пронзительную боль! Я имею на это право, ведь я почти калека. Я больше не могу! Сжальтесь надо мной!

Вспомнил, что сказал доктор перед стартом: «Если почувствуешь боль, сойди с дорожки на втором круге». Нет! Я никогда не покидал дорожки. Пусть лучше проиграю, но сдаваться не хочу!

Я с трудом преодолевал искушение покинуть поле боя. Мне остается только один выход — бороться до конца. Такое решение придает новые силы: я поверил, что могу продолжить борьбу. В тот момент увидел, что Лехтинен оглянулся. Он, видимо, хотел посмотреть на мой шаг. Он увидел мою беспомощность, мою трагедию и замедлил темп. Он уже не боится моего финиша, а я еще неделю назад решил: за круг до

финиша начну решающий рывок, а последние 200 м пробегу в бешеном темпе.

Лехтинен уже даже не старается финишировать. Зачем ему зря расходовать силы? Все равно я уже не могу настигнуть его. Он рвет финишную ленточку, следом за ним приходит Петерссон.

Прежде чем пересечь линию финиша, Петерссон оглянулся. Как позже писал «Пшеглонд спортовы», «датчанин оглянулся, чтобы отдать последнюю дань мужеству своего великого противника».

Следом за ним и я пересек финиш. Я уже ни о чем не мог думать и упал на траву.

Потом сразу же встал, собрал свои вещи и побрел, хромая, в раздевалку — одинокий, побежденный...

Стадион на мгновение затих, а потом взорвался аплодисментами, приветствуя победителя — Лехтинена.

Я остался в одиночестве. Ведь побежденные должны не только переживать горечь поражения, но и одиночество! Настроение было почти похоронное.

Появились журналисты. Что я мог им ответить? Я мог только описать свое состояние во время бега:

— Я должен был бежать, хотя после вчерашней тренировки чувствовал, что не смогу хорошо выступить. Доктор запретил мне стартовать, но я не хотел подвести публику. Нога болела с самого начала бега, а когда на пятом круге Лехтинен увеличил темп, я окончательно «сломался». Мне очень не повезло, я ждал этой встречи два года.

На следующий день прочитал в газете интервью Лехтинена:

«Я приехал в Варшаву на верное поражение. Но после нескольких кругов Кусый оказался мне странным, он лидировал в слишком медленном темпе. Я решил увеличить скорость и легко выиграл забег. Я совершенно не почувствовал усталости, как будто совсем не бегал».

«Пшеглонд спортовы» в отчете о соревнованиях сообщал: «Публика рукоплескала Лехтинену, но прежде всего аплодисменты принадлежали Кусочинскому. Несмотря на болезнь, он не дезертировал, не сошел с дорожки, поступив неблагоразумно, но как настоящий спортсмен. Кто знает, не было ли такое неблагоразумие прекрасным заключительным аккордом его карьеры, проигранный бег — самым прекрасным его выступлением».

Сегодня я могу сказать, что если бы тогда не побежал, я бы не скитался три года по санаториям, но я был в какой-то мере спровоцирован к старту, хотя еще до начала соревнований чувствовал себя плохо, был почти калекой. Конечно, я сам во многом виноват, но если бы в тот момент кто-нибудь поговорил со мной, взвесил спокойно все «за» и «против» моего выступления, поражения могло бы не быть.

Когда на следующий день я появился на трибунах, совсем больной и отчаявшийся, услышал крики публики, требования продолжать борьбу, как будто бы вчера ничего не случилось. Я стиснул зубы, опустил голову. Что я мог им ответить? Они хотели увидеть меня на беговой

дорожке и не знали, что на этот раз наши желания совпадают. Я мечтал доказать всему свету, что сильнее и быстрее Лехтинена, победил меня не он, а моя болезнь. Сколько раз я приходил первым к финишу, побеждал, праздновал победу! А теперь стою среди публики, для которой еще вчера был воплощением непобедимости и олимпийского совершенства. Мы все обмануты: и они, и я. Они верили в своего Кусочинского, но вчера на этом стадионе он был вынужден покинуть ряды победителей. Может быть, он навсегда сошел с пьедестала победителей и его быстро забудут...

Мне хотелось крикнуть: «Какими вы будете завтра? Запомните ли, что я для вас вчера сделал? Я хочу, прошу вас запомнить этот бег! На беговой дорожке я был третьим, но я победил болезнь, она потерпела поражение!»

Сегодня я пришел на стадион... Сам не знаю и не понимаю, зачем я это сделал.

На операционном столе

После тех трагических событий многие люди хотели выразить мне симпатию и сочувствие. Меня приходили навестить в Лазенках, спрашивали, как я себя чувствую, как нога. Я видел, что люди проявляют ко мне неподдельный интерес, и это меня утешало и согревало. Было очень приятно, что во время болезни меня навестил доктор Свежавский. Благодаря его любезности осенью 1934 года я поехал на четырехнедельное лечение в Ивонич, в санаторий доктора Алексеича.

Пребывание в Ивониче благоприятно сказалось на моем состоянии, я частично восстановил нервную систему и мог уже спокойно оценить новую ситуацию. Правда, предстояла сложная операция, но я, собрав волю в кулак, гнал от себя невеселые мысли. Всю энергию направил на то, чтобы выполнять предписания врачей и поскорее выздороветь.

Лечением в основном занимался доктор Левитукс. Я каждый день посматривал на свое колено, внушал себе, что скоро снова смогу начать тренировки, окончательно вылечусь.

Больше всего удивлял меня Союз легкоатлетов, который словно забыл о моем существовании. Клуб «Варшавянка», напротив, старался мне всячески помочь. Мне удалось даже поехать в Сицилию, где я некоторое время жил в Палермо. Мне казалось, что смена климата, горячее солнце хорошо повлияют на мое колено и на общее состояние.

Пробыв несколько недель в прелестном Палермо, я решил, что уже окончательно выздоровел, и даже попытался сделать легкую разминку. Местный клуб разрешил тренироваться на его стадионе, предоставил в мое распоряжение раздевалку и беговую дорожку. На все спортивные мероприятия мне присылали бесплатные билеты. В пансионате меня навещало много незнакомых людей, интересовались моим самочувствием, просили рассказать о моих выступлениях на беговых дорожках мира и, конечно, особенно много спрашивали о Лос-Анджелесе.

Я себя чувствовал все лучше и поэтому начал интенсивней тренироваться. Неожиданно в Палермо прошел дождь. Дождь для Сицилии — очень редкое явление. Он шел недолго, был теплым, не испугал меня и не заставил сойти с дорожки, но то ли потому, что дорожка размокла, то ли из-за сырости в атмосфере снова заболело колено. Я впал в отчаяние, быстро упаковал вещи и отправился в Рим на консультацию к специалистам.

В Риме врачи, к сожалению, ничего нового не сказали. Я понял, что Италия мне не может помочь, и решил вернуться на родину. В Варшаву ехал обуреваемый плохими предчувствиями, только теперь я понял, как еще далек от полного выздоровления.

Наступил 1935 год. Состояние мое несколько улучшилось, и снова появилась надежда вернуться на беговую дорожку, не прибегая к сложной операции. Будущее стало казаться не таким мрачным.

Весной поехал на лечение в Иновроцлав, где меня опекал доктор Сушинский, большой друг спортсменов. Лечение в Иновроцлаве заключалось в специальных уколах и грязевых ваннах. Уже через неделю мне стало лучше, я поверил в лечение и понял, что нахожусь на курорте не напрасно. Но я так привык к постоянным неудачам, что боялся во всеуслышание объявить о моей радости. Я переживал ее про себя, но чувствовал, что здесь, в Иновроцлаве, удастся наконец победить болезнь. Когда был один, высоко подпрыгивал,— нога не болела, и я радовался как ребенок. «Я еще смогу бегать!» — кричал я во весь голос. В мечтах я снова был победителем, первым рвал финишную ленточку. Как все-таки прекрасно мечтать!

После трехнедельного пребывания в Иновроцлаве я уже мог совершать дальние прогулки на велосипеде, часто появлялся на теннисном корте. Я забыл сказать, что был большим любителем тенниса. «Если так и дальше пойдём,— думал я,— можно будет скоро начать регулярные тренировки».

В этот период все очень интересовались, как проходит лечение. Почти ежедневно почтальон приносил письма со всех концов Польши, незнакомые люди желали мне скорее выздороветь.

Об Иновроцлаве у меня остались самые теплые воспоминания. Особенно внимательны были ко мне местные школьники и школьницы. Девушки не скупились на знаки внимания, писали мне письма, приносили цветы. Мне кажется, что в Иновроцлаве живут самые милые, самые отзывчивые девушки на свете!

После двухмесячного пребывания в Иновроцлаве я возвратился в столицу. Самочувствие прекрасное! Я уже снова могу возобновить тренировки. Вопреки своим привычкам, начинаю разминку очень осторожно, чувствую, что уже в этом сезоне могу обрести высокую форму. Ведь в будущем году состоится Олимпиада в Берлине!

Мне надо было много двигаться. Движение приносило радость. Ничего удивительного, что я каждый день играл помногу в теннис. Однажды во время игры нога подвернулась, я вскрикнул от боли. Все, что мне за последние месяцы с таким трудом удалось достигнуть, рухнуло.

В который уж раз я снова погрузился в депрессию! Кажется, я был окончательно сломлен физически и морально. Теперь я понял, что наступила катастрофа, никакие полумеры не смогут меня вылечить.

Я находился тогда под Варшавой у моих родных. Надо было срочно возвращаться в столицу. Я потерял последнюю надежду выздороветь, перестал верить, что снова когда-нибудь смогу бегать; мало того, я думал, что всю жизнь буду ходить с палочкой, как сейчас. Разве могу сейчас мечтать о беге, если даже ходьба дается мне с трудом!

Надо было решить, что делать дальше. Мне хотелось передать молодому поколению спортсменов свой опыт, попробовать найти свое

место в жизни, стать педагогом и воспитателем. Я поступил в Центральный институт физического воспитания на Белянах. Учеба в институте доставляла огромное удовлетворение, я не пропускал ни одной лекции. К сожалению, из-за больной ноги я не мог посещать практические занятия.

Я не отказался от лечения, но вера в выздоровление была окончательно подорвана. Я уже не так скрупулезно выполнял указания врачей, не видя в них смысла. «К чему все это? — спрашивал я врачей. — Излечится травма, снова поддамся иллюзии, а потом наступит разочарование. У меня уже просто нет сил верить...»

Именно в это время мной заинтересовался председатель Польского союза легкой атлетики Знайдовский. Он уговорил меня пойти к его приятелю — доктору Кону. Что же, попытаюсь в последний раз! Лечение было очень мучительным и выматывающим. Оно заключалось в серии уколов, которые вызывали высокую температуру, иногда до 38—39 градусов. После такой встряски я, естественно, чувствовал большую слабость. Кроме того, уколы были очень болезненными. Почему же я решил предпринять еще одну попытку? Не хочу скрывать истинной причины ни перед вами, ни перед собой: просто я боялся операции. Прекрасный человек и великолепный специалист, доктор Левитукс давно сказал, что для спорта меня может спасти только хирургическое вмешательство, а я хватался за полумеры, как утопающий за соломинку.

Лечение, назначенное доктором Коном, продолжалось шесть месяцев, после чего доктор Кон отвел меня к профессору Радлинскому, и, осмотрев мою ногу, оба специалиста пришли к выводу, что надо делать операцию. Не хочу описывать моего состояния, когда узнал «приговор» врачей. Я попросил дать мне несколько дней подумать. Вернулся на Беляны и старался забыть о болезни и о предстоящей операции. Это было не так легко.

Я хорошо помню тот день — 6 марта 1936 года, день, когда принял бесповоротное решение. Я поставил, однако, категорическое условие: меня должен оперировать доктор Левитукс, которому я безгранично верил. Через три дня, 9 марта, явился в госпиталь...

Мне стало даже легче, когда я принял решение и отбросил все сомнения. Пути назад не было. Я не чувствовал особого волнения (правда, может быть, мне это только казалось). Интересно, когда я больше волновался — перед стартом в Лос-Анджелесе или сейчас? Пожалуй, сейчас. Ведь на карту поставлено мое будущее!

«Спокойно, Януш», — говорил я себе, стоя на старте в Лос-Анджелесе. И теперь повторял те же слова.

Перед отъездом в госпиталь обильно позавтракал, у меня вдруг появился волчий аппетит, я даже забыл о совете врача не перегружать перед операцией желудка.

Прощание с матерью было недолгим. Вначале вообще не хотел ей говорить о предстоящей операции, чтобы не волновать ее, и сообщить ей,

когда все будет позади. Потом, однако, решил, что жестоко скрывать от матери правду.

Приняли меня в госпитале приветливо, как старого знакомого. Показали кровать, на которой предстояло лежать после операции. Я представился пациентам, которые находились со мной в одной палате. Меня засыпали вопросами, и прежде всего спросили, играю ли я в бридж?

— Прекрасно,— сказал один из них,— наконец-то у нас появился четвертый. Мы вас уже почти полгода ждем!

Коллега по палате, видимо, и не предполагал, что моей мечтой было как можно скорей покинуть эти гостеприимные стены...

Я обещал, однако, во время лечения обыграть всех до нитки... Что и сделал, но об этом потом.

Через час я уже был на операционном столе. «Один, два, три...» Помню, сначала я считал, а потом постепенно все куда-то исчезло.

Проснулся через час после операции. Позже узнал, что операция продолжалась час пятнадцать и доктор Левитукс удалил мне из левого колена мениск. Я слегка забегая вперед, но хочу сказать, что немецкие специалисты, которые через несколько месяцев обследовали меня в Берлине, сказали, что я могу вернуться на беговую дорожку и побеждать. Они высоко оценили доктора, который делал мне операцию. Однако не буду предупреждать событий. Вернемся снова в больницу. Самочувствие мое после операции было хорошим. Я победил страх и свое упрямство и гордился этим. Но понервничать все же пришлось.

Я узнал, что моя мать во время операции пережила несколько очень неприятных минут. Одной из медицинских сестер было поручено сразу же после операции позвонить матери и сказать, что уже все в порядке и что я себя хорошо чувствую. Но мою просьбу выполнили совсем не так, как я предполагал. Как мне потом рассказывала мать, зазвонил телефон, она дрожащими руками подняла трубку и услышала голос: «Это пани Кусочинская?» «Да»,— ответила она. «Сейчас же приезжайте в больницу».

Можно себе представить, что пережила мать после такого таинственного и лаконичного звонка! Она была уверена, что ей уже не суждено увидеть меня в живых. Мне трудно описать первое свидание с мамой. Она не могла сдержать слез счастья, когда увидела меня в относительно хорошем состоянии.

Время в больнице бежало незаметно, я забыл о своих неприятностях, нога быстро зажила. Уже перед рождеством я мог покинуть больницу, но подумал, что во время праздников встречу многих знакомых и все будут спрашивать, как прошла операция, о которой хотелось как можно скорее забыть. Нет, лучше провести праздники в больнице, в тишине и покое. В канун праздника мне был нанесен очень приятный визит, визит известной копьеметательницы Марыси Квасневской, которая всегда была в превосходном настроении. Она засыпала меня новостями, посплетничала о моих коллегах-легкоатлетах. Был у меня и копьеметатель Генек Локайский (*Погиб в Варшаве во время*

восстания. — Прим. ред.). Журналисты тоже обо мне не забыли. Особенно приятно было видеть около себя моих старых друзей журналистов Александра Шенайха и Казимежа Грижевского.

В конце апреля, полный сил и надежд на будущее, я покинул стены больницы. Мне надо было решить, чем заниматься дальше. Должен ли я себя целиком посвятить учебе и работе или еще можно думать о продолжении спортивной карьеры?

Я решил прежде всего обратить внимание на учебу, стать примерным студентом. Хотелось передать молодым опыт, полученный в тяжелой борьбе на многих стадионах мира. Но для того, чтобы быть полноценным педагогом и воспитателем, одного опыта недостаточно, надо еще обладать и теоретическими знаниями, которые я мог получить только в Центральном институте физической культуры.

Перейти из вольных слушателей в студенты можно было имея аттестат зрелости. У меня его еще не было. Я взялся всерьез за учебу, чтобы сдать экзамены и получить аттестат, одновременно втянулся в общественную работу. Мне предложили возглавить легкоатлетическую секцию девушек в «Варшавянке». Новая для меня работа инструктора-руководителя отнимала много времени, но я не унывал. Огромное удовлетворение доставили мне резко улучшившиеся результаты и победы моих учениц. Большим приобретением для секции была Стася Валасевич. Она была из большого спорта, ее прекрасно встретили руководство клуба и товарищи по спорту. Мы все старались создать приятную атмосферу для нашей знаменитой спортсменки.

Раз уж я заговорил о Стасе Валасевич, не могу удержаться и не рассказать забавную историю из ее жизни. Стася родилась в деревне Янув под Рыпином на Куявах. Легенда гласила, что когда Стасе было всего полгода, она уже бегала. Ее бабушка рассказывала, что однажды она оставила маленькую Стасю барахтавшейся на полу, а недалеко от нее стоял горшок со сметаной. Малышка заметила горшок, подползла к нему и опустила пальчик в сметану. Увидев, что малышка проказничает, бабушка крикнула на нее. Девочка испугалась, впервые поднялась на ножки и стала убежать.

После этого кого может удивить, что Стасю в 1932—1936 годах называли самой быстрой женщиной в мире! Ничего удивительного. Она начала тренироваться, когда ей было... всего полгода!

Наверное, все истории о Стасе заняли бы слишком много места в книге. Позволю себе лишь еще одну. Стася возвращалась из Америки в Польшу. В столице Франции ей непременно захотелось потренироваться. Ее привезли на стадион, предназначенный только для женщин. Там она познакомилась с чемпионкой Франции Радидо, которая тогда была сильнейшей легкоатлеткой Европы. Французы не узнали Стасю; было это в 1930 году, когда она не была еще так знаменита. Радидо торжественно предложила Стасе два метра форы в беге на 100 м. Стася с улыбкой ее поблагодарила. Кончилось тем, что французенка проиграла. Она пришла к финишу, отстав от Стаси на два метра.

На Олимпиаде в Берлине в качестве зрителя

Приближалась XI Олимпиада в Берлине, а у меня было беспокойно на сердце. Когда-то я мечтал побывать в Берлине в качестве главного козыря нашей команды, но этим мечтам не суждено было сбыться. Я приехал в Берлин в качестве технического советника нашей делегации.

Надо сказать, что уже в феврале 1936 года я предвидел неудачи в Берлине. Подготовка к Олимпиаде велась неправильно, польские легкоатлеты были не в форме, наша общая подготовка оставляла желать лучшего. Я мог бы назвать только нескольких польских легкоатлетов, более или менее нормально тренировавшихся и не слишком перетрудивших мышцы.

Мне кажется, что виноват в этом прежде всего Польский союз легкоатлетов. Деньги, выделенные на подготовку к Олимпийским играм, пошли на латание дыр в текущем бюджете, на долги, и только небольшая часть — на усиленное питание спортсменов. Местные легкоатлетические союзы не получили ни гроша из олимпийских денег.

Вице-председатель Союза легкой атлетики слишком вольно распоряжался спортсменами, которых называл «жалкими пешками». Два его помощника постоянно ругались между собой. Конечно, не могло быть и речи о сотрудничестве между ними, о выработке общей программы подготовки. Поэтому я и утверждаю, что главным виновником наших олимпийских неудач стал Союз. Не могу забыть, как наш специальный «олимпийский» поезд отошел от перрона главного вокзала в Варшаве. Первое, что я сделал, как технический советник,— уговорил легкоатлетов снять туфли, надеть легкие тапочки: из своего опыта я знал, что для спортсмена туфли во время путешествия — враг номер один.

В Познани нас встретила толпа любителей спорта. Все желали нам счастливого пути и успехов в соревнованиях. На вокзале был и наш известный толкатель ядра Зигмунд Хелиаш. Перед отъездом на Белянах у него было серьезное столкновение с доктором Реттингером, и его, несмотря на великолепную форму, вычеркнули из списка олимпийской команды. Зигмунд был, конечно, расстроен и разочарован.

Во время нашего разговора тренер Хелиаша Цейзик (*Погиб в 1939 г. — Прим. ред.*) сказал:

— Жаль, что так получилось. Они все решили за меня. Я пытался вступить за Зигмунда, но они не захотели даже выслушать.

Особенно трогательно Хелиаш прощался с Вайс. Он поцеловал Ядю, пожелал ей успехов. Ядя не выдержала и расплакалась. Я наблюдал эту сцену и думал: «Лучше бы Хелиаш поехал вместо меня или еще какого-нибудь руководителя...»

В Берлине нас встретил проливной дождь. На вокзале Фридрихштрассе собрались представители Немецкого олимпийского

комитета. Присутствовали также наш посол и представители польской колонии.

Мы сели в автобусы и поехали в Олимпийскую деревню. Перед центральным въездом под звуки мазурки Домбровского на мачту подняли флаг Польши.

Через всю деревню мы направились к месту нашего размещения. Меня узнавали, со всех сторон слышались приветствия французов, англичан, финнов, итальянцев, шведов, чехов...

Первый вечер в Олимпийской деревне... Я стою у открытого окна и полной грудью вдыхаю прохладный воздух. Где-то вдалеке раздаются взрывы смеха. Вдруг из темноты возникает чей-то силуэт. Бежит! Шаг стайера. Я хорошо знаю этот шаг... Мне показалось, что я узнал спортсмена, в одиночестве бегущего в такое позднее время. Несомненно, это он. Такой длинный шаг может быть только у Салминена. Он тренируется в одиночестве, потихоньку, тайно. Такова дорога к олимпийским триумфам, таинственная дорога, ведущая к славе и победе. Мне даже думать об этом тяжело. Я отворачиваюсь от окна. Першит в горле, сердце сжимается. В этот момент понял, что я здесь не один, со мной мои страдание и боль, отчаяние и разочарование... А там, за окном, скользит одинокая тень, так же, как я когда-то на Мокотовском поле в Варшаве.

На следующий день встал рано утром, чтобы скорее попасть в Берлин. Я знал, что по приглашению организационного комитета приехал Пааво Нурми. Мне надо обсудить с ним важный вопрос.

В Берлине я встретил моего симпатичного знакомого еще по Лос-Анджелесу — Робертсона, главного тренера американской делегации. Я подумал, что хорошо бы и нам иметь в составе делегации такого опытного человека.

Робертсон принимал участие в Олимпийских играх 1904, 1906 и 1908 годов (бег на короткие дистанции и прыжки). В 1912 году этот человек, имеющий огромный опыт, становится тренером и занимается олимпийцами. В 1920 году в Антверпене он также был одним из руководителей американской делегации.

Из разговора с американцем я узнал, что негритянские спринтеры находятся в великолепной форме. Я видел, как тренируются негры. В состав «черной гвардии» входили Оуэнс (*Джесси Оуэнс стал героем XI олимпиады в Берлине, завоевав 4 золотые медали — в беге на 100 и 200 м, в эстафете 4 по 100 м и в прыжках в длину. — Прим. ред.*), Вильямс, Лювейлл, Меткалф, Олбриттон, Джонсон. Таким ребятам сам черт не страшен. Они бегали длинным, эластичным шагом, поражали прекрасной техникой. На их лицах не отражалось никакого напряжения, они бегали очень легко. Все были великолепно сложены: широкие плечи, узкие бедра, длинные мускулистые ноги. Чернокожие спортсмены обладали редким даром: гармоничной работой ног и рук.

Они показывали хорошие результаты в прыжках в высоту, особенно Джонсон и Олбриттон. Каждый раз они брали высоту больше

двух метров. Все спортсмены были дисциплинированы. Робертсон частенько на них покрикивал, но они беспрекословно выполняли все указания. Восхищенный, я возвращался с тренировки. Из домиков выглядывали спортсмены, одетые в разноцветные трикотажные костюмы. Они показывали на мою ногу и жестами давали понять, что знают, какое несчастье приключилось со мной, и сочувствуют мне. В ответ я мог только беспомощно развести руками.

На следующий день я встретился с Нурми. Знаменитый стайер, прозванный «великим немым», не знал ни одного языка, кроме родного, поэтому пришлось попросить Клумберга выступить в качестве переводчика.

Нурми преспокойно тренировался со своими соотечественниками. Я даже пережил минуты зависти: шаг Нурми по-прежнему эластичен и легок, финн как бы плывет по дорожке. Знаменитый победитель Олимпиад в Антверпене, Париже и Амстердаме бежит почти без усилий, как раньше, много лет назад. Я даже думаю, что если бы ему разрешили выступить на Олимпиаде, неизвестно, чем бы это кончилось...

Нурми сердечно приветствовал меня, выразил свое сочувствие по поводу моей болезни. Пока мы с ним разговаривали, нас окружила группа спортсменов разных стран, со всех сторон просили автографы. Но надо было знать Нурми. Он был большим оригиналом и терпеть не мог давать кому-либо автограф, у него невозможно было взять интервью. Когда разочарованные болельщики и спортсмены разошлись, Пааво обратился ко мне:

— С удовольствием дам тебе, моему самому главному сопернику, автограф.

И произошло невероятное: на каменном лице финна появилась улыбка. Впервые в жизни я видел улыбающегося Нурми!

Хочу сказать, что в моей жизни появилось новое увлечение. Я купил себе большую книгу, где стал собирать автографы спортсменов и моих друзей. В Берлине я решил собрать подписи почти всех участников Игр.

Перед отъездом в моем альбоме появился автограф доктора Левитукса с надписью: «Всегда рад Вас видеть, но только не как пациента».

Но вернемся к Олимпийской деревне. Сразу же после разговора с Нурми я встретил Лехтинена, моего соперника, которого не видел со времени катастрофы в Варшаве.

Лехтинен был очень любезен, сразу же жестами спросил, как моя нога. В ответ я мог только махнуть рукой. Лицо финна как-то сразу стало суровым, и я понял, что мое несчастье он принял близко к сердцу. Он что-то долго мне говорил, прикладывая руку к сердцу, я не многое понял, но догадался, что он хотел меня утешить.

Я вспоминаю также разговор с французским тренером Морисом Боку, который был первым тренером польских легкоатлетов, когда у нас этот вид спорта делал первые шаги. Француз вполне сносно объяснялся

по-польски. Мне нравился этот человек. Когда я бежал на приз Буэна в Париже, встретившись на дорожке с Рошаром, Боку дал мне много ценных советов. Он познакомил меня со Скавиньским, который защищал честь французского спорта в беге на 400 м. В свое время это был очень хороший спортсмен. Я заговорил со Скавиньским по-польски, но он, к сожалению, не понял ни слова. Он объяснил мне при помощи Боку, что его предки покинули Польшу после восстания в 1830 году, а мундир, оставшийся от прадеда, принимавшего участие в борьбе за свободу своей отчизны, хранится в семье Скавиньских как реликвия.

Однажды я встретил лучшего копьеметателя Финляндии Матти Ярвинена. Мне не надо рассказывать о приоритете Финляндии в этом виде спорта. Достаточно сказать, что в Лос-Анджелесе копьеметатели из этой страны заняли три первых места! Я спросил финна, в чем секрет стабильности его результатов.

— У нас,— сказал я,— никогда нет уверенности в том бросит ли сегодня наш даже самый лучший метатель копье на шесть метров дальше или ближе.

— Результат зависит не от формы, а от стиля,— услышал я в ответ.— Однажды избранный определенный стиль делает спортсмена не зависящим от формы.

А теперь несколько слов об Олимпийской деревне. Там был очень хороший безалкогольный бар, который, к моему удивлению, совсем не пользовался успехом. Кстати, сухой закон господствовал не во всей деревне. Французы, привыкшие к вину, привезли с собой значительные запасы.

Излюбленным местом встреч олимпийцев был не бар, не кинопередвижка, расположенная в большом автобусе, а театр-варьете под названием «Гинденбургхаус». В фойе театра был установлен большой бюст фельдмаршала. Его надменное лицо как бы напоминало, что мы находимся в сердце III рейха, где прусский милитаризм играет доминирующую роль. Кто знает, может быть, хозяева специально поместили именно здесь изображение Гинденбурга. Они, видимо, хотели напомнить молодежи всего мира о силе прусского сапога...

Несмотря на это, из зала то и дело доносились взрывы смеха. Я вошел внутрь. Зал, рассчитанный на несколько тысяч зрителей, был заполнен разноязыкой толпой спортсменов. На сцене два комика вызывали бурю смеха и аплодисментов. Их ни за что не хотели отпускать.

Потом на эстраде появилась женщина. Все удивились, так как на территорию Олимпийской деревни вход представительницам слабого пола был строго воспрещен. В зрительном зале началась дискуссия: настоящая это женщина или переодетый мужчина. Все думали, что над ними подшутили и на сцене танцует переодетый мужчина. Но потом вышел партнер, артисты исполнили дуэт, и ни у кого уже не осталось сомнений в том, что в деревню впустили женщину.

Был уже поздний вечер, когда я вышел из театра. На постаменте, воздвигнутом в центре Олимпийской деревни, зажглись пять разноцветных колец. Они как будто повисли в воздухе.

Нойи не послушался доброго совета

XI Олимпиада началась. Я сидел на трибуне в качестве зрителя... Моим коллегам предстояло начать борьбу а я чувствовал себя одиноким среди сотысячной толпы.

Грустным было мое возвращение в Олимпийскую деревню. Одна мысль не давала покоя: завтра состоится бег на 10 000 м. Моя коронная дистанция!

Я считаю, что бег на 10 000 м — одно из самых сложных олимпийских состязаний, украшение программы. На этой дистанции всегда велась ожесточенная борьба.

Не буду подробно описывать бег, хочу только сравнить его с моим выступлением в Лос-Анджелесе. Мне кажется, что было гораздо сложнее бежать в 1932 году, хотя соперников тогда было меньше. Да и подготовка стайеров в Берлине, на мой взгляд, была слабее. Не был побит и мой олимпийский рекорд.

После восьми кругов я с огорчением увидел, как Нойи дважды отрывался на три метра от головной группы и дважды с большим трудом нагонял ее. Тогда я подумал, что его может хватить еще на два круга, и, к сожалению, не ошибся.

Кульминацией бега стала героическая борьба японца Муракосо с тройкой финских бегунов. Он проиграл только потому, что лидировал девять десятых дистанции. Правда, я тоже в Лос-Анджелесе почти все время лидировал, но в то же время старался не допустить до контакта моих противников. Я сумел разделить Виртанена и Исо-Холло. В Берлине Муракосо лидировал практически всю дистанцию, что финнам было, конечно, на руку.

Ситуация в этом беге выяснилась только через два километра, в то время как в Лос-Анджелесе сразу было ясно, что ведущая тройка поделит между собою медали. В Берлине финн появился лишь на третьем километре. Это был Салминен, который вышел вперед, некоторое время рядом с ним бежал Нойи. Два километра они пробежали за 5.26,2. После трех километров (8.53,0) мне стало ясно, что Исо-Холло и Аскола решили прийти на помощь своему соотечественнику, оторвались от второй группы и присоединились к головной.

После четырех километров продолжает лидировать японец (11.56,4). Правда, бежит он по-прежнему легко, почти без усилий и кажется мне совершенно свежим, но за ним бежит грозная финская тройка, а также Нойи, Бурнс и Этон. На пятом километре Нойи, некоторое время бежавший третьим, отпадает, он отстает все больше и больше. Это не минутный кризис, а катастрофа! Неожиданно для всех он «сломался». Конец!

После этого неудачного бега появилось знаменитое дело о «бифштексе Нойи». Находились такие, кто, узнав об этом, иронически усмеялся. Многие считали, что журналисты искали материал для своих

статей. А как было в действительности? Нельзя сказать, что нашего бегуна «зарезал» высокий темп первой половины бега. Его можно было выдержать. Я считаю, что Нойи проиграл бег во время обеда, когда он заказал бифштекс по-английски. Такое питание перед серьезными соревнованиями абсолютно противопоказано. Я советовал ему заказать шницель по-венски — он легче переваривается, на Юзеф меня не послушался.

Чтобы до конца исчерпать тему, процитирую высказывание тренера Нойи Станислава Петкевича:

«Я советовал Юзефу все время держаться финнов. К сожалению, он меня не послушался и сразу же после старта стал рваться вперед. Финны в это время оставались далеко позади. Первый круг Юзеф пробежал за 1.04,0, а Салминен — за 1.10,01. Такая разница во времени говорит очень о многом».

На следующий день после бега у Нойи была увеличена печень, но уже во вторник, в день отборочных соревнований на 5000 м, печень пришла в норму.

О своем желании участвовать в соревновании заявило рекордное количество спортсменов, поэтому техническая комиссия была вынуждена устроить три предварительных забега. В каждом из них оказалось еще 15—17 спортсменов. Нойи попал во вторую группу, где стартовали фаворит Игр швед Хёкерт, Келен (Венгрия), Нильсен (Дания), Хансен (Норвегия), Хельстрем (Швеция), Клосс (Англия) и др.

Бег Нойи в предварительном забеге на 5000 м был классическим примером неправильного, неэкономичного распределения сил. Все участники забега продемонстрировали плохую тактику, не исключая будущего победителя — Хёкерта. Лидерство на протяжении забега переходило из рук в руки, то лидировал датчанин Нильсен, то англичанин Клосс, то венгр Келен, то бельгиец ван Румст и швед Хельстрем. Такой бег мне, наблюдателю с трибун, казался довольно легкомысленным.

Нойи боялся надолго оставаться в замыкающей группе, а пробиться в головную группу представлялось едва ли возможным, так как на внутреннюю дорожку его не пропускали противники. Нойи все время бежал по внешней стороне и поэтому покрыл гораздо большее расстояние, чем остальные спортсмены. Однако в последний момент он решился на отчаянный рывок, благодаря чему занял третье место, попав таким образом в финал. Победил Хёкерт — 15.10,2, вторым пришел Клосс — 15.10,6, время Нойи — 15.11,2.

В финале Нойи бежал очень хорошо. Только на втором километре у него была минута слабости, в остальном же он держался молодцом. Финны Хёкерт и Лехтинен снова победили благодаря дружному взаимодействию. Хёкерт оказался на финише первым, швед Ионссон, несмотря на упорную борьбу, не догнал этой пары, а Муракосо взял слишком невысокий темп. Нойи занял пятое место, обогнав Салминена и других хороших бегунов. Он установил новый рекорд Польши, который до сих пор принадлежал мне.

Сразу же после бега я направился в раздевалку, чтобы поздравить Нойи. Но попасть туда было не просто: надо было пройти мимо 15 контролеров и обмануть не одного полицейского. Я вошел в большой коридор. По обе стороны были двери, ведущие в раздевалки. На дверях эмблемы команд. Направо я увидел красно-белый флажок и надпись «Полен».

Я постучал и сразу же вошел. Вопреки ожиданиям, Юзеф не выглядел особенно усталым и был в превосходном настроении. Он хоть и не получил медали, но производил впечатление человека, выигравшего в лотерее самый большой приз. Понятно... Он радуется, что отобрал у меня рекорд. Но я не затаил на него обиды, а искренне радовался его успехам.

Я догадывался, что Нойи хотел реабилитировать себя любой ценой за поражение на дистанции 10 000 м.

Еще раз пожав ему руку и поздравив, я хотел уходить. Нойи воспрянул духом. Еще несколько дней назад он ходил угнетенный своим поражением, а теперь даже пытался шутить:

— Перед забегом я получил открытку от незнакомой школьницы из Отвоцка. Она умоляла меня перед сегодняшним соревнованием придерживаться диеты, ничего тяжелого не есть... И еще одна открытка пришла — от молоденького поклонника из Жолибожа, который писал, что уже давно восхищается моими успехами, и умолял сделать все возможное, чтобы победить на дистанции 5000 м.

Позже я говорил о Нойи с Александром Клумбергом, который был тренером наших легкоатлетов, а сейчас является инспектором по спорту в Эстонии. Он присутствовал уже на пятых олимпийских играх и сам был рекордсменом мира по десятиборью (*Клумберг установил рекорд мира в десятиборье в 1922 г., а в 1924 г. на VIII Олимпийских играх в Париже он завоевал в этом виде программы бронзовую медаль. — Прим. ред.*), к тому же обладал большим опытом и способностью оценить ситуацию. К Олимпиаде в Лос-Анджелесе он готовил Вайс и Плавчика, поэтому прекрасно ориентировался в нашей легкой атлетике.

— В Нойи,— сказал он,— уживаются два разных человека. Один Нойи бежал на 10 000 м, второй — на 5000 м. Я слышал, как после его бега на 10 000 м финны между собой говорили, что «зарезали» поляка темпом. Но дистанция 5000 м показала, что Нойи невозможно «зарезать» темпом. Тот, кто способен пробежать 5000 м за 14.33,0, не может не выдержать темп, который был на дистанции 10 000 м. Была совершена ошибка... Не знаю, какой у него распорядок. Может быть, в тот день он неправильно питался, плохо спал.

— Кстати,— спросил я Клумберга,— не мог ли отразиться тот знаменитый бифштекс на его самочувствии? — Очень возможно,— ответил Клумберг.— Может быть, он не привык к такому питанию. Очень полезно было бы Нойи завести специальную тетрадь, в которой он бы записывал, что ел и как себя чувствовал перед каждым стартом. Помнишь, Кусый, ты именно так поступал, и у меня никогда не было хлопот с твоим желудком. Мне кажется, что у Нойи силы борца, а не бегуна и если бы он

попал к хорошему тренеру, кто знает — может быть, ему удалось бы побить мировой рекорд

Клумберг сказал еще несколько слов о нашем копьеметателе Локайском, который в Берлине не сумел показать приличных результатов:

— Больного спортсмена вообще нельзя выпускать на поле. Я видел Локайского в Таллине, он был тогда в классической форме, его результаты приближались к результатам Ярвинена. А сейчас, в Берлине, не вылечившись окончательно от травмы, он, конечно, не мог показать приличных результатов. Локайский должен брать пример с финнов: надо тренироваться часто, но очень легко. Тогда не будет таких неприятных сюрпризов, как травма...

Я не хочу подробно описывать успехи наших легкоатлетов: Вайс, Валасевич и Квасневской (*Я. Вайс и С. Валасевич стали обладательницами серебряных медалей Олимпиады: Вайс — в метании диска (46,22 м), а Валасевич — в беге на 100 м (11,7 сек.). М. Квасневская выиграла бронзовую медаль в метании копья (41,80 м). — Прим. ред.*). Я наблюдал главным образом за выступлением бегунов. Не могу забыть забегу на 800 м с участием Кухарского, который сам растерял все шансы завоевать медаль. Если бы он находился хотя бы в прошлогодней спортивной форме, думаю, он сумел бы обойти Вудруффа и завоевать золотую медаль. Негритянский бегун еще не слишком опытен, часто выбирает неправильную тактику. Кухарский вполне мог выдержать предложенный темп, а на финише вырваться вперед. Даже в своей теперешней форме он имел шансы занять второе или третье место. У меня возникло впечатление, что Кухарский не был достаточно уверен в своих силах. Во всяком случае, он финишировал резче всех финалистов. Итальянец Ланци выложился до конца, а огромный Эдвардс терял силы на глазах, и если бы лента находилась в двух-трех метрах дальше, поляк обошел бы его.

На старт этого забега вышли самые лучшие бегуны на средние дистанции: Вудруфф (США), Андерсон (Аргентина), Хорнбостл (США), Уильямсон (США), Бакхоус (Австралия), Эдвардс (Канада), Мак Кэбб (Англия), Ланци (Италия) и наш Кухарский.

Линию старта и финиша почему-то передвинули на середину прямой. Я заметил, что все участники забега очень нервничают. Выстрел! Фальстарт! Ланци срывается раньше времени.

Следующий старт обошелся без сюрпризов. Эдвардс сразу вырывается вперед. Кухарский прячется за спину Вудруффа и Бакхоуса. Однако Вудруфф почти сразу же обходит Эдвардса и Бакхоуса и тянет за собой поляка. Но, вопреки ожиданиям, Вудруфф не убегает вперед, а удовлетворяется позицией лидера и предлагает довольно невысокий темп. Первые 400 м головная группа пробежала очень слабо — за 57 секунд. Отпадает Бакхоус. Эдвардсу темп показался слишком медленным, и он, вырвавшись вперед, начинает лидировать. На последних двух виражах разыгрывается драма: Вудруфф решается атаковать и выходит вперед, обогнав всех на метр. Эдвардс, видимо отчаявшись получить

золотую медаль, решает бороться хотя бы за серебряную. Он казался уже очень усталым. Но неожиданно Ланци обходит Эдвардса и Кухарского. Все ближе финишная ленточка, а Кухарский, видимо забыв, что она передвинута на середину прямой, с большим опозданием начинает спурт. Развив бешеную скорость, он уже не может достать Эдвардса, ему не хватает всего двух метров.

Результаты этого волнующего состязания были следующими: Вудруфф — 1.52,9; Ланци — 1.53,3; Эдвардс — 1.53,6; Кухарский — 1.53,8.

Думаю, ошибка, допущенная Кухарским в тактике бега, не была единственной причиной его поражения. Главным было его нервное состояние. Об этом свидетельствует ответ Кухарского на вопрос, как он провел последние несколько часов перед бегом:

— Что тут удивляться, конечно я нервничал! Это был самый серьезный экзамен в моей жизни. Перед стартом я отдыхал в своей комнате в Олимпийской деревне. По нашему павильону бродили спортсмены, боксеры хлопали дверьми, что меня очень раздражало. Я даже сказал Хмелевскому полушутя-полусерьезно: «Ох, Хмель, поберегите мои нервы. Мне необходимо спокойно отдохнуть. Придет время, и вам тоже придется выйти на старт, тогда вы узнаете, как трудно сосредоточиться в таком шуме...»

Кухарский вообще по натуре очень мягкий, деликатный человек, и упреки, сделанные в такой форме, его товарищи пропустили мимо ушей.

— Скажи, ты очень волновался перед выходом на старт? — спросил я Кухарского.

— Да, это был не самый приятный момент в моей жизни. Сидеть в раздевалке, слышать, как беснуется публика на стадионе, и не иметь возможности увидеть, что там происходит... Может быть, побит мировой рекорд? А ты вынужден сидеть в одиночестве, словно запертый в клетке. Только за десять минут до старта приходит специальный сопровождающий и вызывает спортсменов. Потом идешь за ним, как приговоренный к смертной казни.

В Берлине я очень подружился с замечательным спортсменом, украшением Олимпиады, негром Джесси Оуэнсом. Его называли «чудом XI Олимпиады», и, надо признать, он пользовался заслуженной популярностью. Вначале, правда, было трудно вступить в разговор с Оуэнсом, так как он сразу стал всеобщим любимцем, особенно восторженно к нему относились берлинские модницы. Оуэнс все время был в окружении толпы, его одолевали коллекционеры автографов.

Джесси было всего 22 года. Перед началом Олимпиады в печати появилась сенсационная статья, в которой описывалось «дело Оуэнса». Он нарушил обещание жениться. Но красавица негритянка не позволила себя надуть и настояла на своем. Джесси вынужден был выполнить обещание и повести невесту к алтарю. Миссис Оуэнс прибыла вместе с супругом в Европу и ревниво следила за каждым его шагом. Видимо, она поступила предусмотрительно: Джесси Оуэнс был очень влюбчив...

Оуэнс оказался веселым, компанейским парнем и в американской команде был всеобщим любимцем. В борьбе он вел себя всегда по-рыцарски. Его прыжок в длину 8,06 м (он повторил результат дважды), стометровка за 10,2 сек.— феноменальные результаты.

Прыжок на 8,06 м имеет интересную историю. Первый раз Оуэнс совершил его, чтобы завоевать золотую медаль, а через десять минут он повторил результат по просьбе Ленни Рифеншталь, мечтавшей запечатлеть на пленке рекордный прыжок! Негр свободно повторил прыжок, показав точно такой же результат, вплоть до сантиметра.

Олимпиада подошла к концу. Олимпийская деревня опустела. Я не мог отделаться от назойливой мысли, которая все возвращалась и возвращалась: «Увижу ли когда-нибудь вновь в своей жизни олимпийские игры? Смогу ли в них участвовать? Увенчают ли меня еще когда-нибудь олимпийские лавры?» Трудно заглянуть в будущее... Одно было ясным; я никогда не откажусь от борьбы и приложу все старания, чтобы снова вернуться на беговую дорожку. Сразу же по приезде на родину я начну тренироваться,— конечно, если позволят врачи. Я буду это делать очень осторожно, но я должен снова бегать! Без спорта моя жизнь теряет всякий смысл.

Из Берлина в Варшаву я ехал в обществе моих двоих друзей — журналистов. Путешествие было очень приятным. Мы все время говорили об Олимпийских играх.

С нами приключилась забавная история, характеризующая нравы старых чиновников. На пограничной станции в Збоншине в наше купе вошел таможенник. Он сразу обратил внимание на мой чемодан, самый внушительный по размерам.

— Чьи вещи? — спросил он.

— Мои,— сказал я и на всякий случай представился. Очень уж мне не хотелось снимать сверху тяжелый чемодан.

— Очень приятно,— сказал чиновник.— Но все-таки я вынужден вас побеспокоить и попросить снять чемодан.

Таможенник приказал открыть багаж и внимательно осмотрел мои вещи. Его заинтересовали часы, которые, кстати, были куплены вовсе не в Берлине. Потом он извинился за беспокойство и вышел из купе.

Прошло несколько минут, снова появился чиновник в зеленом мундире и робко проговорил:

— Извините за назойливость, но не могли бы вы дать мне автограф?

Я подписал фотографию и не обиделся на чиновника — ведь он выполнял свой служебный долг.

Поезд тронулся. Чем ближе к Варшаве, тем яснее я понимал, что нахожусь на пороге существенных изменений в моей жизни.

В этом месте дневник Кусочинского обрывается. Не известно, писал ли он еще что-нибудь после Берлинской олимпиады... Может быть, во время оккупации его записи были утеряны.

Последние годы жизни Януша Кусочинского я буду описывать, опираясь на газетный материал, его интервью, статьи, им написанные, воспоминания его друзей.

Возвращение на беговую дорожку

В октябре 1937 года Януш Кусочинский одержал еще одну победу в своей жизни: он экстерном сдал экзамены и получил аттестат зрелости.

Кто знает, может быть, это событие положительно повлияло на становление характера Януша. Прежде он был неразговорчивым и подозрительным человеком. Теперь же стал увереннее в себе, сблизился со многими коллегами, приобрел много новых друзей. Он охотно говорил о разных системах тренировки, о тактике бега, делился своими воспоминаниями о поездках за рубежом. Все студенты Института физической культуры очень полюбили его и радовались, что Кусый возобновил тренировки, а ноги его окончательно зажили.

В феврале 1938 года Кусочинский так хорошо себя чувствовал, что рискнул поехать на практику в горы, чтобы научиться кататься на горных лыжах. Был он тогда уже на третьем курсе института. Януш с энтузиазмом занялся горнолыжным спортом, но ему не повезло: на крутом вираже он вывихнул ногу и снова на четыре недели был прикован к постели.

Никого, наверное, не удивит, что после выздоровления Кусочинский тренировался очень осторожно. Но близилось лето, все чаще можно было увидеть Януша на стадионе. Он был доволен своими результатами и даже хотел попробовать выступить в соревнованиях. Такая возможность появилась на состязаниях на первенство Польши.

Участие в соревнованиях Кусочинского вызвало не только сенсацию, но и искреннюю радость всех любителей спорта. Кусый должен был встретиться со своими старыми соперниками и помериться силами с новым фаворитом — Нойи. На трибунах стадиона Войска Польского собралось около семи тысяч зрителей. Кроме Кусого и Нойи на старте выстроились лучшие польские стайеры: Сольдан, Фиалка, Марыновский, Херман и Виркус.

Трибуны замерли от изумления, когда увидели, как сразу же со старта, как и в лучшие времена, Януш вырвался вперед. Такого никто не ожидал. Все думали, что Кусый будет осторожно держаться сзади, постепенно увеличивая темп.

Первый круг он пробежал за 63 секунды! Нойи отстал на двадцать метров! 800 м за 2.13,0. Нойи начинает постепенно приближаться к лидеру. Сформировалась головная тройка: Кусый, Нойи и Сальдан, но Януш никому не собирается уступить лидерство.

После четырех кругов Нойи пытается атаковать, но Кусочинский отвечает новым рывком и пробегает два километра за 5.50,0, Сольдан по-прежнему входит в головную группу.

После трех километров темп немного снижается (8.58,0), зрители возбужденно реагируют на каждое изменение на дорожке, многие не могут усидеть на местах, хотя до финала еще далеко. На каждую атаку на дорожке зрители отвечают взрывом аплодисментов.

У Кусого четыре метра преимущества, но так остается недолго. Нойи боится, что Януш уйдет слишком далеко. После четырех километров Юзеф по примеру финских бегунов пытается оторваться от соперников; кажется, ему это удалось, он опередил всех на пять метров, но Кусый не сдается, нагоняет Нойи и тянет за собой Сольдана. А Сольдан так разгорячился, что вырвался вперед и стал лидировать.

На предпоследнюю прямую первым вышел Нойи, рядом с ним Кусочинский. Сольдан не выдерживает напряженной борьбы и остается сзади. Осталось всего 100 м до финиша! Нойи выходит вперед не сумасшедшей скорости. Он как будто одним прыжком добился двенадцати метров преимущества. Кусый пытается его настичь, но напрасно... Юзеф оглядывается, видит, что Януш не сдался, делает последний рывок и первым пересекает финиш.

Волнение на трибунах достигло предела. Слышатся голоса: «Не важно, кто выиграл бег, главное — у нас теперь два превосходных стайера, которыми мы можем гордиться».

Нойи пробежал дистанцию за 14.52,6, Кусочинский — за 14.56,2, Сольдан — за 15.01,8.

Журналисты бросились разыскивать Януша. Что он скажет о своем первом старте после такого длительного перерыва? Кусый, несмотря на поражение, улыбался и пребывал в прекрасном настроении. Он охотно ответил на вопросы:

— Прошло четыре года с тех пор, как я последний раз выступил на беговой дорожке стадиона Войска Польского. Сколько перемен произошло за это время! Сколько новых имен появилось в польском спорте! Четыре года назад я думал, что будет поставлен крест на моей спортивной карьере.

После более чем двухгодичного лечения я потихоньку возобновил тренировки, иногда даже принимал участие в соревнованиях, но в основном в эстафетах. Должен честно признаться, что я боялся понести поражение в неравной борьбе.

Я приложил все силы, чтобы постепенно обрести прежнюю форму, хоть один раз выступить, а потом уйти навсегда. Сегодня я решил доказать всем пессимистам, что я еще не совсем кончился, что есть еще порох в пороховницах...

К сожалению, все время что-нибудь препятствовало моему возвращению на беговую дорожку: то вывихнутая нога во время лыжной тренировки, то простуда. Наконец для меня пришел великий день, я надел майку с эмблемой клуба и встал на старт.

Я очень волновался в этот день, не знал, найдутся ли на стадионе зрители, которые помнят меня. От волнения перед глазамиплыли разноцветные круги. Я пришел в себя, только услышав гром аплодисментов.

Тогда я понял, что для тех, кто пришел на стадион, неважно, выиграю я или проиграю. Главное, я снова бежал. Четырехлетний перерыв был из их и из моей памяти как бы вычеркнут одним махом.

Трудно описать мои волнение и благодарность. Я решил всем и себе напомнить во что бы то ни стало лучшие времена, хотел показать красивый и эмоциональный бег, чтобы отплатить зрителям за их сердечный прием. Забег стал для меня серьезным испытанием, проверкой сил, и, как мне кажется, я с честью выдержал испытание.

Что говорил Юзеф Нойи об этом забеге? Дословно цитирую слова победителя: «Я очень счастлив, что Кусый вернулся в большой спорт. Я теперь буду еще интенсивнее тренироваться, чтобы удержать звание чемпиона Польши. Участие Кусого в международных матчах придает мне силы и отваги.

Мне кажется, что сегодня я мог бы пробежать с лучшим временем. Кусый лидировал очень неровно, предложил слишком медленный темп, чтобы показать хорошее время. Я был лучше Кусого подготовлен к бегу и должен был сам предложить более высокий темп».

И, наконец, слушаем, что говорил Станислав Петкевич, тренер Нойи:

— Впервые в истории нашей легкой атлетики два спортсмена пробежали 5000 м меньше чем за 15 минут, а третьему немного не хватило для перехода этой границы. Возвращение Кусочинского имеет очень большое значение, он очень усилит нашу команду. На длинных дистанциях у нас остались соперниками только финны и шведы.

Вскоре пути двух выдающихся стайеров разошлись. Нойи был приглашен в Лондон и там принял участие в беге на 3 мили, где он не в глазах у 45 тысяч зрителей стал победителем.

В то время когда Нойи побеждал в Лондоне, Кусочинский находился в Хельсинки. Януша всегда тянуло в Финляндию, он, видимо, хотел воочию убедиться, что входит в прежнюю форму, посмотреть, как его самые серьезные соперники готовятся к Олимпиаде. А может быть, он хотел ознакомиться с новыми методами тренировок?..

В Хельсинки Кусый навестил Нурми. Своими впечатлениями о визите он делился на страницах газеты «Пшеглонд спортовы»: «Пааво Нурми после своего перехода в профессиональные спортсмены открыл магазин готового мужского платья. Естественно, магазин привлек к себе внимание не только всей Финляндии, но и многочисленных туристов, посещающих Страну тысячи озер. Магазин сразу стал процветающим.

Я легко отыскал Нурми. В бизнесе он остался таким же рациональным, как и в спорте. Он солидный, деловой человек, очень разумный, у него для всех находится время. Когда он узнал, что я жду его, он сообщил, что выделил для нашего разговора целых пять минут!

— В Финляндии создан специальный комитет,— говорил Нурми,— в задачу которого входит всяческое содействие спортсменам, готовящимся принять участие в олимпийских играх. Комитет должен пропагандировать рациональную тренировку, а также находить новых способных спортсменов. Я — член комитета и должен заниматься непосредственно легкоатлетами. Хочу подчеркнуть, что на тренировках мы избегаем шаблонного подхода к спортсменам, учитываем их индивидуальные особенности, по-разному распределяем нагрузки.

В конце разговора я спросил Нурми, кого из финнов он считает лучшими стайерами. Нурми назвал Хартика, Перкури и Мяки лучшими на дистанции 5000 м, а на 10 000 м — Салминена».

Из Хельсинки Кусочинский направился в Осло на легкоатлетический матч Польша — Норвегия. Это была его первая международная встреча после выздоровления. К сожалению, поездка в Финляндию не пошла на пользу Янушу. Приехав в Осло, он заболел, и от простуды у него воспалилось ухо. Кусочинский даже не мог пойти посмотреть соревнования, он вынужден был все время оставаться в отеле и лежать. Матч прошел очень эмоционально, Польша выиграла со счетом 95 : 93. Поляки тогда заняли два призовых места в беге на 5000 м. На финише был первым Нойи с результатом 14.54,8, вторым — Сольдан, показавший 15.03,3. К сожалению, мы потерпели поражение в беге на 10 000 м, Виркус занял второе место, а Марыновский — четвертое. Если бы бежал Кусочинский, картина была бы совершенно иной. Героем матча стал Гонсовский, победивший дважды: на 400 м — 49,2 и на 800 м — 1.54,9.

Вернувшись в Варшаву, Кусочинский снова попал в больницу: у него оказалось воспаление среднего уха, и пришлось десять дней пролежать не вставая. Какое невезение! Кусому снова надолго пришлось прервать тренировки и раньше времени закончить сезон.

Сиринг побеждает Кусого

Легкоатлетические соревнования зимой... Странная прихоть! Таким было общее мнение польских легкоатлетов, когда в городе Пшемысле в феврале 1930 года впервые в закрытом помещении были организованы соревнования.

Наши спортсмены считали, что зимой надо отдыхать, копить силы для предстоящего сезона. Несмотря на это весьма распространенное мнение, нашлось много настоящих спортсменов, порвавших с вредной традицией зимней спячки и отправившихся в Пшемысл. Поехал туда и Януш Кусочинский, став с тех пор постоянным гостем Пшемысла.

Спортсменов так тепло приняли в этом городе, что в последующие годы все они очень охотно туда ездили. Пшемыслу принадлежит немало заслуг перед польской легкой атлетикой. Этот город заставил нас помнить о «королеве спорта» не только летом, но и с приходом морозов и выпадением снега.

Первая поездка в Пшемысл едва не закончилась трагически. Спортсменов разместили в казармах. С вечера в печах слишком рано закрыли заслонки, и в результате такой небрежности несколько спортсменов чуть не погибли от угарного газа. К счастью, дежурный солдат вовремя почувствовал запах угара и поднял тревогу. Больше всех пострадал один из наших ветеранов — Вечорек.

Мы вспомнили об этом потому, что в феврале 1939 года состоялось VII зимнее первенство Польши, и снова в Пшемысле. Главным событием первенства должен был стать старт Кусочинского.

Кусый ни от кого не скрывал, что 1939 год должен для него стать годом перелома, что, вылечив ногу, он как бы снова начинает свою карьеру.

Первый старт в этом году можно считать удачным для Януша — 3000 м за 9.23,21 По пути он побил рекорд в закрытом помещении на 2000 м, его время — 6.06,8. Кухарский находился не в лучшей форме и после 800 м сошел с дорожки. Но это был всего лишь предварительный забег, в финале Кусочинский вообще не выступал и победил Сольдам за 9.19,5. Во второй день Януш участвовал в эстафете 4 по 800 м в команде «Варшавянка». Почему Кусочинский не участвовал в финале бега на 3000 м? У него произошло столкновение с организаторами, так как он считал, что не имеет смысла устраивать предварительные забеги на 3000 м, если о своем желании участвовать в соревнованиях заявило всего 14 спортсменов, те же, что должны были участвовать и в эстафете. Януш настаивал на своей точке зрения и, когда его не послушали, в знак протеста вообще отказался от финала.

С каждым днем улучшается общее состояние Кусочинского. Несколько удачных выступлений в закрытом помещении укрепили его веру в будущее. Он уже тогда понял, что одержал победу над собой, над своим недугом. Кризис миновал. Он смело мог сказать: «Все складывалось против меня, никто не верил в мое возвращение в спорт, но я снова на беговой дорожке».

В марте пришло приглашение из Германии. Януш, который последнее время очень много тренировался в закрытых помещениях, решил на первую международную встречу после болезни. Его часто спрашивали: — Не слишком ли рано ты рвешься в бой? Ты не боишься, что можешь «сломаться» на финише?

Кусочинский хитро улыбался и отвечал:

— О победе, может быть, действительно рано еще думать, но о будущем сезоне, по-моему, самое время. Кроме того, скоро состоится XII Олимпиада (*Вторая мировая война, развязанная немецким фашизмом, помешала проведению XII и XIII Олимпийских игр. Очередные Олимпийские игры были проведены только в 1948 г. в Лондоне.— Прим. ред.*). Если я не начну сезона как можно раньше, то не сумею показать хороших результатов. Вы знаете меня и знаете, что я не люблю проигрывать, но бывает так, что невозможно избежать поражения.

И Кусочинский поехал в Берлин. Он хорошо знал берлинский «Дейчланд-халле» еще со времен Олимпийских игр, когда в 1936 году в нем разыгрывался боксерский турнир. Помню, как он волновался, наблюдая встречу Хмелевский — Кларк. Тогда Януш был в Германии в роли зрителя и отчасти журналиста. В то время он переживал психическую травму и еще не верил в свое возвращение в большой спорт.

А сегодня... Наконец пришел день, когда он может окунуться в гущу борьбы. Он стоял на старте в ожидании выстрела и вспоминал Хмелевского, Полюса, Собковьяка... Рядом с ним стояла грозная немецкая коалиция: Сиринг, Эйтель, Эберхардт. Сейчас он побежит по деревянной беговой дорожке. Трудный это будет бег, дистанция 3000 м, 15 кругов в закрытом зале, каждый круг — 200 м.

Януш посмотрел на трибуны, собралось около 7000 зрителей. «Неплохо,— подумал он.— Видно, еще не совсем забыли Кусого». Правда, аплодировали ему очень сдержанно.

Выстрел! Он сразу выскочил вперед, навязав свой темп. Чувствовал себя превосходно, совсем как перед встречей с финнами. Правда, пробежав 2200 м, Кусочинский ощутил легкую усталость, мышцы как бы затвердели. Януш, однако, успокаивал себя, думая, что бежать по деревянной дорожке очень сложно, и решил несколько снизить темп. Его минутной слабостью моментально воспользовались Сиринг, Эйтель, Эберхардт и Титц. Он услышал рев толпы и понял, что немцы его опередили. Видимо были правы те, кто предостерегал Кусочинского от слишком раннего старта, но он решил не отказываться от борьбы и

прокзаменовать себя до конца. Оставалось 400 м до финиша, он собрал все силы, догнал Титца, обошел его, атаковал Эйтеля, и весьма успешно. Толпа бесновалась, подбадривала своих фаворитов. Впереди Кусого бежит Эберхардт, но Кусый уже его догоняет. Эберхардт еще борется, пробует оторваться, но и этот поединок выигрывает поляк. Пришла очередь Сирина — лучшего стайера Германии. Его очень нелегко победить. Сиринг еще больше удлиняет шаг, понимая, что ему грозит большая опасность.

Под бурю аплодисментов Сиринг пересекает финиш, опередив Кусочинского на десять метров. Время Сирина — 8.31,9, Кусочинского — 8.33,8, т.е. новый рекорд Польши в закрытом помещении. В этом же забеге Януш установил второй рекорд Польши на 2 км в закрытом помещении — 5.47,0.

Кусочинский подошел к Сиригу и пожал ему руку:

— Большое спасибо за то, что Вы прокзаменовали меня, — сказал он.— Это было очень полезно.

После пятилетнего перерыва Кусочинский выступил удачно. Януш произвел на немцев благоприятное впечатление, хотя и не победил. Известный легкоатлет Троссбах сказал о нем:

— Кусочинский ничуть не изменился! Он еще в этом году вернет былую форму. Всех нас он покорила великолепным стилем и мастерством.

А вот что сказал победитель бега Сиринг:

— Был нелегкий забег, даже для нас, немцев, привыкших к деревянной дорожке. Что же говорить о Кусочинском! Мне очень приятно поздравить коллегу с возвращением в большой спорт.

Что касается оценки польских специалистов, то все они в один голос утверждали, что первое выступление Кусочинского было удачным, но вряд ли имеет смысл ему переключаться на более короткие дистанции. По их мнению, он должен был ограничиться 5000 и 10 000 м. Стиль Кусого стал гораздо отточнее, чем семь лет назад, когда немецкие эксперты его очень критиковали. Теперь у Януша появились плавность, динамика, спокойствие и чувство ритма. Единственное, в чем можно было упрекнуть нашего бегуна, это в слишком медленной реакции. Когда все три немца вышли на прямую и начали финишировать, Януш слишком медленно «раскрутился» и отпустил Сирина на десять метров.

Победа над Нойи

Зимний сезон закончился. Надо было подумать о выходе на широкую арену. Такая возможность вскоре представилась. В конце марта спортивный клуб «Орел» организовал в Варшаве кросс на дистанцию 4,5 км. Говорили, что в беге будут участвовать два великих соперника: Кусочинский и Нойи, но пока никто ничего наверняка сказать не мог. Поединок состоялся совершенно случайно. Ни тот, ни другой спортсмен не предполагали, что им придется помериться силами в самом начале сезона. Оба совсем недавно начали тренировки на беговой дорожке и не ожидали, что встреча на стадионе «Орел» выльется в настоящий поединок. Они заметили друг друга только на старте и уже не могли отступить: отказ от соревнования выглядел бы трусостью. Обратного пути не было. Оба соперника оказались на старте рядом.

Вместе с ними стартовали и великолепный спортсмен Станишевский, специалист в беге на 1500 м, и 76 менее известных спортсменов.

После выстрела стартера Кусый быстро вырвался вперед, но Нойи тоже удалось выбраться из толпы, и он бросился вдогонку. Так, с самого начала образовался тандем двух спортсменов. Станишевский оказался в хвосте. Кусый бежал в хорошем, ровном ритме, время от времени пытаясь оторваться от остальной группы. Нойи неотступно следовал за ним. Оба уже значительно опередили остальных спортсменов, Станишевский остался позади.

Нойи отражает все атаки Кусого и не отпускает его ни на шаг. Остается всего 500 м до финиша, начинается последний короткий, но напряженный бой. Нойи опережает своего великого противника, Кусый не сдается, продолжает бороться, но напрасно. Ему, правда, удастся сократить расстояние, но полметра он все же проиграл. Время Нойи — 14.34,8, Кусочинского — 14.34,9. Третьим финишировал Виркус, Станишевский занял четвертое место. Бег настроил всех оптимистически. Мы еще раз убедились, что у нас есть два великолепных стайера, а соперничество между ними может привести к прекрасным результатам.

Через некоторое время у Кусочинского появилась возможность взять реванш. Во второй половине апреля в Варшаве состоялся традиционный кросс на приз газеты «Вечур варшавски», и все, кто знал Кусочинского, догадывались, что он хорошо подготовится к состязаниям и постарается любой ценой победить.

Бег состоялся на дистанцию 4000 м на ипподроме, участники должны были пробежать два полных круга. Уже после 300 м в головной группе бежали Кусочинский, Нойи, Герман, Винецкий и Василевский. Далеко позади на седьмой позиции оставался Станишевский, а за ним растянулись и остальные участники забега.

После трех километров Виркус решил попытать счастья. Вдруг ему удастся оторваться? Он атаковал, но Нойи и Кусый мгновенно ответили

контратакой. Виркус отстал. Наконец головная группа пошла последний круг. Нойи впереди, но рядом с ним Януш, от которого Юзефу никак не удастся оторваться. Еще одно усилие! Януш по-прежнему рядом. Чувствуется, что Нойи уже выложился до конца. Но он старается не пропустить вперед соперника, закрывает собой проход. Однако уже поздно. Януш вырывается вперед, и в 60 м от финиша он уже впереди Нойи на пять метров. Еще одно отчаянное усилие Нойи ни к чему не приводит. Он оглядывается, замедляет темп и отказывается от продолжения борьбы. Кусочинский заканчивает дистанцию, оставив соперника в двадцати метрах позади. Трибуны неистовствуют, в воздух взлетают шляпы. Наконец-то мы снова увидели прежнего Кусого! Он показал нам, как умеет побеждать! После стольких лет разочарования он снова первый! Убедительная победа!

Победил Кусочинский, его время — 12.05,2, вторым пришел Нойи, третьим — Виркус.

— Результат бега не был для меня неожиданностью,— сказал тренер Нойи Петкевич.— Вчера вечером я наблюдал Кусого на тренировке. Он великолепно бежал, без напряжения, легко и плавно. Выиграл он вовсе не потому, что Нойи был слабым, Юзеф находится в прекрасной форме. И это делает победу Кусочинского еще более убедительной.

Прошел месяц, и два соперника снова, уже в третий раз в этом году, смогли помериться силами. «Полония» организовала на своем стадионе международный матч. В первый день организаторов постигла неудача: на стадионе собралось всего около тысячи зрителей. Перед соревнованиями прошел слух, что Нойи вообще не хочет стартовать. Значит, самой интересной встречи Кусочинский — Нойи не состоится. К счастью, слухи оказались ложными. Нойи явился на соревнования, и те, кто не пришел на матч, могли только сожалеть, что не увидели интересного зрелища.

На старт бега на 3000 м вышли лучшие польские бегуны: Кусочинский, Нойи, Сольдан, Герман и венгерский спортсмен Чаплар. К последнему кругу зрители уже не сдерживали эмоций и повскакали с мест. Сольдан, отличавшийся красивым стилем, вдруг вырвался вперед и ушел от соперников на двадцать метров. Кусочинский начал рывок только в трехстах метрах от финиша. На последних ста метрах он настиг Сольдана и после короткой, но решительной схватки вышел вперед. Его время — 8.33,0, Сольдана — 8.34,0, Чаплара — 8.37,5, Нойи — 8.40,4. На следующий день на стадионе «Полония» собралось около 5000 зрителей. Варшавяне были уверены, что Нойи захочет взять реванш и снова на дорожке разыграется острая борьба. И они не обманулись в своих ожиданиях. На старте выстроились те же спортсмены, что и вчера. Со старта лидировал Кусочинский. Нойи вырвался вперед всего два раза. Вся пятерка вначале держалась вместе. Последний километр впереди бежал Кусочинский, предложив очень высокий темп (2.50,0). Януш легко выиграл бег, хотя Чаплар сражался до последнего, подстегиваемый Нойи

и Сольданом, следовавшими за ним по пятам. Время Кусого — 14.57,4, Чаплара — 14.58,6, Нойи — 14.58,8, Сольдана—14.59,0. Сольдан был третьим поляком, пробежавшим дистанцию быстрее чем за 15 минут.

Больше всех Кусочинским восхищался венгр Чаплар. — Я впервые встретился с Кусочинским,— сказал после бега Чаплар.— Это твердый и несгибаемый боец. В Будапеште никто до сих пор не верил, что он снова сможет вернуться в большой спорт.

Необыкновенный сюрприз

Победив Нойи, Кусочинский поверил в свои силы, почувствовал себя прежним Кусым — «железным» соперником Нурми. Ему уже недостаточно было побеждать отечественных бегунов, хотелось встретиться с европейскими знаменитостями и напомнить всему миру о своем существовании. Часто мысленно он возвращался в Финляндию, на свою «вторую легкоатлетическую родину». Януш всегда боролся с финскими спортсменами не на жизнь, а на смерть, восхищался их стилем, системой тренировок. По его мнению, только победы над финскими бегунами могли принести полное удовлетворение спортсмену-стайеру.

В начале июня Кусочинский поехал в Хельсинки. Только встреча с финнами могла его окончательно убедить, что он снова в форме.

В Финляндии было уже известно, что польский спортсмен вернулся на беговую дорожку, но местные специалисты были настроены скептически. Они не верили, что Кусочинский полностью вернул былую форму и может так же успешно соперничать с финскими бегунами.

Финская публика, всегда с большой симпатией относившаяся к Янушу, приняла близко к сердцу трагедию спортсмена и теперь радовалась его возвращению в большой спорт. Местная пресса посвятила много места предстоящим соревнованиям, описывала былые победы польского стайера.

Бег на 5000 м состоялся на олимпийском стадионе. Все очень удивились, когда Кусый сразу же после выстрела стартера вырвался вперед. Януш лидировал первый круг, потом его сменил на некоторое время Ярвинен, но Януш, не собираясь никому уступать лидерства, снова вышел вперед. 800 м он пробежал за 2.13,0, 1000 м — за 2.46,8. Ярвинен предпринимает еще одну атаку, но Кусый отражает ее и пробегает 1500 м за 4.14,0.

Кажется, все идет прекрасно. Кусый пробежал 2000 м за 5.42,0, по-прежнему возглавляя головную группу. Но вот у него начали появляться первые признаки усталости. Может быть, он переоценил свои возможности?.. Он снизил темп и позволил выйти вперед Пекури. После третьего километра у Пекури было преимущество в 5 секунд. Следом за ними бегут Ярвинен и Курки. Так проходит еще один километр. Кусочинский явно переживает кризис, все больше ослабевает. Его атакует Туоминен и оттесняет на третье место. Пекури бежит впереди, и на лице у него написана уверенность в победе.

И вдруг происходит неожиданное. За 350 м до финиша у Кусого появляется как бы второе дыхание. Кризис миновал. Он начинает свой блестящий финишный рывок, обходит Туоминена под бурю аплодисментов. К сожалению, между ним и Пекури слишком большое расстояние, более 200 м! У Януша уже просто не хватает времени, чтобы наверстать упущенное. Пекури первым пересекает финишную ленту, его время — 14.25,6, Кусочинский пришел вторым — 14.29,8, третьим был

юниор Туоминен — 14.30,2, у Курки — 14.42,8, у Ярвинена — 14.43,9. Можно представить себе, каким интересным был забег! Семь спортсменов затратили на всю дистанцию меньше 15 минут!

Сразу же после бега Кусочинского поздравили руководители финских спортсменов. Выяснилось, что Януш установил новый рекорд Польши (14.29,8), а также побил национальный рекорд на 3 мили — 14.02,0.

— Состязания были очень удачными,— сказал один из хозяев.— Кусочинский сделал нам приятный сюрприз. Он снова находится в превосходной форме. Если бы не кризис между 2600 и 3000 м, он мог бы победить. Жаль, что Мяки не принимал участия в забеге, тогда соревнования были бы еще интересней. Кто знает, может быть, был бы побит мировой рекорд...

На этих же соревнованиях и в других видах программ мы были показаны отличные результаты. Матти Ярвинен метнул копье на 74,79. Это был один из лучших результатов, достигнутых в 1939 году.

Кусочинский, хотя и проиграл, был очень доволен. Он радовался, что в Финляндии ему удалось хорошо выступить. В ближайшем будущем он намеревался встретиться в Стокгольме с лучшими стайерами Швеции.

В Стокгольме, как в старые, добрые времена

— Кто со мной бежит на 1500 м? Будут ли у меня сильные соперники? — такими были первые вопросы Кусочинского, которые он задал, приехав в Стокгольм в середине июня.

Хозяева, прибывшие на вокзал встретить польского спортсмена, сделали удивленные лица:

— Как же так, мистер Кусочинский, ведь вы должны бежать на 5000 метров! Весь Стокгольм ждет этого бега уже целую неделю. Вас считают гвоздем программы. У нас в Швеции есть молодой спортсмен Торо Тиллман, ему недавно исполнилось 23 года, он подает большие надежды. Правда, до сих пор ему не удалось показать высоких результатов, но он — надежда шведской легкой атлетики. Мы так надеялись, что вы проэкзаменуете этого парня, мы были бы вам так благодарны!

У Януша всегда было необыкновенно развито чувство противоречия. Он сразу же стал торговаться:

— Но я вовсе не подготовлен к бегу на 5000 метров. Произошло недоразумение. Вы ведь, наверное слышали, что вскоре я еду в Выборг, где хочу помериться силами с финнами в беге на 1500 метров. В Стокгольме я запланировал провести острый спарринг перед соревнованиями в Выборге и именно на средней дистанции.

— Но вы должны нас понять, мистер Кусочинский... Газеты уже неделю ни о чем другом, как об этом беге, не пишут!

Януш уступил, но очень неохотно. Он терпеть не мог менять свои планы и был, наверное, самым упрямым польским легкоатлетом. Но ведь он и рекорды устанавливал благодаря своему угрямству!

До последнего момента перед стартом Кусый был в отвратительном настроении. Оно улучшилось только тогда, когда Януш вышел на поле и его встретили аплодисменты пятнадцатитысячной толпы, а известный в прошлом бегун Виде (*На IX Олимпийских играх в Амстердаме Э. Виде завоевал бронзовые медали в беге на 5000 и 10 000 м. — Прим. ред.*) произнес приветственную речь. Он сказал о недавней болезни Кусочинского, операции и возвращении на беговую дорожку.

Кусый сразу же начинает лидировать, за ним идет монолитная группа с Тиллманом во главе. Первый круг (386 м) пройден за 1.08,0. Такой темп не устраивает Тиллмана, он вырывается вперед и следующий круг проходит за 1.04,0, третий — за 1.05,0. Кусый бежит вплотную за шведским спортсменом, его удивляет, что Тиллман может навязать столь высокий темп.

Чтобы напомнить о себе, Кусый время от времени пытается выйти вперед, но его попытки не слишком энергичны, и Тиллман легко дает отпор.

Кусочинский производит впечатление очень довольного ходом бега; он хотя и бежит вторым, все же сам регулирует темп. На каждом

круге он поглядывает на секундомер и, если скорость слишком мала, старается «подтолкнуть» младшего коллегу.

Тандем Тиллман—Кусый неумоимо движется вперед, все дальше оставляя группу остальных спортсменов. Тиллман бежит красивым, мягким шагом.

— 3000 метров за 8.40,4,— объявил диктор. На беговой дорожке все без изменений. Швед по-прежнему лидирует. Стадион предчувствует, что это затишье перед бурей. На некоторое время все замерло, будто трибуны и бегуны копили силы перед финишным рывком. Кусому явно надоели выходы молодого шведа, и на первом вираже предпоследнего круга он выходит вперед, но оказалось, что у Тиллмана еще остался большой запас сил. Он отражает атаку, увеличивает скорость и снова лидирует. Он, видимо, хочет предпринять последний штурм и именно здесь, в восьмистах метрах от финиша, окончательно сломить противника. В одно мгновение он отрывается на пять метров от поляка. Стадион как будто взорвался. Виде кричит своему соотечественнику, чтобы тот еще увеличил темп, он близок к побитию рекорда Швеции.

А что же Кусый? За круг до финиша он быстро нагоняет шведа и атакует его на вираже. Но усилия Януша ни к чему не приводят. Тиллман первым выходит на прямую, до финиша всего 200 м. Те, кто знает способности Кусого и его знаменитый финиш, спокойны. Кусому вполне достаточно 200 м, чтобы закончить поединок в свою пользу. И действительно, Януш на прямой переходит на спринт и опережает шведа на пять метров, но молодой соперник не отказывается от борьбы и старается наверстать упущенные метры. Кусый оглядывается и, видя, что ему уже никто и ничто не угрожает, в последний момент значительно замедляет темп. А жаль! Вскоре он узнал, что установил новый рекорд Польши, пробежав с очень хорошим временем — 14.24,2, Тиллман показал 14.24,8 и тоже побил рекорд Швеции, принадлежавший Ионссону. Больше всех удивлен был после бега сам Кусочинский.

— Я и понятия не имел, что бегу с рекордным временем,— говорил Януш.— Правда, я все время смотрел на секундомер и проверял, за какое время пробегаю круги, но не ориентировался в общем времени на дистанции. Я вовсе не намеревался устанавливать рекорд и, что самое главное, не предполагал, что придется столько повозиться с этим юношей. Я не собирался лидировать, только хотел его слегка попутать. Но если бы я знал, что иду на рекорд...

— Почему вы замедлили бег перед финишем? — спросил журналист.

— Именно потому, что не имел понятия об общем времени. Я думал только о том, чтобы поскорее закончить бег, и злился, что мне не дали бежать 1 500 метров...

Тогда Кусочинский не знал и о том, что его результат был шестым в мире за всю историю бега на эту дистанцию.

Стоит послушать, что сказал Тиллман:

— Я восхищаюсь Кусочинским. Мне и в голову не приходило, что в таком «почтенном» возрасте и после такого длительного перерыва он сможет показать хорошее время. Мне кажется, что в нашем успехе есть и моя заслуга — ведь это я предложил такой высокий темп.

Эти высказывания слышал тренер Тиллмана Виде, пожилой человек с очаровательной улыбкой:

— Кусочинский по сравнению с 1932 годом,— сказал Виде,— значительно улучшил свой стиль, бегаёт намного легче и свободней. Сегодня он свободно мог пробежать на четыре секунды быстрее. До сих пор я думал, что граница человеческих возможностей в беге на 5000 метров 14.19,0, а сегодня, после бега, уже не знаю, что сказать... У вас кроме Кусого есть ещё великолепный Нойи, который, говорят, не слабее его. А сколько у вас есть талантов, о которых вы и сами не подозреваете? Надо только уметь их найти.

Через несколько дней Кусочинский появился в Выборге. Как уже говорилось, он намеревался бежать на 1500 м, где-то в глубине души надеясь побить свой собственный рекорд Польши. Но явившись на стадион, нахмурился.

— Сегодня очень сильный ветер,— сказал он.— В таких условиях трудно побить рекорд.

Януш оказался прав. Всего четырех десятых секунды не хватило, чтобы побить его собственный рекорд. На этот раз он пробежал дистанцию за 3.54,4.

Кусый все же был доволен своим результатом. Ещё больше его радовало возобновление дружеских связей с финнами. Януш вел дружеские разговоры с Пекури и Мяки, которые пообещали в сентябре посетить Варшаву и выступить в соревнованиях. Бедный Януш тогда не мог предположить, что его выступление в Выборге — последняя поездка за рубеж...

Кусый в роли косаря

На родину Януш вернулся в превосходном настроении. Он чувствовал, что окончательно вернул былую форму, и надеялся на удачные выступления на стадионах мира. Он верил, что его заветная мечта — принять участие еще в одной олимпиаде — исполнится.

Приехав в Варшаву, Кусочинский стал готовиться к первенству Польши в Познани, решив ограничиться одним видом соревнований — бегом на 10 000 м. На этой дистанции он уже давно не выступал и сейчас хотел проверить свои силы.

К сожалению, первенство, состоявшееся 8 и 9 июля прошло неудачно. Стадион оказался совершенно непригодным для таких ответственных состязаний. Беговая дорожка была слишком рыхлой и мягкой. Было очень жарко, что расслабляюще действовало на спортсменов. Надо еще вспомнить об удушливой политической атмосфере, и картина будет полной. Познань находилась вблизи гитлеровского гнезда, что не могло не отразиться на нервах и психике легкоатлетов.

Многие бегуны вышли на старт почти неподготовленными. Никогда еще не наблюдалось столько случаев отказа от старта. Быть может, общее настроение апатии повлияло и на Кусочинского. Он пробежал 10 000 м почти не прилагая усилий, не думая о результате. Мягкая беговая дорожка сводила на нет все усилия спортсменов хорошо выступить. Януш ограничился тем, что обошел на круг всех своих соперников. Его время — 31.45,4. Бег этот практически не принес никакой пользы. Кусочинский по-прежнему оставался в неведении, каковы его теперешние возможности на этой дистанции.

Послушаем, что говорил сам Януш по поводу того старта:

— Первенство Польши в Познани было для меня черным днем в настоящем сезоне. Я думал о хорошем результате, но когда испытал дорожку, сразу же расхотелось бежать. Она была совершенно не пригодна для бега. Все время надо было следить, чтобы не сломать ноги, увязнув в какой-нибудь выбоине. В таких условиях результат отходит на второй план. Мне было жаль, что все мои усилия зря потрачены, так как после забега я не смог сделать для себя никаких выводов.

Меня часто спрашивали, собираюсь ли я в этом сезоне специализироваться на какой-нибудь определенной дистанции. Нет и еще раз нет! Если спортсмен хочет показать хороший результат на 5000 и 10 000 м, то он должен бегать и на средние дистанции. Это развивает скорость, закаляет нервную систему, бег становится менее монотонным. Названные факторы объясняют, почему моя программа выступлений не совпадает с календарем мероприятий Союза легкоатлетов, который то перенасыщен соревнованиями, то допускает слишком большие перерывы.

Возьмем, к примеру, сентябрь. Запланированы один за другим два международных матча, следом за ними — юбилейные соревнования. Все

мероприятия назначены на три воскресенья подряд. Конечно, Союз будет просить меня выступить в беге на 5000 м. Не знаю, как мне это удастся. Я могу выступать каждое воскресенье, у меня хватит сил, но на разных дистанциях.

Часто мне задают вопрос: каковы прогнозы моих будущих встреч со шведами и со знаменитыми финнами? Мне очень трудно ответить. Прежде чем надеяться на успешное соперничество с финнами, надо иметь такие же условия тренировок, как у них. Пока это невыполнимо.

То, что мне удастся достигнуть тяжелым трудом и собственным энтузиазмом, финны получают благодаря сильной внутренней конкуренции. Наличие сильных соотечественников очень подтягивает и стимулирует.

Я слышал о том, что финны собираются осенью попытаться побить мировой рекорд на 10 000 м. К сожалению, я, наверное, не смогу принять участие в этой попытке. Но ведь только в непосредственной борьбе можно сделать сравнительные выводы.

Приближается Олимпиада, и на мне лежит ответственность за старательную и рациональную подготовку, которая должна вестись строго по плану и в спокойной обстановке. Спокойная обстановка — залог успеха.

К сожалению, все складывалось не так, как планировал Януш. Образовавшийся на бедре нарыв увеличился, при каждом шаге причинял невыносимую боль. Кусый планировал поездку в Лондон, но пришлось от нее отказаться. В лондонский поезд сели только три поляка: Нойи, Станишевский и Шнайдер.

Вскоре пришла телеграмма из Лондона с сообщением о неудачном выступлении польских спортсменов. А что делал Кусочинский в то время, как его коллеги находились в Лондоне? Один из журналистов хотел попросить Януша прокомментировать выступления его коллег в Англии, но телефон на улице Злотей упорно молчал. Никто не знал, куда пропал Кусочинский. Внезапным исчезновением Кусочинского заинтересовались прежде всего журналисты. Первым забил тревогу Эдвард Трояновский, рекордсмен Польши в беге на 200 м, старый приятель Януша.

Трояновский очень образно описывает «погоню» за Кусочинским, и поэтому я предоставляю ему слово:

«Случайно мне стало известно, что Кусый поехал в сторону Радома. Я сел в автобус и отправился следом за ним. Толкучка в автобусе ужасающая, я стою в проходе, стиснутый со всех сторон рыночными торговками с корзинами и сумками. Душно, как в потопленной подводной лодке. Такую пытку можно вынести только ради Януша. Я начинаю серьезно задумываться над целесообразностью моего мучительного путешествия, ведь фактически я еду в неизвестность. В последний раз я видел Януша три недели назад в плавательном бассейне на Лазенковской улице. Кусый был тогда очень озабочен своей болезнью, которая занимала его больше всего на свете. Он проклинал первенство в Познани, бег на 10 000 м, маленький фурункул, который вырос до

размеров кулака Джо Луиса. С тех пор Януш ни разу нигде не появлялся, его отсутствие было слишком длительным, лечение наверняка давно было закончено. Финны тренируются трижды в неделю, швед Йонссон бьет рекорды один за другим, приближаются встречи с Францией с Венгрией, а Кусый не подает никаких признаков жизни. Он якобы находится в Радоме.

Что он там может делать? Тренируется? Отдыхает? А может, он болен?...

Ничего конкретного мне узнать не удалось, даже его адреса.

Радом! — проревел заспанный кондуктор, и пассажиры высыпали из автобуса. Радом — не маленький город. В нем проживает 100 тысяч жителей, а дома разбросаны на большом пространстве. Вся надежда на то, что наш Кусочинский — великий...

Я подхожу к полицейскому:

— Вы не знаете, где живет Кусочинский?

— Как же мне не знать? Конечно, знаю! Наш чемпион живет здесь уже несколько дней, и его знает весь Радом... Площадь Третьего мая, дом 6.

Вскоре я уже у дома № 6, взлетаю на второй этаж. Там живет адвокат А.

— Да, Януш остановился у меня. Он вышел и вернется очень поздно.

Я представился адвокату.

— Ах, вспоминаю! Вы приятель Януша. Как жаль, что я не спросил его, куда он пошел. Кусый живет у нас уже восемь дней, совсем не тренируется, лечит ногу.

— Как лечит ногу?

— Да! Он приехал к нам с огромным фурункулом на ноге.

Я благодарю за подробную информацию и пускаюсь в дальнейшие поиски. Где же он может быть? Я «прочесываю» все самые элегантные кафе и рестораны. Уже около семи часов вечера. В это время Януш любит выпить чашечку кофе.

Обежав весь город, я на всякий случай решил еще раз заглянуть в «Марлен». За столиком сидел Кусочинский, читал «Пшеглонд спортивные» и попивал черный кофе. Выглядел он превосходно, загорел.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я его, запыхавшись.

— Сражаюсь с фурункулами. Сейчас я узнал, что больше их у меня никогда не будет, но должен признаться, что из-за них я претерпел муки ада. После первенства Польши чувствовал себя отвратительно. Фурункул на бедре рос на глазах и причинял чудовищную боль. К счастью, здесь мне помогли от него избавиться, осталась только маленькая ранка.— У Кусочинского загорелись глаза, и он воскликнул: — Я сейчас превосходно себя чувствую, мышцы как стальные! Посмотри! — и он протянул мне руки. На ладонях кожа у него загорела, и даже кое-где были мозоли.

— Ты что, занимался греблей?

— Нет!

— Рубил дрова, как Вильгельм II или Шмелинг?

Януш рассмеялся:

— Ни в коем случае! Я косил, насколько хватало сил. Сначала все смеялись надо мной, потом восхищались. Я обгонял профессиональных косарей. Могу смело сказать, что я первый в Польше косарь с высшим образованием.

— Значит, ты был здоров?

Кусый погрузстнел, его энтузиазм и заразительная веселость улетучились.

— До определенного времени. Через несколько дней, когда я думал, что с болезнью покончено, вокруг гноящейся ранки высыпали три новых фурункула. Друзья посоветовали мне отправиться в Радом, где врачи будто бы прекрасно справлялись с заболеваниями такого рода.

Пока мы так разговаривали в «Марлене», к нашему столику подсел один из друзей Кусого. Это был очень разговорчивый человек. Он стал подробно рассказывать о злоключениях Януша.

— Приезд Кусого в наш город мы расценили как большую честь. Все хотели с ним познакомиться, он без расценда получал приглашения. Болельщики надеялись увидеть Кусого настоящим олимпийцем, но в Радом приехал грустный, прихрамывающий парень, опирающийся на тросточку. На него больно было смотреть. Наш лучший доктор занялся его лечением, ему помогал доктор Галка, который ухаживал за Янушем, как за малым дитем. Состояние ноги с каждым днем ухудшалось, специалисты советовали даже хирургическое вмешательство. Только боязнь шрамов остановила нож хирурга. Решили попробовать пропидон. От укола у Кусого поднялась температура, но, к счастью, укол оказался чудодейственным, фурункулез был вылечен, и через несколько дней можно было снять повязку.

— А когда ты начнешь тренироваться? — спросил я Януша.

— Только через десять дней. Об участии в соревнованиях в августе не может быть и речи.

После первенства Польши в Познани я узнал о том, что Нойи обратился к Кусочинскому с просьбой дать ему совет, как тренироваться. Кусый не отказал ему. Я рискнул поэтому задать Янушу вопрос:

— Как ты думаешь, Нойи в Мальме так хорошо выступил потому, что следовал твоим советам?

— Видимо, да.

— Да, но через несколько дней в Лондоне он потерпел поражение...

— Еще долго форма Нойи не стабилизируется. Он слишком недавно стал следовать моим советам.

— Что ты думаешь о своем предстоящем старте на Олимпиаде в Хельсинки?

— Я уже давно серьезно обдумываю свое выступление в Финляндии. Прежде всего я собираюсь уделить основное внимание

рациональным тренировкам. В Хельсинки я думаю отправиться за три месяца до Олимпиады.

Мы решили процитировать это интервью почти без сокращений, так как оно, пожалуй, было последним в жизни Януша Кусочинского. О своих планах он также говорил в статье, написанной для «Пшеглонд спортовы» 17 августа, за 13 дней до нападения гитлеровской Германии на Польшу:

«В 1939 году я снова вернулся в большой спорт, к жизни легкоатлета, обладающего уже определенным опытом. Я решил основательно поработать над собой и подготовиться к Олимпийским играм в Хельсинки так же, как семь лет назад подготовился к Играм в Лос-Анджелесе. Это моя цель. Я знаю, что мои планы нелегко осуществить, прекрасно понимаю, что в Хельсинки мне придется гораздо труднее, чем в Лос-Анджелесе.

В этом году после многомесячной подготовки я нахожусь в гораздо лучшей форме, чем в 1932 году. Испытать свои силы мне удалось на хорошей беговой дорожке с сильными соперниками. Результаты не замедлили сказаться. Дважды я побил рекорд Польши на скандинавских стадионах, что меня не очень удивило, так как 1939 год вообще был годом сюрпризов. Поразительных успехов добились спортсмены, от которых никто этого не ожидал. Я не удивился, например, что финны показали великолепные результаты, но то, что немцы и шведы в беге на 5000 м вышли из 14.30,0, меня, признаться, поразило. После того как мне удалось пробежать 5000 за 14.24,2, я совершенно изменил свой взгляд на границу возможностей спортсменов.

Часто я себя спрашивал: где же границы человеческих возможностей? Этот вопрос не дает мне покоя. К сожалению, сколько бы я ни размышлял над этим вопросом, я не смогу на него ответить, и, как мне кажется, нет на свете человека, который мог бы разрешить эту проблему.

По моему мнению, финны Мяки и Пекури — лучшие спортсмены, которые когда-либо появлялись в легкой атлетике. Они перечеркнули все выводы экспертов и теоретиков спорта. Их заслуга заключается в том, что они поднялись на недостижимые вершины, о которых не смели мечтать лучшие стайеры всех стран и времен, такие, как Нурми, Колехмайнен, Виле».

Кусочинский очень высоко ценил своих финских соперников, особенно Мяки (*В 1938 г. Таисто Мяки установил мировой рекорд в беге на 10 000 м (30.02,0), а в 1939 г. — мировой рекорд в беге на 5000 м (14.08,0). В том же 1939 г. Т. Мяки первым в мире преодолел 30-минутный барьер в беге на 10000 м (29.52,6).— Прим. ред.*). Но и финны не скупались на похвалы польскому коллеге. За несколько дней до начала войны один из польских журналистов встретил Мяки в Хельсинки и заговорил о Кусочинском.

— Прекрасный спортсмен, достойный противник,— заявил финн.

— Он всегда неожидан, всегда готовит какой-нибудь сюрприз, очень таинствен. Противникам почти никогда не удается угадать, что скрывается за такой таинственностью. Его результаты в этом году наверняка его не последнее слово. Он должен показать еще лучшие результаты. От него только и жди сюрпризов!

— Как вы считаете, не помешает ли ему возраст добиться высоких показателей?

— Салминену уже исполнилось 40 лет, и он все еще прекрасно выступает. Возраст не имеет значения. Главное — находиться в хорошей форме.

Если уж мы заговорили о Мяки, стоит рассказать, как тренируется знаменитый легкоатлет. Каждый день он встает в 4 часа утра. Два часа он бежит по окрестным лесам и лугам. Потом едет в Хельсинки на работу. Вернувшись с работы, он снова, тренируется два часа. И так каждый день. Вечером, ровно в 10 часов, он уже в постели.

На защиту Варшавы

Последний раз мы встретились с Кусочинским на стадионе Войска Польского в Варшаве 27 августа 1939 года. Он скромно сидел на трибуне, затерявшись среди болельщиков. На этот раз варшавяне пришли смотреть не соревнования легкоатлетов. Они пришли на стадион, чтобы насладиться мастерской игрой венгерской футбольной команды, в составе которой играл сам великий Шароши, один из лучших бомбардиров Европы. Казалось, что в этот день 30 тысяч зрителей забыли о черных тучах, сгущавшихся над Европой. Они не знали о том, что война висит в воздухе. На стадионе господствовал спорт и только спорт. Однако напряженная политическая ситуация давала о себе знать. За несколько минут до начала матча на одной из трибун стадиона появились молодые солдаты в новеньком обмундировании с противогазами на плече...

На поле выбегает футбольная команда Венгрии. Аплодисменты в адрес гостей сливаются с овацией в честь солдат.

Теоретически у нашей команды не было никаких шансов победить — ведь ее противниками были игроки европейского класса. Блеск венгерских звезд на полчаса совершенно ослепил наших футболистов. Не успели они оглянуться, как венгры забили два гола. Казалось, что уже ничто не может им помешать одержать победу с большим счетом. А оказалось...

После получаса слабой игры польская команда вдруг переродилась. В нее как будто вселился бес. Слаженная венгерская команда перестала результативно действовать. Поляки сплотились, стали даже агрессивными, и когда им удалось забить первый гол, уже ничто не могло их удержать.

Может быть, венгры переоценили свои возможности и предложили слишком высокий темп? Или они не ожидали такого порыва у своих противников? Ответы на эти вопросы можно было получить только посмотрев второй тайм. После перерыва они должны прийти в себя. Но нет! Оказалось, что это не только психологический надлом. Под ударами молниеносных атак поляков они так и не сумели обрести равновесие.

Первый тайм закончился со счетом 2:1 в пользу венгров. Вторым тайм начался серией атак польских футболистов. На 19-й минуте счет удалось сравнять. Через восемь минут венгерский защитник касается рукой мяча. Одиннадцатиметровый! Пионтек забивает! Мы ведем со счетом 3:2!

Не прошло и минуты, как наш нападающий пробивает стену защитников. Пушечный удар,— и мяч снова в воротах венгров. Несмотря на множество контратак, мы выигрываем у венгров со счетом 4: 2! Столь внушительной победы польский футбол еще никогда не одерживал.

Большого взрыва энтузиазма, чем в тот день, стадион Войска Польского еще не видывал. Один из зрителей не знал, как показать свою

радость. Он раскрыл над головой... зонтик, хотя на небе не было ни облачка.

Еще так недавно Януш охотно давал интервью, полные оптимизма, веры в победу на предстоящих Олимпийских играх, охотно делился своими планами на будущее. Но всем его проектам не суждено было осуществиться. Началась война!

Кусый, с детских лет привыкший к борьбе, понимает, что настал его час. Еще вчера он сражался на беговой дорожке, сегодня его ждет другая борьба, борьба не на жизнь, а на смерть с ненавистным врагом. Так решил Кусый, и ничто не могло поколебать его решимости.

— В первые дни сентября — рассказывает один из друзей Кусочинского — Антони Гжесик, меня вызвал командир пулеметной роты, в которой я был командиром первого взвода: «Двое штатских ждут вас, поручик, у ворот «Цитадели». Несколько удивившись, я пошел в сторону входа. Меня поджидали Януш Кусочинский и некогда известный барьерист Юзеф Королькевич.

В то время добровольцев уже перестали брать в армию, вышел приказ полковника Умястовского всем здоровым мужчинам покинуть Варшаву.

Я сразу догадался, о чем пришли меня просить Януш и его коллега. Они, конечно, хотели вступить в армию добровольцами. Много хлопот предстояло с этой парой, но я уже заранее был согласен. Это как раз тот самый случай, когда надо сделать исключение.

Я быстро договорился с командиром роты поручиком Радзиковским, который взвалил всю ответственность на меня за этих штатских. В пулеметной роте нашлось для них место. Мы все быстро убедились, что спортивная закалка прекрасно заменила им специальную военную подготовку

Так вольноопределяющийся капрал Януш Кусочинский и старший стрелок Королькевич начали военную службу. Надо еще добавить, что у Януша после операции колена была категории «Д» (белый билет). Обоих спортсменов зачислили в пулеметную роту второго батальона 360-го пехотного полка.

Януш вечно был в движении, всем помогал, куда-то спешил. Когда стало не хватать шлемов и саперных лопаток, он исчез и потом привез их столько, что хватило бы еще одной роте.

Его очень полюбили товарищи по оружию. Конечно, Янушу не удалось скрыть своего имени, все узнали, что рядом с ними сражается знаменитый спортсмен. В первые дни после того, как мы оставили «Цитадель», ему было скучно, так как наш взвод отошел на относительно спокойную позицию в глубине Ерусалимских Аллей. Темперамент не позволял Янушу усидеть на месте, и он по собственной инициативе с несколькими пулеметчиками отправился на разведку,

За ним неотлучно везде следовал боец Штехман, бывший портной-кустарь из Налевок. Он, как только узнал Януша, не сводил с него восхищенных глаз и ни за что не соглашался с ним разлучиться.

12 сентября полк должен был выполнить свое первое боевое задание. На рассвете мы заняли позиции в районе Служевца и аэродрома Окенце. Надо было выбить немцев, которые все ближе подбирались к Варшаве.

— Не знаю, как Януш показал себя в деле,— продолжал поручик Гжесик,— так как я был на левом крыле, а Кусый попал в район Окенца на правое крыло. Там операцией руководил командир роты.

От командира я ничего не смог узнать; его ранили в лицо, и он не мог говорить. Могу только сказать, что всем нам выпало нелегкое боевое крещение. Погиб командир полка Виталис Хмура, были тяжело ранены командир батальона капитан Мастернак и поручик Чернявский. От наших 15 пулеметов осталось только девять. О Кусом могу сказать только одно: вместе с капралом Орманом он, рискуя жизнью, вынес с поля боя командира роты и помог отправить его в госпиталь.

Возместив потери, я, уже как командир роты, часто видел Януша, его взвод занимал позицию в районе улицы Подхорунжих, а потом на улице Повсиньской. Там Януш воевал вплоть до капитуляции Варшавы.

После своего первого боевого крещения Януш превратился в опытного, бывалого бойца. Он старался все сделать для своих товарищей по взводу, часто приходил ко мне с целым списком необходимых вещей. Частенько я ему отказывал, тогда он действовал самостоятельно что-то комбинировал и обеспечивал своих всем необходимым.

Он ни о чем не забывал. Солдаты имели крышу над головой, питание, обмундирование, он следил, чтобы никто не выглядел неряшливо, заставлял всех каждый день бриться. На постах царил идеальный порядок, каждый знал свои задание и цель. Я ежедневно заглядывал к пулеметчикам и должен сказать, что во взводе Януша был исключительный порядок.

Время от времени Януш вырывался навестить мать, которая оставалась в Варшаве, жила на улице Новаковского. Однажды он пригласил меня на обед. Никогда не забуду я этого визита. Мать и сын очень нежно относились друг к Другу, чувствовалось, что мать гордится своим сыном. А однажды Януш организовал бридж за черным кофе. Кусый вообще был очень гостеприимным хозяином, он ухитрился им остаться даже в таких тяжелых прифронтовых условиях.

Сентябрь уже кончался, и положение защитников Варшавы с каждым часом становилось все тяжелее и безнадежнее. Немцы стянули огромные силы, войска, технику и напирали со всех сторон. Участок на улице Повсиньской был особенно сложным, его штурмовали гитлеровские части, расположенные в Вилянове. Немецкие летчики безнаказанно летали над нашими головами, сбрасывали бомбы, нас непрерывно обстреливала артиллерия. Немцы предпринимали днем и ночью частые вылазки, стараясь отыскать уязвимые места и прорвать оборону. Все сложнее было добраться до наших позиций, а Кусый по-прежнему занимался обеспечением, он поставил своего рода рекорд. При общей

нехватке обмундирования и боеприпасов взвод Кусочинского был обеспечен всем необходимым.

Мой маленький «фиат» служил теперь не только для того, чтобы объезжать наши пулеметные точки. Я вечно должен был что-то везти для подопечных Кусого; то обмундирование, то котел супа и сухой паек... С тех пор как на Повсиньской убили двух старых лошадей и пробили котел с супом, Кусый стал искать новые возможности обеспечивать горячей пищей бойцов. Он проскальзывал у самого берега Вислы, преодолевая препятствия которые и не снились самым лучшим кроссменам.

За несколько дней до капитуляции Варшавы погиб подпоручик Ростропович, вместе с ним пал восемнадцатилетний связной. Кусого назначили командиром взвода, и с тех пор он уже не покидал пулемета в окопах на улице Повсиньской, рядом с мостиком у улицы Окружной.

Там я его видел в последний раз, за два дня до капитуляции, по колено в гильзах от патронов, почерневшего от дыма и усталости. Рука была прострелена, на самодельной повязке выступила кровь. Ни за что на свете он не желал оставить своего поста, не хотел пойти в медпункт. Врач был слишком занят более тяжелыми случаями и не мог подойти к Янушу.

Кусочинскому предложили на время его заменить, чтобы дать ему передохнуть, но он и слышать не хотел об этом. Тем временем немцам удалось отсечь полк от фронта. Командир батальона запретил высылать связных, боясь раздробить и так уже немногочисленные силы. Планировалась атака всем полком, но этого не произошло.

О последних событиях на улице Повсиньской я узнал гораздо позже, 27 сентября. Кусочинского ранило во второй раз, и снова он сам наложил повязку на бедро и не захотел покинуть поле боя. Позже он потерял сознание от большой потери крови и его перенесли в медпункт, откуда его во время переговоров о капитуляции уже немецкая санитарка переправила в больницу Уяздовского. Мне его не удалось найти: на больницу упала бомба, и в страшном беспорядке невозможно было сориентироваться. Так и не удалось вручить Янушу выписку из приказа командующего обороной Варшавы о награждении Кусочинского орденом «Кшижем валечных».

Последний этап жизни

На доме № 6, что стоит по улице Ясной в Варшаве, имелась доска со скромной надписью: «Под петухом — Корчма спортсменов». Чтобы попасть в корчму, надо было спуститься по неудобной лестнице в полутемный, узкий зальчик. До войны здесь был ночной бар. Теперь здесь все изменилось, подвал стал местом встречи варшавских спортсменов, которые скрывались под землей от гестаповцев.

Стены помещения были украшены спортивными фотографиями и карикатурами на популярных чемпионов и рекордсменов. Надпись под дружеским шаржем гласила: «Забег Кусого с подносом к клиенту».

Именно эта надпись говорила обо всем. В корчме спортсмены обслуживали клиентов. Здорово придумано! Надо ведь войну как-то пережить, надо что-то зарабатывать, что-то есть.

В Варшаве появились кафе, где обслуживали артисты, киноактеры. Почему так же не могли поступить и спортсмены?

Идея принадлежала Александру Ольховичу, тренеру по теннису. Владелец корчмы вошел в пай со спортсменами. Официантками стали Ядвига и Зофия Енджеёвские и Марыся Квасневска — чемпионка по метанию копья. Им в помощь определили Януша Кусочинского и Игнация Тлочинского.

Корчму ежедневно посещало много клиентов. Приходили спортсмены, их друзья, которые не могли жить без постоянного контакта со спортом.

«Под петухом» видели и таких спортсменов, которые собирались через Словакию и Венгрию пробраться в польскую армию.

В этой корчме Януш провел свои последние дни на свободе. Мог ли он предположить, что ему придется прислуживать в помещении, которое он когда-то так любил посещать? Кусый залечил раны, полученные при обороне Варшавы. Война застала Кусого, когда он переживал свою вторую молодость и находился в превосходной спортивной форме. Он готовился к Олимпиаде в Хельсинки, к решающей борьбе со своими многолетними соперниками-финнами.

Януш был оптимистом, верил, что война скоро кончится, гитлеровская Германия будет разбита. Он всей душой ненавидел фашистов. Однако он не мог понять сущности гитлеризма, не мог поверить, что немцы, всегда благоговейно относившиеся к спортсменам, могут причинить вред популярному спортсмену. Януш не осознавал перемен, происшедших в стране в результате влияния фашизма, гитлеровского режима. Может быть, поэтому он был так неосторожен в нелегальной работе, в которой с первых дней оккупации принял активное участие. Кусочинский слишком много и громко говорил о своем отношении к оккупантам, часто при распространении подпольных изданий не проявлял элементарной бдительности.

Олимпийский чемпион был слишком заметной фигурой, чтобы гестапо не обратило на него внимание. Корчма «Под петухом» находилась под постоянным наблюдением.

26 марта 1940 года по Варшаве молниеносно пронеслось известие: Кусочинский арестован! Его арестовали в воротах дома № 16 по улице Новаковского, где жил с семьей Януш. Можно предположить, что у него с собой была пачка листовок. В этот день у Януша на квартире должны были собраться спортсмены — участники Сопротивления. В последний момент явка была отменена.

Видимо, гестапо рассчитывало провести большую облаву, пригнав к дому на Новаковской два грузовика.

В воротах к Кусому подскочили несколько агентов гестапо, одетых в штатское. Дворник, находившийся неподалеку, бросился на помощь Янушу, но его ударом ноги сбил один из гестаповцев, и дворник потерял сознание. Кусочинского бросили в кузов автомобиля. Гестаповцы вошли в дом, чтобы произвести обыск.

— Они тщательнее обыскали комнату Януша,— рассказывала его сестра Госьцилка.— Но ничего компрометирующего найти не удалось. Они забрали все фотографии с Берлинской олимпиады и пишущую машинку, потом опечатали кабинет. Я знала, что у Януша в письменном столе было спрятано несколько документов, относящихся к нелегальной деятельности. Бумаг этих немцы не нашли, и когда комнату разрешили открыть, они лежали на прежнем месте.

После обыска гестаповцы увезли племянницу Януша и ее мужа на допрос, несколько месяцев их продержали в гестапо. Из допроса племянница сделала вывод, что в конспиративной группе был предатель, он донес гестапо, что в тот вечер была назначена встреча членов группы.

На следующий день к корчме «Под петухом» подъехал «черный ворон» и забрал весь обслуживающий персонал на допрос в гестапо на Аллее Шуха. Там всех поставили лицом к стене. Кто осмеливался повернуться, получал удар ногой. К счастью, после допроса всех отпустили на свободу. С того момента корчма перестала существовать: никто не хотел рисковать и посещать подозрительное заведение.

Но вернемся на улицу Новаковского. Мать Януша, уже совсем старенькая, была убита горем. Когда гестаповцы уходили из квартиры, она лишь спросила:

— Что вы собираетесь сделать с моим сыном?

Ей цинично ответили:

— Хотя он и был великим спортсменом, придется его укоротить на голову... Он стал больше заговорщиком, чем спортсменом...

Первые известия об арестованном пришли из Мокотовской тюрьмы. Один из надзирателей принес записку: «Я здоров, не беспокойтесь обо мне». На словах надзиратель передал просьбу прислать расческу и дать 20 злотых посланцу.

Со слов надзирателя узнали, что в действительности все обстояло иначе. Януша на допросах страшно пытали, у него выбили все зубы, отбили легкие и почки. На все вопросы гестапо он давал один ответ:

— Ничего вы от меня не узнаете.

С Раковецкой улицы Януша перевезли на Аллею Шука, где он провел две недели в подвалах гестапо. Там он прошел самые страшные испытания.

Наконец пришло известие с Павяка. На улице Новаковского появилась какая-то женщина, она была надзирательницей в женском отделении тюрьмы (в то время в тюрьмах еще оставался польский персонал). Оказалось, Кусого почему-то поместили в женское отделение, в камеру № 4. Руки и ноги у него в кандалах. Его, как мешок, бросили в камеру, сам ходить он уже не мог.

— Я дала ему кружку кофе и хлеб,— рассказывала женщина.— Он набросился на еду, как будто не ел неделю.

Та же надзирательница рассказывала, что однажды на Павяке появился сам Гиммлер, вошел в камеру № 4, посмотрел на закованного и полуживого Кусочинского и сказал лишь: «Ну и ну!», тем самым как бы желая похвалить хорошую работу гестапо. После этого Гиммлер быстро вышел из камеры.

И еще одна весть просочилась сквозь толстые стены тюрьмы. На Павяке в тюремном коридоре Януша случайно встретила его племянница.

— Я увидела сгорбленного, больного старика, он едва мог передвигаться, в глазах его застыло равнодушие.

В июне 1940 года в Варшаве стало известно, что Кусочинского расстреляли в лесу на Пальмирах.

Как сообщили его сестре из достоверных источников, последними словами ее брата были:

— Не знаю, куда вы меня везете, но, наверное, я уже оттуда не вернусь.

Потом он выпрямился и воскликнул:

— Да здравствует Польша!

Так погиб великий спортсмен и патриот. Он боролся до конца и пал на поле боя.

Официальное уведомление о смерти пришло только в феврале 1941 года. Получила его Госьцица, сестра Януша. Оно было кратким: «Ваш брат умер в июне 1940 года в концентрационном лагере в Варшаве».

Послесловие

Итак, прочитаны последние страницы книги Януша Кусочинского. Они подготовлены к печати его другом — журналистом Казимежем Грижевским. Замечательный спортсмен погиб от рук гестаповцев. Погиб как герой, и память о нем священна.

В 1975 году исполняется 30 лет со дня разгрома гитлеровской Германии.

Восстановлены разрушенные города и села, широко и свободно шагает по жизни поколение людей, не знавших ужасов второй мировой войны. Но человечество никогда не забудет, что в результате войны, развязанной немецким фашизмом, погибли миллионы людей, в памяти человеческого вечно будут жить герои, отдавшие жизнь в борьбе с гитлеровским нашествием.

И один из них — Януш Кусочинский. Его бесхитростный рассказ о жизненном и спортивном пути, о своих радостях и обидах не может оставить читателя равнодушным.

В детстве Януш, как, наверное, все мальчишки, не мог представить себе жизнь без спортивных игр. Увлечение футболом и лаптой постепенно переросло в серьезную заинтересованность спортом. Конечно, появились и трудности. Нелегко было выкраивать время и на тренировки, и на учебу и на... свидания с девушкой. Нелегко было выдерживать атаки отца, для которого спорт всегда был чем-то вроде забавы, баловства, напрасной тратой времени.

Все это рождало некоторую скрытность, замкнутость Януша. Но это же рождало и твердость, настойчивость в достижении цели. Препятствия на пути в спорт выковывали железный характер Януша, который позволил ему в будущем выдерживать атаки соперников на беговой дорожке, характер, который привел Януша в первые дни войны в ряды добровольцев-защитников Варшавы.

Поразительным было трудолюбие Кусочинского на тренировке. Вспомните главу книги «Лошадиная... или финская тренировка». Сам Клумберг, тренер Кусочинского, известный в прошлом десятиборец, был поражен, узнав, с каким упорством выполнял Януш тренировочный план. На протяжении всей книги Кусочинский подчеркивает, что успех в спорте может принести только интенсивная и напряженная тренировка. Он не скрывает, что «тренировку предпочитал танцам и развлечениям». Уже будучи признанным спортсменом, приезжая на соревнования в ту или иную страну, Кусочинский первым делом отправлялся на тренировку.

Мы не знаем точно, сколько километров пробежал Кусочинский в тренировочный день. Но мы точно знаем, что тренировался он ежедневно, а иногда и дважды в день и что бег для него был не только напряженным трудом, но и радостью, без которой он уже не мыслил своей жизни. И здесь, несомненно, заметное влияние на тренировку Кусочинского оказали финские бегуны, в то время сильнейшие в мире, и прежде всего

великий Нурми. Мало кому из спортсменов на протяжении всей спортивной карьеры удавалось обходиться без травм. Не миновали они и Кусочинского. Серьезная травма ноги, полученная вскоре после соревнований в Лос-Анджелесе, долгие годы мучила олимпийского чемпиона. И понадобились немалое мужество, железная непреклонность, вера в свои силы, чтобы после длительного лечения вновь выйти на беговую дорожку. И не просто выйти, но и установить национальный рекорд.

Высокие духовные качества спортсмена и патриота особенно отчетливо проявились, когда немецко-фашистские войска вторглись в Польшу. Читатель знает о деятельности Кусочинского в этот период. Добавим, однако, что уже после того, как книга была опубликована в Польше, стали известны некоторые дополнительные подробности подпольной деятельности Кусочинского. Организация, в которую он входил, использовала популярность известного спортсмена, благодаря которой легче было вступить в контакт с немцами. Уже через месяц, в конце 1939 года, Кусочинскому удалось узнать, что в гестапо поступают доносы, в основном анонимные. Это угрожало жизни многих людей, и надо было постараться, чтобы письма не дошли до адресата. Кусочинскому удалось вступить в контакт с почтовыми чиновниками, и он смог контролировать письма, посылаемые в гестапо. Благодаря этому были спасены многие патриоты. Кусочинский получил также списки наиболее известных польских деятелей, которых гестапо хотело уничтожить.

Кусочинскому удалось достать план Варшавы, где были указаны все немецкие части, расквартированные в городе, расположение командных пунктов, складов боеприпасов, штабов. К сожалению, Януш был неосторожен, гестапо удалось напасть на его след, за ним установили слежку. Стало известным, что он часто бывает в доме № 12 на улице Хмельной, где встречался со своими товарищами по подпольной работе. Его арестовали в марте 1940 года.

После ареста Кусочинского надо было проверить, не остались ли в его квартире какие-нибудь важные документы, не найденные гестапо. Задание поручили чемпиону Польши по теннису Игнациу Тлочинскому. Выполнить задание было нелегко, так как гестапо могло установить слежку за домом Януша. К счастью, все обошлось благополучно, и Тлочинскому удалось найти и уничтожить документы.

В социалистической Польше свято чтут память о Януше Кусочинском. В Варшаве есть Парк культуры и отдыха им. Я. Кусочинского. Его имя присвоено также одному из столичных стадионов. С 1953 года в Польше проводятся международные легкоатлетические соревнования на приз имени Януша Кусочинского.

Стала памятником замечательному спортсмену и патриоту и написанная им книга.

Рекорды Польши в беге на 5000 и 10 000 м

5000 м

1912	Тадеуш Кухар	16.42,1
1926	Альфред Фрайер	16.08,7
1926	Альфред Фрайер	15.54,0
1928	Януш Кусочинский	15.41,0
1928	Януш Кусочинский	15.34,0
1929	Януш Кусочинский	15.17,8
1929	Станислав Петкевич	15.02,6
1930	Януш Кусочинский	14.59,4
1931	Януш Кусочинский	14.58,0
1932	Януш Кусочинский	14.41,8
1934	Януш Кусочинский	14.40,6
1936	Юзеф Нойи	14.33,4
1939	Януш Кусочинский	14.29,8
1939	Януш Кусочинский	14.24,2
1953	Ежи Хромик	14.21,6
1954	Ежи Хромик	14.14,6
1955	Ежи Хромик	13.55,2
1956	Ежи Хромик	13.51,0
1959	Казимеж Зимны	13.44,4
1966	Лек Богушевич	13.43,0
1969	Ежи Баран	13.41,6
1971	Хенрик Петровский	13.40,8
1971	Бронислав Малиновский	13.39,4
1973	Бронислав Малиновский	13.32,8

10 000 м

1911	Януш Мжигловский	35.33,4
1925	Стефан Шелестовский	34.27,6
1925	Юлиан Лукашевич	34.10,8
1926	Альфред Фрайер	33.07,8
1926	Альфред Фрайер	33.00,4
1929	Станислав Петкевич	32.09,0
1930	Януш Кусочинский	31.39,8
1932	Януш Кусочинский	30.31,4

1936	Януш Кусочинский	30.11,4
1954	Станислав Ожог	30.01,4
1955	Станислав Ожог	29.51,8
1955	Станислав Ожог	29.47,6
1955	Ежи Хромик	29.23,0
1956	Ежи Хромик	29.10,0
1956	Здислав Кшишковяк	29.00,0
1958	Здислав Кшишковяк	28.56,0
1958	Здислав Кшишковяк	28.52,4
1965	Казимеж Зимны	28.46,0
1971	Эдвард Леговский	28.34,6
1973	Бронислав Малиновский	28.30,4

Рекорды мира в беге на 5000 и 10 000 м

5000 м

1912	Ханнес Колехмайнен (Финляндия)	14.36,6
1922	Пааво Нурми (Финляндия)	14.35,4
1924	Пааво Нурми (Финляндия)	14.28,2
1932	Лаури Лехтинен (Финляндия)	14.17,0
1939	Таисто Мяки (Финляндия)	14.08,0
1942	Гундер Хегг (Швеция)	13.58,2
1954	Эмиль Затопек (Чехословакия)	13.57,2
1954	Владимир Куц (СССР)	13.56,6
1954	Кристофер Чатауэй (Великобритания)	13.51,6
1954	Владимир Куц (СССР)	13.51,2
1955	Шандор Ихарош (Венгрия)	13.50,8
1955	Владимир Куц (СССР)	13.46,8
1955	Шандор Ихарош (Венгрия)	13.40,6
1956	Гордон Пири (Великобритания)	13.36,8
1957	Владимир Куц (СССР)	13.35,0
1965	Рональд Кларк (Австралия)	13.34,8
1965	Рональд Кларк (Австралия)	13.33,6
1965	Рональд Кларк (Австралия)	13.25,8
1965	Кипчого Кейно (Кения)	13.24,2
1966	Рональд Кларк (Австралия)	13.16,6
1972	Эмиль Путtemanс (Бельгия)	13.13,0

10 000 м

1911	Жан Буэн (Франция)	30.58,8
1921	Пааво Нурми (Финляндия)	30.40,2
1924	Вилле Ритола (Финляндия)	30.35,4
1924	Вилле Ритола (Финляндия)	30.23,2
1924	Пааво Нурми (Финляндия)	30.06,2
1937	Илмари Салминен (Финляндия)	30.05,6
1938	Таисто Мяки (Финляндия)	30.02,0
1939	Таисто Мяки (Финляндия)	29.52,4
1944	Вилле Хейно (Финляндия)	29.35,4
1949	Эмиль Затопек (Чехословакия)	29.28,2
1949	Вилле Хейно (Финляндия)	29.27,2
1949	Эмиль Затопек (Чехословакия)	29.21,2
1950	Эмиль Затопек (Чехословакия)	29.02,6
1953	Эмиль Затопек (Чехословакия)	29.01,6
1954	Эмиль Затопек (Чехословакия)	28.54,2
1956	Шандор Ихарош (Венгрия)	28.42,8
1956	Владимир Куц (СССР)	28.30,4
1960	Петр Болотников (СССР)	28.18,8
1962	Петр Болотников (СССР)	28.18,2
1963	Рональд Кларк (Австралия)	28.15,6
1965	Рональд Кларк (Австралия)	28.14,0
1965	Рональд Кларк (Австралия)	27.39,4
1972	Лассе Вирен (Финляндия)	27.38,2
1973	Дэвид Бедфорд (Великобритания)	27.31,0

Фотографии

Сохранилось немного фотографий, запечатлевших Януша Кусочинского. Олимпийский чемпион не очень любил фотографироваться, да и фотокорреспонденты 30-х годов, видно, были не столь искусны, как теперь. И все же редкие снимки, представленные в этой фотоглаве, существенно дополняют образ замечательного польского спортсмена и гражданина.

На дистанции Януш Кусочинский

Януш Кусочинский

Гимнастика Кусочинского по предписаниям Клумберга

Победный финиш Януша

«Я всегда восхищался Костшевским...»

«Я взял в руки маленький секундомер...»

В солдатском мундире

Кусочинский и Нурми

Соперники в жизни и на беговой дорожке (Кусочинский и Петкевич)

В обществе Вайс и негритянского прыгуна в длину Катора, серебряного призера Олимпиады 1928 года

Кусочинский встречает Валасевич на вокзале в Варшаве

В руках у Януша самая большая награда спортсмена — золотая олимпийская медаль

Радости и горести Олимпиады позади. Теперь — на родину (в центре — Кусочинский)

...Юзеф Нойи многому научился у Кусочинского (фрагмент эстафеты). Самый грозный соперник Кусочинского также был замучен гестаповцами. Его схватили во время уличной облавы и отправили в концлагерь Освенцима. В начале 1943 года вместе с другими узниками Освенцима Нойи был расстрелян

Нелегко бежать в тесном кольце болельщиков и велосипедистов. Но очень помогает сознание того, что тебя знают и любят...

После эстафетного бега по улицам Варшавы (под № 114 — Януш Кусочинский)

Януш Кусочинский с призом «Лучшему спортсмену года»

Память о героях вечна... Известный польский бегун Здислав Кшишковяк у могилы Януша Кусочинского на мемориальном кладбище в Пальмиры, близ Варшавы

ЯНУШ КУСОЧИНСКИЙ

Цена 84 коп.

Неоднократный чемпион
и рекордсмен Польши
в беге на 5000 и 10 000 м,
чемпион Олимпийских игр
в Лос-Анджелесе
в беге на 10 000 м

